

Р-309494
В-309494

Федор
Синицын

За русский
народ!

Национальный вопрос
в Великой Отечественной войне

«Здоровый,
правильно понятый
национализм»

И. Сталин

Р
У
С
ВЗГЛЯД
С
К
И
Й

Федор
СИНИЦЫН

За русский народ!

Национальный вопрос
в Великой Отечественной
войне

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2010

Оформление серии *П. Волкова*

Фото на обложке: *А. Первенцев / РИА Новости*

Синицын Ф.Л.

С 38 За русский народ! Национальный вопрос в Великой Отечественной войне / Федор Синицын. — М. : Яуза: Эксмо, 2010. — 416 с. — (Русский взгляд).

ISBN 978-5-699-41314-0

Катастрофическое начало Великой Отечественной войны — одно из следствий провала национальной политики, проводившейся в СССР после Октябрьской революции. Утопические идеи большевистских лидеров, раздувавших «мировой пожар» на костях русского народа, лишили сограждан чувства нации и Родины, смутили их лживой верой в «братство всех пролетариев мира», заставили переживать необоснованное чувство вины за дореволюционную Россию, которая якобы была «тюрьмой народов». Лишь перед самым началом войны руководство Советского Союза решилось на идеологический переворот. «Здоровый, правильно понятый национализм» — так в мае 1941 г. Сталин определил новую концепцию национальной политики СССР. Реализовывать ее пришлось уже в условиях военной катастрофы.

О том, как власть играла на национальных чувствах людей, чтобы мобилизовать их на защиту Отечества, каким образом боролась с «антисоветскими проявлениями» и противостояла гитлеровской пропаганде, как использовала в интересах обороны Церковь, «славянский» и «еврейский» вопросы, — обо всем этом рассказывает данная книга, первое серьезное исследование национальной политики СССР в годы Второй Мировой войны.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)

© Синицын Ф.Л., 2010

© ООО «Издательство «Яуза», 2010

© ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-41314-0

Национальная политика и национальные отношения в нашей стране всегда играли особую роль. Однако после Октябрьской революции национальная политика в СССР была огульно сведена к определенным образом понимаемому «интернационализму». Советское государство, возникшее на развалинах Российской империи, рассматривалось не как самоценная и суверенная держава, а только как удобный плацдарм для дальнейшего раздувания «мирового пожара», развертывания «мировой революции» с целью создания «всемирной пролетарской республики». Дореволюционная Россия получила клеймо «тюрьмы народов», а русский народ — статус угнетателя, который должен был расплачиваться по своим долгам перед другими народами, «порабощенными» во времена царской империи. Были отвергнуты многие прогрессивные завоевания русской истории, а сама она была заклеймлена и вычеркнута из списка достойных для преподавания наук.

Однако мировая революция не удалась, и вскоре от нее отказались, перейдя к политике построения социализма «в одной стране». Такие изменения в политике вынудили руководство Советского Сою-

за взять курс на осторожное возвращение к патриотическим ценностям. Без укрепления патриотизма невозможно было добиться успеха в экономическом развитии страны и ее защите от враждебного окружения. Понятие «Родина» (с приставкой «советская») было вновь введено в государственный лексикон. Отечественная история была восстановлена в правах учебной и воспитательной дисциплины. Русскому народу — государствообразующему в СССР — официально был возвращен статус «великой и передовой нации», присвоен титул «старшего брата в семье советских народов». Положительно были оценены деятельность таких исторических личностей как Александр Невский, Козьма Минин, Дмитрий Пожарский, Петр I и роль ряда исторических событий прошлого, в частности Отечественной войны 1812 г.

В массы внедрялась установка, что «где и при каких бы условиях Красная Армия ни вела войну, она будет исходить из интересов своей Родины». В мае 1941 г. была опубликована написанная еще в 1934 г. статья И.В. Сталина «О статье Энгельса "Внешняя политика русского царизма"», в которой глава Советского государства обрушился на «классика» с критикой его русофобских высказываний. Тогда же центральная и местная печать получила указание расширить публикацию материалов «на тему о советском патриотизме».

Выбранный в качестве идеологии «советский патриотизм» трактовался как «преданность социалистической родине, братская солидарность советского народа с трудящимися массами, которые еще томятся под игом капитала, верность партии

большевиков, преданность советской власти, преданность Сталину, ненависть и непримиримость к врагам народа». Советское руководство пыталось каким-то образом связать «советский патриотизм» с «пролетарским интернационализмом», от которого она не думала отказываться. В мае 1941 г. Сталин в беседе с руководителем Коммунистического Интернационала Георгием Димитровым сказал о необходимости «развивать идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом», который «должен опираться на этот национализм».

Однако политика балансирования между «пролетарским интернационализмом» и «патриотизмом» не была эффективной. Главное политуправление Красной Армии в начале 1941 г. указывало на непреходящее наличие в массах «вредного предрассудка» о том, что «будто бы в случае войны население воюющих с нами стран обязательно и чуть ли не поголовно восстанет против своей буржуазии, а на долю Красной Армии останется пройти по стране противника триумфальным маршем и установить советскую власть». Такие настроения были губительны, ведь к этому времени была понятна вся призрачность расчетов на «мировую революцию». Изменилось в негативную сторону и восприятие СССР в мире после раздела Польши, советско-финской войны 1939—1940 гг. и присоединения Прибалтики. Как сказал один плененный во время Великой Отечественной войны финский офицер, «если бы 10 лет тому назад солдаты моей роты должны были бы воевать против Красной Армии, они бы все перешли на вашу сторону», однако

после Зимней войны настроения финских солдат изменились диаметрально¹.

В этой ситуации, когда новая политика, направленная на развитие «здорового, правильного национализма», в связке с «советским патриотизмом», только набирала обороты, наша страна вступила в самую жестокую и кровопролитную войну в ее истории.

ВОЙНА И «РУССКИЙ ФАКТОР»

«ОНИ СРАЖАЮТСЯ НЕ ЗА НАС»

Преодоление катастрофы начала войны

22 июня 1941 г. перед советским правительством встала задача морального сплочения и мобилизации народов страны на защиту Отечества. В первый же день войны состоялось выступление по радио заместителя председателя Совета Народных Комиссаров В.М. Молотова, который подчеркнул, что Советский Союз вступил в «отечественную войну», — это означало, по сути, войну во имя Родины и нации, а не абстрактных «мировой революции» и «мирового пролетариата».

Однако в первые дни войны советской идеологии еще не удалось избавиться от въевшегося в нее «пролетарского интернационализма». В упомянутой выше речи Молотов почти расшаркивался перед народом Германии: «Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских предателей Германии». Советские газеты голословно утверждали, что «рабочий класс Германии ненавидит фашистскую авантюру». Сообщалось о том, что немецкий народ якобы пытается выразить свою «солидарность» с трудящимися СССР путем совершения мнимых актов саботажа в

германской военной промышленности. Пропганда благодушно пыталась отделить народ Германии от гитлеровцев, которые якобы «превратили немецкий народ в рабов».

Интернационалистические иллюзии нашли отражение в листовках, которые Главное политуправление Красной Армии выпускало для вражеских солдат в первые недели войны: «Вас гонят на несправедливую войну. Вас, рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели, заставляют воевать с рабочими и крестьянами Советского Союза, которые защищают свое правое дело»; «Немецкие рабочие и крестьяне в шинелях! Не боритесь против русских рабочих и крестьян, ваших братьев!»; «Братья румыны! Зачем вам воевать со страной, где земля, фабрики и заводы принадлежат народу?». В августе 1941 г. была издана листовка в виде «Открытого письма немецким рабочим от рабочих СССР», в которой советские пропагандисты пытались «давить на совесть» солдата вермахта: «Ты напал на страну социализма. Ты воюешь против первого в мире и в истории человечества рабочего государства». Предполагалось, что немецкому солдату должно было стать стыдно «перед рабочими всего мира» за то, что он пошел по воле Гитлера «на самую преступную из всех преступных войн, на войну против социалистической страны» и стал «контрреволюционным разбойником и врагом социализма»².

Тем не менее такая пропаганда была лишь отголоском уже отброшенной политики. Утром 22 июня 1941 г. Сталин дал руководителю Коммунистического Интернационала Георгию Димитрову указания, которые категорически не соответствовали миссии Коминтерна как проводника «миро-

вой революции»: «Партии на местах развертывают движение в защиту СССР. Не ставить вопрос о социалистической революции. Советский народ ведет Отечественную войну против фашистской Германии». В тот же день Коминтерн направил компартиям всего мира установку «развернуть широкую кампанию за безграничную поддержку Советского Союза», который «ведет отечественную, справедливую войну», а также не призывать «ни к свержению капитализма в отдельных странах, ни к мировой революции»³. Принимая во внимание предыдущую деятельность Коминтерна, которая была направлена на раздувание «мирового пожара», такие указания зарубежным коммунистам могли говорить только об одном: Советский Союз кардинально поменял свою политику.

Руководство страны быстро осознало всю тяжесть положения страны и угрозу самому существованию советской власти. Гитлеровская пропаганда, утверждавшая, что германская армия «освободит» народы СССР от «еврейско-большевистского ига», находила понимание среди значительного числа жителей западных территорий Советского Союза, которые встречали немцев с цветами, как «освободителей». Гитлеровские войска, опираясь на коллаборационистов из числа местного населения, быстро продвигались вперед по советской территории.

Выход из катастрофической ситуации советское руководство увидело в пропаганде национально-патриотических ценностей, которые можно было бы противопоставить гитлеровской пропаганде, и постепенном отбрасывании «пролетарского интернационализма». Основные положения новой поли-

тики прозвучали уже в первом военном радиообращении Сталина к советскому народу 3 июля 1941 г. Тон его речи был необычным с самого начала: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры!». В этом обращении в один ряд встали партийное, общегражданское и церковное приветствия. Сталин объявил, что гитлеровцы несут прямую угрозу «разрушения национальной культуры и национальной государственности» Советского Союза, поэтому все народы страны встали на «отечественную освободительную войну против фашистских поработителей». По свидетельству очевидцев, речь Сталина люди слушали с огромным вниманием, она вдохновила на ликвидацию «благодушно-мирных настроений». Эта речь стала знаковой как символ новой советской национальной политики.

Перестройка политики набрала необходимые обороты к осени 1941 г., когда вермахт вплотную подошел к Москве. К этому времени стало очевидным, что основную ставку в войне Советское правительство сможет сделать в первую очередь на патриотизм и национальное самосознание русского народа. Только русские, составлявшие подавляющее большинство населения тыла СССР, могли обеспечить массовый призыв в армию и предоставить кадры для военной индустрии: за линией фронта к декабрю 1941 г. оказались 5 631 000 военнообязанных, а другие народы тыла СССР были относительно малочисленны, чтобы обеспечить массовый призыв. Фронт к этому времени проходил по территории, населенной в основном русскими. Поэтому советская национальная политика безоговорочно вынесла русский национальный фактор на первый план.

В материалах советской пропаганды (газеты, журналы, брошюры, листовки) русский народ получил титулы «первый среди равных» и «великий», хотя этими терминами манипулировали согласно конкретным задачам (например, в одной из газетных публикаций белорусы также именовались «великим народом»). Однако только за русскими была признана особая, священная роль нации, принявшей на себя главный удар врага и закрывшей своей грудью другие народы. Пропаганда присвоила русскому народу исключительные отличия: «великий строитель», «многосторонне развитый художник», «смелый преобразователь» и «новатор», «упорный исследователь», «пролагатель новых путей», «трудолюбивейший», «терпеливый, выносливый, упорный народ». Подчеркивалась «великая освободительная роль» русского народа, его «великие социальные преобразования», «научные открытия», «культурные достижения». Чем серьезнее была ситуация на фронте, тем сильнее советская пропаганда билась на национальные и патриотические чувства русского народа.

Советское руководство понимало, что патриотизм народа, проявленный в войне, вел свою историю из далекого прошлого и не был связан со стремлением защитить именно советскую власть. В тяжелые дни сентября 1941 г. Сталин в разговоре с американским представителем в СССР А. Гарриманом признал: «У нас нет никаких иллюзий, будто бы они сражаются за нас. Они сражаются за мать-Россию»⁴. Советских вождей народ «защищал» лишь постольку, поскольку волею судеб СССР стал «преемником» тысячелетней России, открыто заявив об этом с началом войны. Советская про-

паганда постоянно подчеркивала «неразрывную связь русской истории и советского настоящего», сравнивая начавшуюся войну с войнами прошлого: «Немецкие рыцари пытались захватить северо-западную Русь, но были вдребезги разгромлены Александром Невским. 600-тысячная наполеоновская армия напала на Россию, и только несколько тысяч оборванцев унесли свои ноги за русские рубежи». Между Александром Невским и Сталиным проводились исторические параллели.

Сталин санкционировал возрождение традиций старой русской армии, что проявилось в создании 23 июня 1941 г. Ставки Главного Командования, введении 8 августа 1941 г. поста Верховного Главнокомандующего, в мае 1942 г. — гвардейских званий. Для поднятия патриотического духа было допущено снисхождение к некоторым другим атрибутам «царского» прошлого. Например, 9 декабря 1941 г. по радио прозвучала симфония Чайковского «1812 год», которая ранее была запрещена из-за имевшегося в ней гимна «Славься ты, славься, наш русский царь!». В 1941—1942 гг. массовым тиражом был издан целый ряд книг о героическом прошлом русского народа и его борьбе с иноземными захватчиками.

В речах 6 и 7 ноября 1941 г. (на легендарном параде Красной Армии) Сталин обобщил национально-патриотический характер войны, сказав, что враги страны «имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!». Сталин благословил совет-

ских солдат такими словами: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!». Неизменный в прошлом призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» в речи Сталина вообще не прозвучал. Характерно, что в дальнейшем Сталин часто провозглашал здравицу сначала Родине («Да здравствует наша славная Родина, ее свобода, ее независимость!»), а только затем — коммунистической партии.

Воздействие речи Сталина на параде 7 ноября 1941 г. было беспрецедентным. Как отмечал комендант Москвы К.Р. Синилов, «после парада настроение совершенно изменилось», «появилась уверенность», «произошел перелом в разговорах, настроениях»⁵. Люди должным образом восприняли новую политику, поставленную на национально-патриотические рельсы.

В результате изменения курса политики роль коммунистов в истории страны была подвергнута корректировке — они теперь были представлены как «глубокие патриоты родины», «продолжатели лучших патриотических традиций русского народа». Закономерно, что такие перемены были негативно встречены «ортодоксальными большевиками», для которых был неприемлемым отход от «идеалов». По их словам, они ждали, что «звериному национализму немецко-фашистских разбойников будет противопоставлено развернутое знамя революционного пролетарского интернационализма», что «вождь и руководитель обратится к великим именам Маркса, Энгельса и Ленина, к именам

деятелей революции». Поэтому они не понимали, «почему надо было выкапывать из истории Дмитрия Донского, Александра Невского и Суворова», и считали, что призыв Сталина вдохновляться мужественным обликом «царских сатрапов» был бы уместнее «в 1914 г. в манифесте Николая II»⁶. С целью погасить такие проявления недовольства со стороны «ортодоксов» советское руководство стремилось сделать эффект от перемен в национальной политике не таким резким, сгладить «острые углы». В своих речах руководители партии иногда натянуто пытались сравнивать фашизм с режимом дореволюционной России, напоминали, что «старая царская Россия была тюрьмой народов».

После разгрома гитлеровцев под Москвой в январе — феврале 1942 г. и затишья на фронте весной 1942 г. советское руководство посчитало, что явная угроза стране миновала. 1 мая 1942 г. Сталин, пребывая в уверенности, что перелом в войне достигнут, приказал Красной Армии «добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли». Пропаганда русского национального фактора в период с февраля по май 1942 г. была ослаблена. Это подтверждает утилитарность советской национальной политики, которая давила на нужные ей рычаги, в первую очередь на русский национальный фактор, лишь тогда, когда это было обусловлено текущей ситуацией.

После начала нового наступления гитлеровцев в мае 1942 г., которое через два месяца вновь поставило страну на грань катастрофы, советское руководство резко усилило меры по укреплению патриотизма и национального самосознания.

12 июня 1942 г. начальником Главного политуправления Красной Армии был назначен А.С. Щербаков взамен Л.З. Мехлиса, отставленного из-за провала порученной ему обороны Крыма. Косвенной причиной отставки могло быть противодействие гитлеровской пропаганде, которая вовсю оперировала фактом, что главный идеолог Красной Армии — еврей по национальности. (Тем не менее Мехлис был оставлен

на службе в качестве члена военных советов ряда армий и фронтов.)

В самый катастрофический период отступления Красной Армии на Южном фронте 28 июля 1942 г. был издан знаменитый приказ № 227 «Ни шагу назад!», а на следующий день были учреждены ордена Суворова, Кутузова и Александра Невского — очевидно, для поддержания патриотического духа советских воинов, причем не только русских по национальности. Советская пропаганда утверждала, что имена русских военных деятелей «дóроги советскому народу». В советской печати продолжалась пропаганда лучших патриотических страниц истории русского народа.

*А.С. Щербаков,
секретарь ЦК ВКП(б), начальник
Главного политуправления
Красной Армии (1942—1945)*

Отдавая «русскому фактору» главное место в пропаганде, советское руководство осознавало, что в многонациональной стране нельзя упускать из виду работу по укреплению дружбы народов, которая в условиях войны переросла в «боевую дружбу». С этой темой была тесно связана пропаганда «советского патриотизма», который теперь, в отличие от довоенного времени, представлялся как явление, уходящее корнями «в далекое прошлое», возникшее на основе «замечательного патриотизма русского народа» и ставшее в результате достоянием всех народов СССР. Пропаганда подчеркивала, что война «показала всю действительную мощь советского патриотизма», который «двигает рабочими», «поднимает колхозников работать не покладая рук». Указывалось, что во время войны «советский патриотизм все ярче и ярче раскрывает» свои черты в виде «глубокой, неистребимой ненависти к врагам родины».

В пропаганде «дружбы народов» особое внимание уделялось духовной и исторической связи русского и других народов СССР, их вековой борьбе с немецкими захватчиками. В первую очередь это касалось укрепления дружбы между русскими, украинцами и белорусами: в 1941 г. славяне составляли 73% населения СССР, при этом в Красной Армии славянское ядро насчитывало 84,7% (русские — 61%, украинцы — 19,6%, белорусы — 4,1%⁸). Постоянно пропагандировалась историческая связь русского народа с другими народами СССР — например, с эстонцами: «Опять плечом к плечу исторические союзники: эстонцы и русские!»⁹.

Кроме печатных материалов, в советской национальной политике широко использовалось такое

пропагандистское средство, как проведение митингов и «радиомитингов» представителей разных национальностей, которые призывали свои народы сражаться вместе с «великим русским народом и другими народами Советского Союза» против фашистских оккупантов. Целью проведения митингов было обозначено создание таких условий, чтобы «бойцы всех национальностей СССР, где бы они ни сражались, помнили, что они защищают свою великую общую родину». Ставилась задача разъяснить народам, особенно географически удаленным от фронта, что они должны «приложить все силы, чтобы разгромить врага столь далекого». В течение 1942 г. были проведены митинги представителей белорусского, украинского, якутского народов, народов Закавказья и Северного Кавказа, общественных деятелей Эстонии, литовской молодежи, молдавской интеллигенции. Выступавшие на митингах ораторы выражали решимость «вместе с великим братским русским народом» и другими народами страны «разгромить подлого врага». Материалы митингов и обращения, принятые на них, широко использовались в пропаганде. Они публиковались в прессе, а также, когда это было актуально, распространялись на оккупированной территории. О значимости митингов можно судить по резолюции Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), в которой с сожалением говорилось о невозможности публикации материалов митинга якутского народа в центральной прессе, так как они были присланы слишком поздно¹⁰.

На оккупированной территории СССР была развернута широкая пропагандистская деятельность в виде распространения печатных матери-

алов и радиовещания: о размахе пропаганды на оккупированной территории говорит такой факт, что только в Белоруссии за первый год войны было распространено 5 млн экз. газет и 27 млн экз. листовок¹¹. Советская пропаганда взывала к патриотическим чувствам людей, оставшихся на оккупированной территории, призывала их развернуть борьбу против гитлеровцев. Несмотря на то что сама возможность сотрудничества с врагом со стороны советских людей (коллаборационизм) категорически отвергалась официальной пропагандой¹², руководство страны было прекрасно осведомлено о том, что на самом деле происходило на оккупированной территории. Поэтому один из основных ударов пропаганды был направлен по кол-

Советские партизаны

лаборационистам, которых призывали помнить, что они русские люди, «рожденные на русской земле», «вскормленные русской матерью», поэтому они должны перейти на сторону советских партизан и Красной Армии. В ответ на начатую гитлеровцами кампанию по вербовке и утону населения на работу в Германию советская пропаганда утверждала: «Кто поедет в Германию — того ждет гибель»¹³.

Для Украины одним из главных направлений пропаганды была дискредитация Организации украинских националистов (ОУН), члены которой именовались «губителями украинского народа», «верными псами каннибала Гитлера». Пропаганда предпринимала все усилия, чтобы не дать оуновцам «увести» украинцев от братского русского народа и «разбить их вечную дружбу»¹⁴.

На территории Прибалтики советская пропаганда обращалась к тем людям, «которые ждали немцев», с целью показать крушение их надежд, а также разоблачала созданное гитлеровцами коллаборационистское «самоуправление». В ответ на развернутую гитлеровцами широкую кампанию по «разоблачению» эвакуации части населения Литвы, Латвии и Эстонии в советский тыл в начале войны, которую они именовали «насильственной депортацией», советские листовки пытались убедить прибалтов в том, что эта эвакуация была добровольной¹⁵.

В советской пропаганде на оккупированной территории Прибалтики постоянно делался нажим на наличие в Красной Армии прибалтийских национальных частей. Здесь пропаганда прибегала к пре-

увеличениям. В листовке на эстонском языке, датированной апрелем 1942 г., говорилось: «Недалек тот день, когда Красная Армия *совместно* с эстонскими национальными частями освободит эстонский народ из-под ига немецких оккупантов»¹⁶. После прочтения листовки могло показаться, что на стороне СССР сражается некая самостоятельная «эстонская армия», чего на самом деле не было.

Итак, в первый период войны (июнь 1941 г. — ноябрь 1942 г.) советское руководство осознало, что только русский народ мог возглавить защиту страны: русские неизменно преобладали в национальном составе армии, основным ресурсом для дальнейшей мобилизации военных и трудовых сил был русский народ. При этом пришло понимание того, что аморфные «интернационалистические» лозунги более не работали.

Хотя советское руководство выбрало единственно верный путь, основав новую политику на традиционных для русского народа национально-патриотических ценностях, это не говорило о коренной перестройке государственной идеологии, которая осталась коммунистической. Русский национальный фактор использовался лишь утилитарно — нажим на него делался в моменты, когда положение на фронте было наиболее тяжелым (октябрь 1941 г. — февраль 1942 г. и с июня 1942 г.). Выбранный курс пропаганды, смещенной от «пролетарского интернационализма» к национал-патриотизму, был для коммунистической власти СССР лишь своеобразным «меньшим злом», уступкой национальным чувствам народа ради достижения поворота в войне.

«ПЕРВЫЙ СРЕДИ РАВНЫХ РУССКИЙ НАРОД»

Достижение перелома в войне

В период лета и осени 1942 г. положение на советско-германском фронте существенно ухудшилось. К ноябрю 1942 г. гитлеровцы, развивая наступление на южном направлении, продвинулись до Воронежа и Сталинграда и захватили бóльшую часть Северного Кавказа. Положение СССР стало не менее угрожающим, чем в период приближения гитлеровских войск к Москве осенью 1941 г.

В то же время основные тяготы войны продолжал нести русский народ: численность русских в Красной Армии оставалась высокой и существенно превышала долю русского народа в населении СССР вплоть до конца 1943 г. (на 1 января 1943 г. — 64,60%, 1 апреля 1943 г. — 65,62%, 1 июля 1943 г. — 63,84%, на 1 января 1944 г. — 58,32%)¹⁷. В связи с такой ситуацией национальная политика советского руководства в период с лета 1942 г. и до конца 1943 г. была полностью ориентирована на всемерное укрепление русского национального фактора.

Уже с лета 1942 г. в пропаганде стал широко использоваться присвоенный русскому народу титул «старший брат». В материалах пропаганды подчеркивалось, что русские составляют в армии «громдное большинство», защищают все «республики всего Советского Союза». В целом упор делался на то, что «первый среди равных русский народ» стоит «во главе братской семьи народов Советского Союза», «организует вокруг себя все народы Со-

ветской страны», занимает «главное и решающее место в гигантской борьбе славянских и всех свободолюбивых народов мира против гитлеровской Германии», является «передовым народом всего мира», находится «во главе мировой цивилизации». В пропагандистской работе в армии ставилась задача, «чтобы каждый боец нерусской национальности уяснил себе огромную роль русского народа, как старшего брата в семье народов СССР», так как в войне решался вопрос о том, «быть или не быть в рабстве великому русскому народу и всем народам нашей страны, которые кровно на поле боя связали свою судьбу с судьбой великого русского народа»¹⁸.

Главная заслуга в создании Советского Союза стала признаваться только за русским народом, который, как «старший брат и первый среди равных народов СССР» помог другим народам обрести свободу и равноправие, добиться «хозяйственного и культурного расцвета», «развития их государственности». Октябрьская революция была теперь подана как результат деятельности не только большевиков, но и прогрессивных лидеров дореволюционной России, победа в Гражданской войне и поступательное развитие Советского Союза в 1920—1930 гг. — как заслуга русского народа. Усиление русского национального фактора иногда проводилось за счет некоторого ущемления пропаганды национальных достижений других народов. В частности, в ноябре 1943 г. предложение Татарского обкома ВКП(б) о проведении в Москве литературных вечеров татарских писателей и артистов было признано «нецелесообразным»¹⁹.

Развитию русского национального фактора служило усиление пропаганды лучших страниц ис-

тории России, «великая правда» которой была «в каждом шаге по защите Родины». Была реабилитирована личность Ивана Грозного, деятельность которого, как отмечала пропаганда, была направлена на «усиление России». В 1943 г. был восстановлен памятник Д. Пожарскому в Суздале на месте его часовни-мавзолея, разрушенной в 1933 г. Высказывались предложения по расширению списка реабилитированных деятелей дореволюционной России, в частности включению в него князя Святослава, Владимира Мономаха, Ивана III, генерала М.Д. Скобелева. Были начаты научная разработка и издание документального наследия А.В. Суворова.

8 ноября 1943 г. был учрежден орден Славы, который официально рассматривался как преемник дореволюционного Георгиевского креста²⁰. 3 марта 1944 г. были учреждены ордена и медали Ушакова и Нахимова. Об ордене Ушакова говорилось, что его «будут носить те, кто покажет себя достойными потомками адмирала, не знавшего поражений и прославившего своими победами родину и русский флот»²¹.

Согласно директиве Главного политуправления Красной Армии от 25 мая 1943 г., партийные и комсомольские организации на фронте усилили работу по патриотическому воспитанию воинов на основе героического прошлого русского народа. Для этого были изданы и направлены в войска брошюры и книги о Белинском, Чернышевском, Сеченове, Павлове, Пушкине, Толстом, Глинке, Чайковском, Репине, Сурикове и многих других великих представителях русского народа. В армии имела широкое распространение брошюра А. Фадеева «Вели-

Флаг с лозунгом
«Смерть немецким захватчикам!»

кие русские писатели — пламенные патриоты Родины». В августе 1943 г. была издана книга «Героическое прошлое русского народа», в которой были собраны лекции о деятельности Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова, а также

о Семилетней войне, Отечественной войне 1812 г., героической обороне Севастополя, Брусиловском прорыве 1916 г., борьбе с немецкими оккупантами в 1918 г.

Отдельным аспектом усиления национально-патриотического фактора стали реформы, проведенные в армии осенью 1942 г. В октябре 1942 г. в Красной Армии и Военно-Морском Флоте был упразднен институт военных комиссаров. Комиссары были переведены на должности заместителей командиров рот и батарей по политической части. Институт военных комиссаров был введен в начале войны (16 июля 1941 г.), когда партийное руководство и контроль были установлены даже в окопах: военный комиссар, который нес «полную ответственность за выполнение воинской частью боевой задачи, за ее стойкость в бою», был обязан «своевременно сигнализировать о командирах и политработниках, недостойных звания командира и политработника»²².

Целью отмены института военных комиссаров официально было объявлено укрепление в командирах «чувства гордости защитника Родины», которых требовалось оградить от излишнего партийного контроля. Фактически советские вооруженные силы возвращались к традиционной для русской армии форме единоначалия. 24 мая 1943 г. был упразднен и институт заместителей командиров по политической части. 31 мая 1943 г. по сходным основаниям были ликвидированы политотделы в совхозах, на машинно-тракторных станциях, железнодорожном, морском и речном транспорте.

23 октября 1942 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о введении новых знаков различия в армии — погон (официально введены в январе — феврале 1943 г.). Была также принята новая форма одежды и головных уборов. С июля 1943 г. устанавливалось четкое деление военнослужащих на рядовой, сержантский, офицерский состав и генералитет. Введение нового образца униформы и иерархической структуры в армии и на флоте, фактически копировавших униформу и структуру дореволюционной русской армии, в центральной прессе объяснялось расплывчато («в связи с введением единоначалия», «для повышения авторитета командира»). Однако в армейских изданиях цель этой реформы была четко определена: «Надевая погоны, Красная Армия и Военно-Морской Флот тем самым подчеркивают, что они являются преемниками и продолжателями славных дел русской армии и флота»²³. Таким образом, истинный смысл этих преобразований заключался в планомерном возвращении к традициям великодержавия. В сен-

тябре — октябре 1943 г. новая униформа была введена также для железнодорожников, юристов, работников дипломатической службы.

Реформы коснулись школьного образования. С 1 сентября 1943 г. была введена школьная форма и установлена система раздельного обучения мальчиков и девочек в школах, как это было до Октябрьской революции. В августе 1943 г. было принято решение о создании Суворовских военных училищ, в октябре 1943 г. — Нахимовских военно-морских училищ, которые имели своим прообразом дореволюционные кадетские училища. 21 июня 1944 г. были введены золотые и серебряные медали для выпускников школ.

В 1943—1944 гг. было отрегулировано в сторону уменьшения число размножившихся географических и иных названий по именам советских и партийных деятелей: было возвращено историческое название городу Ставрополь (носил название Ворошиловск), Орджоникидзевский край был переименован в Ставропольский, административный центр СОАССР г. Орджоникидзе — в Дзауджикау*, были возвращены исторические названия городам Серго Орджоникидзе и им. Кагановича в Ворошиловградской и Сталинской областях, переименованы по «географическому принципу» железные дороги им. Берия, Ворошилова, Молотова, Кагановича,

* Осетинское название города, в переводе означает «Селение Дзауга» (по имени легендарного основателя). Переименование было обусловлено также необходимостью подчеркнуть осетинскую принадлежность этого города после депортации ингушского народа, когда значительная часть ингушских земель, в т.ч. прилегавших к Дзауджикау, вошла в состав Северной Осетии.

Дзержинского и Ленинская. С 13 января 1944 г. были восстановлены исторические наименования 20 улиц, проспектов, набережных и площадей Ленинграда, в том числе Невского проспекта, Дворцовой площади и Дворцовой набережной. Характерно, что переименование географических названий не прошло незамеченным среди населения²⁴, порой воспринимаясь как настоящая «топонимическая контрреволюция».

25-летие советской власти в ноябре 1942 г. советской пропагандой было обозначено как новая веха в национальной политике. Отмечалось, что, во-первых, к этому времени в СССР были «ликвидированы отсталость и все национальные, экономические и политические противоречия между нациями», во-вторых, Советский Союз превратился в «государство, в котором господствует полная гармония национальных интересов», в-третьих, в стране сложились нации нового типа, «впервые осуществляющие внутри себя подлинное национальное единство, нации, устанавливающие между собой подлинно братские отношения». При этом в пропаганде дружбы народов роли русского народа было отдано первенство по сравнению с ролью партии²⁵.

Одной из новых технологий пропаганды стало сращивание понятий «русский патриотизм» и «советский патриотизм». Все воины Красной Армии, независимо от их национальности, были призваны испытывать «чувство русской национальной гордости, чувство пламенного советского патриотизма». Пропаганда делала упор на том, что на борьбу с гитлеровцами «поднялись все народы» страны,

отстаивая «свободу, независимость и право для себя и всей семьи народов нашего Союза». Указывалось, что, хотя «история России знает немало примеров патриотизма», она «еще не знала такого массового героизма, такого единодушия всех народов Советского Союза». Особенно активно шла пропаганда дружбы народов в действующей армии как воплощения «братской семьи народов Советского Союза». Доказательством тому служили публиковавшиеся данные о национальном составе награжденных воинов. Списки включали представителей 200 национальностей, с известной диспропорцией в пользу представителей русского народа²⁶. В директивах о военно-политической подготовке командного состава указывалось, что «морально-политическое единство советского народа, дружба народов СССР и советский патриотизм — важнейшие факторы военной мощи СССР»²⁷.

В то же время, хотя пропаганда утверждала, что «общая беда привела великую семью народов Советского Союза» не к раздорам, а к сплочению, к началу второго периода войны партийно-политические органы вынуждены были отметить, что в 1941–1942 гг. работа по укреплению дружбы народов в армии «была поставлена плохо», произошло немало «чрезвычайных происшествий» на почве национальной розни²⁸. В июне 1942 г. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) издало докладную записку «О недостатках партийно-политической работы в Красной Армии», в которой старое руководство ГлавПУРа (Л.З. Мехлис) обвинялось в том, что им «недостаточно уделялось внимания воспитательной и агитационно-пропаган-

дистской работе в тех частях, где имеется значительное число бойцов из национальных республик». 17 сентября 1942 г. Главное политуправление Красной Армии издало директиву «О воспитательной работе с красноармейцами и младшими командирами нерусской национальности». К воинским подразделениям были прикомандированы агитаторы, владеющие национальными языками, была осуществлена массовым тиражом публикация политической

и художественной литературы на национальных языках. В 1942—1943 гг. в действующей армии издавались 50 газет на национальных языках. Воины русской национальности постоянно призывались «крепить дружбу с красноармейцами нерусской национальности»²⁹.

Работа по укреплению дружбы народов в армии требовала постоянного внимания, так как «плохая работа с нерусскими бойцами» продолжала отмечаться и после издания вышеназванной директивы ГлавПУРа (в частности, в декабре 1942 г. на Закав-

*А.З. Мехлис, начальник Главного
политуправления Красной Армии
(1941—1942)*

казском фронте³⁰). В качестве недостатков отмечалось «игнорирование национальных особенностей, обычаев», «великодержавный шовинизм», «недостаточное выдвижение нерусских кадров», «слабая пропаганда ведущей роли русского народа». Эти недостатки удалось в основном ликвидировать к началу 1943 г. Среди форм работы, которые показали наибольшую эффективность, были «вечера дружбы народов», организация национальной художественной самодеятельности, встречи вновь призванных бойцов с «бывалыми» бойцами своей национальности.

Пропаганде дружбы народов в армии также служила литература. В частности, согласно указанию ЦК ВКП(б), в армии была повсеместно распространена изданная тиражом 200 тыс. экз. пьеса А. Корнейчука «Фронт», в которой одно из главных мест занимала сцена в окопе, где плечом к плечу воевали четверо солдат, все разной национальности, демонстрируя реальное воплощение дружбы народов.

В результате в зимней кампании 1943 г. воины нерусской национальности показали более высокие боевые качества, существенно уменьшилось число перебежчиков. Было улучшено патриотическое воспитание призывников нерусской национальности, на что нацеливала изданная 10 августа 1943 г. директива ЦК ВКП(б), направленная в ЦК партий союзных республик.

Характерной технологией советской пропаганды, призванной усилить признание ведущей роли русского народа, во второй период войны стали так называемые «письма народов», первым из которых

было «Письмо узбекского народа к бойцам-узбекам», опубликованное в октябре 1942 г. В период с февраля по август 1943 г. было выпущено значительное число таких «писем», которые выражали «любовь к великому русскому народу», благодарность за его помощь, признавали его «старшим братом» и «желанным собратом», апеллировали к исторической «боевой дружбе» с русскими, утверждали, что угроза «Великой Русской земле» «всегда была угрозой и нам». В «Письме бойцам-таджикам» М.В. Фрунзе был назван «русским полководцем» (не «советским»). Также использовалась такая форма пропагандистской работы, как письма воинов определенной национальности на имя Сталина.

Характерной особенностью «писем» являлось то, что в подавляющем большинстве «писем народов» среди фамилий лиц, их подписавших, были фамилии представителей не только «титulyных» народов, но также русского и других народов (например, в Азербайджане — армянского). Таким образом, возможно, предотвращались гипотетические обвинения в «национальной узколобости» содержания этих писем. Пропаганда придавала «письмам народов» большую роль в идеологической работе. Текст каждого письма проходил утверждение в ЦК ВКП(б). Проекты писем, которые не соответствовали задачам идеологии, отвергались, как это было в декабре 1943 г. с проектом письма «Украинский народ — великому русскому народу». Это письмо было признано негодным из-за игнорирования «существования многонациональной семьи народов Советского Союза» и отрицания роли русского народа как единственного

«старшего брата» (авторы письма утверждали, что «ведущими народами в Советском Союзе являются два народа — русский и украинский»)³¹.

В сфере литературы и искусства новые тенденции национальной политики были проявлены в полной мере. А.Н. Толстой в докладе на сессии Академии наук СССР в ноябре 1942 г. отметил, что в 1920—1930-е гг. «момент отрицания всего прошлого литературного наследия, заклеивания его дворянским и буржуазным индивидуализмом и классово враждебной литературой принимал уродливые формы», но с началом войны «впервые, как колокол града Китежа, зазвучали в советской литературе слова: святая Родина». Таким образом, как считал Толстой, «советская литература от пафоса космополитизма, а порою и псевдоинтернационализма — пришла к Родине»³². Илья Эренбург писал: «Не отказываясь от идеалов будущего, мы научились черпать силы в прошлом. Мы осознали все значение наследства, оставленного нам предками»³³. В литературе и искусстве возродилось подлинное звучание понятий «Россия», «русский» («Русские люди» К. Симонова, «Русский характер» А. Толстого, «Россия» А. Прокофьева).

На созванном в июле 1943 г. совещании кинодраматургов, писателей, кинорежиссеров и актеров глава Госкино И.Г. Большаков выдвинул на первый план тематику, связанную с русским народом. Эта позиция была поддержана другими деятелями искусства. Кинорежиссер И.А. Пырьев говорил: «Как ни странно, но в нашей кинематографии очень мало русского, национального». Драматург А. Штейн отметил, что «русский народ, объеди-

нивший вокруг себя весь [советский] народ, имеет право на примат»³⁴.

Особым аспектом в идеологическом служении литературы и искусства было освещение образа Ивана Грозного, который стал одним из наиболее привлекательных для Сталина деятелей русской истории. В июне 1942 г. в Ташкенте состоялась научная сессия Института истории Академии наук СССР, на которой были заслушаны доклады о деятельности Ивана Грозного. Алексей Толстой еще в 1941 г. приступил к написанию пьесы «Иван Грозный» в двух частях. Однако эта пьеса была подвергнута жесткой критике за то, что она «извращает исторический облик одного из крупнейших русских государственных деятелей», «не решает задачи исторической реабилитации Ивана Грозного». Сталин пригласил Толстого на беседу и предложил ему «дать более широкое освещение государственной деятельности и смысла введенной им [Грозным] опричнины». Однако писатель, вольно или невольно, не смог создать достаточно обеляющей характеристики Ивану Грозному. Несмотря на то что Толстой пытался доработать обе части дилогии («Орел и орлица» и «Трудные годы») и в 1943 г. неоднократно просил Сталина разрешить их постановку, этого сделано не было. В результате в сентябре 1943 г. Сталин одобрил сценарий С. Эйзенштейна, где «Иван Грозный как прогрессивная сила своего времени, и опричнина, как его целесообразный инструмент, вышли неплохо»³⁵.

Одновременно была усилена борьба с «охаиванием» России и русского народа. В частности, в конце 1943 г. был подвергнут жесткой критике

поэт И. Сельвинский за создание «антихудожественных и политически вредных произведений», в частности за двусмысленные строки в стихотворении «Кого баюкала Россия»:

Сама, как русская природа,
Душа народа моего.
Она пригреет и урода,
Как птицу, выходит его.
Она не выкурит со света,
Держась за придури свои,
В ней много воздуха и света,
И много правды и любви.

Предотвращение возможных конфликтных ситуаций между народами СССР также было одной из задач советской пропаганды и цензуры. К примеру, в предисловии к изданной 1943 г. книге А. Мицкевича утверждалось, что Новогрудок в Белоруссии — это «литовский город», а столица Литовской ССР Вильнюс — «центр польской культуры». Первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П.К. Пономаренко усмотрел в таких утверждениях политическую ошибку и обращал на это внимание в записке, направленной в ЦК ВКП(б)³⁶.

Новые тенденции в национальной политике непосредственным образом проявились в принятом 15 мая 1943 г. решении о роспуске Коммунистического Интернационала. Этот шаг в советской пропаганде объяснялся тем, что «общенациональный подъем и мобилизация масс для скорейшей победы над врагом лучше всего и наиболее плодотворно могут быть осуществлены авангардом рабочего движения каждой отдельной страны в рамках своего государства». Однако первой причиной роспуска Коминтерна было заигрывание с западными

союзниками, которым нужно было показать, что произошел окончательный отказ от осуществления «мировой революции». Когда в 1943 г. руководитель Компартии США Ю. Деннис направлялся в СССР, президент США Ф. Рузвельт при встрече с ним заявил, что наличие Коминтерна мешает развитию союзнических отношений. Это понимали и в советском руководстве. Идея о роспуске Коминтерна впервые была выдвинута еще в апреле 1941 г., но тогда она мыслилась как разменная карта в торге с Гитлером³⁷. В 1943 г. важно было как можно скорее добиться укрепления союзнических отношений с западными капиталистическими странами ради расширения их военной помощи СССР. О предстоящем роспуске Коминтерна было объявлено в прессе 15 мая 1943 г., в самом начале Вашингтонской конференции Ф. Рузвельта и У. Черчилля, от которой зависело, будет ли открыт в 1943 году «второй фронт». Этот акт был положительно воспринят в странах Запада, особенно в США, и привел к укреплению отношений этих стран с Советским Союзом.

С другой стороны, Сталину уже к середине 1920-х гг. стало ясно, что установление всемирной коммунистической диктатуры невозможно, если средством к ее достижению будет абстрактный «пролетарский интернационализм». К моменту начала войны созидание могущества Советской страны было возложено на внутригосударственные силы, среди которых не последнее место отводилось Красной Армии. Коминтерн новым курсом на возрождение великой державы отодвигался на второй план, а потом и вовсе стал не нужен³⁸.

Прямое отношение к усилению русского национального фактора имело введение с 15 марта 1944 г.

нового государственного гимна вместо «Интернационала». В ночь на 1 января 1944 г. новый гимн впервые прозвучал по радио. В связи с переменой курса идеологической политики «Интернационал» перестал подходить в качестве гимна страны, поставившей свои национальные интересы выше «интернациональных». К тому же «Интернационал» как песня сам по себе был весьма тенденциозен и, равно как Коминтерн, плохо воспринимался западными союзниками³⁹.

Работа над созданием нового Гимна СССР началась еще в 1942 году. Варианты гимна были представлены многими известными и малоизвестными поэтами, в том числе из союзных республик, а так-

*Авторы нового Гимна СССР:
Г.А. Эль-Регистан, А.В. Александров, С.В. Михалков*

же «простыми людьми». К концу 1943 г. был выбран наиболее подходящий вариант гимна, музыку к которому написал А.В. Александров, слова — С.В. Михалков и Г. Эль-Регистан. Гимн, начинавшийся словами «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь», имел ярко выраженную патриотическую окраску и ни словом не упоминал «мировую революцию». Пропагандой отмечалось, что если «в старом гимне не отражены историческая победа советского строя, сущность нашего могучего и самого прочного в мире государства», то при звуках нового гимна «возникает образ нашей славной советской Родины», «вместе с его мелодией мы объемлем мыслью прошлое Родины, ее овеянное славой настоящее, ее блистательное будущее», «строки... гимна ярко свидетельствуют о великой организующей и ведущей роли русского народа в жизни всех народов, входящих в состав Советского Союза». В феврале 1944 г. было принято решение о разработке новых гимнов союзных республик.

Новый гимн СССР вызвал положительную реакцию в странах-союзниках. 3 января 1944 г. журнал «Тайм» писал: «Москва дала еще одно доказательство тому, что советский цикл от мировой революции к национализму завершен. Новый гимн Советского Союза предназначен только для русских; он не содержит призыва к угнетенным и не вызовет холодной дрожи на Уолл-стрит»⁴⁰. Тем не менее «Интернационал» был оставлен в качестве партийного гимна ВКП(б). Таким образом, хотя курс национальной политики был откорректирован в сторону усиления национально-патриотического

фактора, советское руководство тем не менее продемонстрировало, что отказа от коммунистических идеалов не произошло.

Советская пропаганда, направленная на идеологическое обслуживание населения тыла, как и прежде, старалась обойти стороной проблему коллаборационизма на оккупированной территории СССР, не признавала наличие в стране «пятой колонны». Ее разгром ставился в заслугу политике репрессий 1930-х гг., когда страна была очищена «от шпионов, убийц и вредителей, на содействие которых так рассчитывали германские фашисты». Отмечалось, что «ни у одного из народов СССР немецко-фашистские разбойники не нашли и не могли найти никакой поддержки», а также не смогли «разжечь национальную ненависть между народами СССР, поссорить их между собой, оторвать и противопоставить народы, населяющие нашу страну, великому русскому народу»⁴¹.

Однако после освобождения на рубеже 1941–1942 гг. части оккупированной территории скрывать факты сотрудничества граждан СССР с оккупантами стало труднее. Мехлис в своем выступлении на армейском совещании 6 ноября 1942 г. открыто сказал, что за время войны «оказалось много предателей»⁴². Хотя пропаганда пыталась представить факты коллаборационизма как «ничтожные исключения», утверждая, например, что на оккупированной территории гитлеровцы «не могут подобрать в так называемые "местные органы" людей из коренного населения», в материалах пропаганды проскакивала информация, например, о создании гитлеровцами эстонского «самоуправления». В ряде материалов пропаганды упоминалась

проблема украинского национализма — однако опосредованно, в виде осуждения неких «украинско-немецких сепаратистов в Канаде», создавших там «Украинский канадский комитет», к членам которого было обращено предупреждение украинского поэта Павло Тычины: «Прочь грязные руки от Украины!».

Ввиду того что ситуация на освобожденной от оккупации территории была тяжелой в морально-политическом плане, 25 августа 1943 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О мероприятиях по усилению культурно-просветительской работы в районах, освобожденных от немецкой оккупации», которые включали в себя восстановление типографий и обеспечение населения газетами и литературой, восстановление кинотеатров и обслуживание населения кинофильмами, восстановление театров, изб-читален, областных, городских и районных библиотек, восстановление парткабинетов, направление партийных кадров.

Стиль пропаганды на оккупированной территории, которая велась в 1941—1942 гг., был подвергнут критике как несоответствовавший реалиям, особенно в части утверждений, что «немцы разрушают нашу культуру, закрывают школы, онемечивают и лишают русских, украинцев, белорусов и др. их национальной культуры». В качестве примера такой некачественной пропаганды можно привести изданную в декабре 1942 г. для оккупированной территории Украины листовку, в которой говорилось: «Фашисты хотят уничтожить большую часть населения Украины. Они издеваются над нашей историей, нашей культурой. Они хотят онемечить наших детей, принудить их за-

быть родной язык, свою родину, своих отцов»⁴³. Не вполне соответствовавшие действительности утверждения (как известно, гитлеровцы приветствовали «возрождение» украинской культуры и языка на оккупированной территории) могли оказать только обратное воздействие на население оккупированных территорий. Поэтому предписывалось сделать советскую пропаганду «глубоко национальной по своей форме», а также «сдирать "национальную" маску с лица немецкой пропаганды». Предлагалось изобличать «положение, в которое поставили немцы т.н. "самоуправление", целый ряд наглых мер, специальные кино, магазины и т.п. "только для немцев", положение "восточных рабочих" в Германии, высказывания фашистских главварей о славянских народах». Предписывалось также вести пропаганду против имиджа гитлеровцев как «охранителей религии», использовать данные о разрушении гитлеровцами церквей. Партизанским отрядам в апреле 1943 г. была дана директива распространять среди населения оккупированных территорий имевшиеся данные об убийствах гитлеровцами мирных жителей, прятавшихся в церквях⁴⁴.

Пропаганда противодействовала вовлечению населения оккупированных территорий в военный коллаборационизм, призывая русских, украинцев и белорусов быть «верными сынами Родины», идти в партизаны и вступать в ряды Красной Армии. Латышей, завербованных в военные формирования гитлеровцев, призывали «вернуться к своему народу». Эстонцам разъяснялось, что вступление в гитлеровский «эстонский легион» — «это самое

большое преступление против эстонского народа». К религиозности эстонского народа взывали нелестные эпитеты: «Награда немецких фашистов — это клеймо Каина, это печать Иуды!»⁴⁵.

Политика гитлеровцев по созданию военных формирований из представителей народов СССР объяснялась населению оккупированных областей тем, что «людские резервы Гитлера на исходе». Латышам, завербованным в военные формирования гитлеровцев, внушалось: «Для чего вы нужны немецким фашистам? Чтобы вы не видели, как они теперь грабят Латвию и чтобы вы не могли сопротивляться этому грабежу». В пропаганде по разложению гитлеровских военных формирований из представителей народов Прибалтики использовалась апелляция к историческому воинскому братству этих народов с русским народом. На создание гитлеровцами «местного самоуправления» в Эстонии советская контрпропаганда отвечала: «Это — уничтожение свободы и независимости эстонцев, это — массовое убийство и ограбление граждан Эстонской ССР немцами, это — умерщвление эстонцев голодом и нищетой». Отдельным вопросом контрпропаганды было противодействие инспирированной гитлеровцами в ноябре 1943 г. «кампании протестов» в странах Прибалтики против доклада И.В. Сталина от 6 ноября 1943 г. (о грядущем освобождении Прибалтики и других территорий СССР)⁴⁶.

Количественные показатели пропагандистской работы на оккупированных территориях были значительными. Только за период с февраля 1942 г. по март 1943 г. для населения Литовской ССР было выпущено 33 листовки общим тиражом 1 819 000 экз.,

30 брошюр тиражом 466 000 экз., 25 номеров газеты «Tiesa» («Правда») и 17 номеров газеты «За Советскую Литву» общим тиражом 332 000 экз., 6 радиопередач в сутки (109 минут в сутки), а также было проведено 4 радиомитинга. Для Латвийской ССР 4—5 раз в месяц выпускалась газета «Par Padomju Latviju» («За Советскую Латвию») тиражом 50—150 тыс. экз., 6 раз в день выходили радиопередачи на латышском языке (всего 115 мин. в сутки), через Совинформбюро ежемесячно направлялось 7—9 статей и 3—5 художественных произведений в печать США, Англии и Швеции, через партизан среди населения распространялась информация о Латышской стрелковой дивизии, о фактах гитлеровских зверств и грабежей, велась пропаганда «революционных и антигерманских традиций» латышского народа. Для Эстонской ССР за период с февраля 1942 г. по март 1943 г. было выпущено 8 140 000 экз. листовок, брошюр, лозунгов и газет, и только за март 1943 г. — 1 887 000 экз. печатной продукции с призывами не вступать в «эстонский легион», обращениями к эстонским солдатам гитлеровских формирований, разоблачением «мероприятий гитлеровцев по истреблению эстонского народа и его культуры», разоблачением «самоуправления», призывами к партизанской борьбе, призывами «помнить Юрьеву ночь и вдохновляться ее примером».

Отдельное внимание пропаганды на оккупированной территории СССР было обращено на работу с польским населением Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики, в связи с активизацией деятельности на этой территории

представительства польского эмигрантского правительства («Делегатуры Жонду») и его военного органа — «Армии Крайовой» (АК). Польские агенты к лету 1943 г. не только создали подпольные организации в городах и деревнях, но в ряде мест организовали скрытые группы самообороны, отряды и даже полки с целью накопить силы и быть готовыми открыто выступить против Красной Армии, когда она придет. В указаниях ЦК Компартии Белоруссии «О военно-политических задачах работы в западных областях Белорусской ССР» от 15 июля 1943 г. говорилось о необходимости разъяснять польскому населению, что «в единении славянских народов сила и залог сокрушения гитлеризма, свободного существования славянских государств», сделать известным «существование "Союза польских патриотов" на территории СССР и дивизии имени Тадеуша Костюшко», а также разлагать отряды АК изнутри⁴⁷.

Итак, в период с ноября 1942 г. по январь 1944 г. советская пропаганда была направлена на усиление русского национального фактора. Русский народ теперь был определен не только как «великий», «первый среди равных», но и как «старший брат» остальных народов СССР, которые именовались «младшими братьями» и «равными среди равных». Такой поворот в национальной политике кажется вполне закономерным: руководство страны понимало, что русский народ нес на своих плечах основную тяжесть войны, и поэтому именно его моральные силы необходимо было всемерно укреплять и поддерживать. Другой аспект советской национальной политики данного периода — про-

паганда дружбы народов, их исторического братства с русским народом и другими народами Советского Союза, в том числе с целью противодействия коллаборационизму на оккупированной территории СССР.

Эффективность советской национальной политики, получившей развитие на втором этапе войны, была очень высока. Показательной оценкой эффективности может служить документ Абвера от 26 ноября 1943 г. («Директива Райнхардта»), в котором говорилось, что «с помощью направленной пропаганды "Отечественной войны" Сталину удалось [добиться] невиданного за прошедшие 20 лет единства активных сил советской империи. Сейчас не один Сталин с маленькой кликой борется за осуществление бывшей всегда чуждой народу идеи мировой революции. Сейчас весь русский народ борется за сохранение своего свободного Отечества»⁴⁸.

Утилитаризм советской национальной политики не скрывался. Признавалось, что воспитание в русском народе и во всех народах СССР чувства национальной гордости «нужно для того, чтобы русский народ и все народы СССР до конца осознали свое превосходство над фашистскими поработителями и разгромили их оккупационную армию и их гитлеровское разбойничье государство»⁴⁹. Расчет советского руководства был прост и доходчив: «Если народ и его армия знают и убеждены, что ведут справедливую войну, если их вдохновляет благородная и возвышенная цель, они способны преодолевать неимоверные трудности и лишения» во имя победы⁵⁰.

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС НЕ СНЯТ С ПОВЕСТКИ ДНЯ»

Возвращение к «советскому патриотизму»

В результате решающего наступления Красной Армии к началу 1944 г. перелом в войне стал необратимым. Задача спасения Отечества от смертельной опасности была в основном решена. С 1 мая 1944 г. война с Германией шла под лозунгом «Разбить немецко-фашистских захватчиков в их собственной берлоге». По мере освобождения советской территории контингенты ее населения, подлежавшие призыву, вливались в регулярные войска, и их доля в Красной Армии быстро увеличивалась. На общих основаниях в армию призывались латыши, литовцы, эстонцы, советские поляки, карелы, жители Западной Украины и Западной Белоруссии. Поэтому со второй половины 1943 г. доля русских в Красной Армии стала снижаться: на 1 июля 1943 г. она составляла 63,84%, на 1 января 1944 г. — 58,32 %, на 1 июля 1944 г. — 51,78%. В то же время среди воинов Красной Армии резко возрастала доля украинцев (на 1 июля 1943 г. — 1,62%, 1 января 1944 г. — 22,27%, 1 июля 1944 г. — 33,93%), а также росли доли белорусов (на 1 июля 1943 г. — 1,35%, на 1 января 1944 г. — 2,66%, на 1 июля 1944 г. — 2,04%), молдаван, эстонцев, латышей, литовцев, поляков⁵¹.

Изменение национальной политики на завершающем этапе войны проявилось прежде всего в снижении накала пропаганды, направленной на усиление русского национального фактора. Хотя продолжались реабилитация лучших страниц прошлого и акцентирование на особой роли русского народа —

«старшего брата», которому другие народы СССР были «обязаны» своими достижениями, в 1944 г. в армейских пропагандистских изданиях* произошло снижение в 2 раза по сравнению с 1943 г. количества публикаций о героическом прошлом русского народа.

Реабилитация истории дореволюционной России подверглась существенным ограничениям. Теперь она была направлена в основном на выдвижение и прославление ряда новых русских исторических личностей, которые могли быть полезны с точки зрения актуальной на тот момент политической ситуации. К концу войны Сталину стал наиболее близок образ М.И. Кутузова, ибо его полководческую тактику Сталин счел возможным примерить к своей деятельности в 1941—1942 гг.⁵² В марте 1944 г. на экраны вышел фильм С. Эйзенштейна «Кутузов», который был назван «крупным достижением советской кинематографии»⁵³.

Особый характер, как и прежде, имел курс на выдвижение личности Ивана Грозного в качестве одного из главных положительных персонажей русской истории. Пьеса А. Толстого «Иван Грозный», поставленная в Малом театре, в октябре 1944 г. была подвергнута суровой критике за то, что главный персонаж выглядел «жалким». Спектакль был снят с постановки. В декабре 1944 г. было подвергнуто критике искажение личности Ивана Грозного в сборнике стихов «Русь». Отмечалось, что книга «подчеркивает жестокость Ивана Грозного, но умалчивает о его прогрессивной государ-

* «Агитатор и пропагандист Красной Армии», «Блокнот агитатора Красной Армии», «Агитатор и пропагандист Военно-Морского Флота».

ственной деятельности». Распространение сборника было запрещено. В январе 1945 г. на экраны вышел «Иван Грозный» (также был снят С. Эйзенштейном), который был оценен как «удачный», в котором Иван Грозный верно показан как «вдохновитель и руководитель борьбы за исторические рубежи» России. Деятельности И. Грозного был посвящен ряд литературных произведений, в частности драматическая диалогия В. Соловьева «Великий государь», отмеченная Сталинской премией.

С одной стороны, руководство страны осознавало непреходящую роль русского народа в Советском государстве. Факт особого вклада русского народа в Победу отмечался пропагандой и учитывался советским руководством, кульминацией чего стало выступление Сталина 24 мая 1945 г. на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии. Сталин поднял тост «за здоровье русского народа», назвав его «наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза», заслужившей «общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны», имеющей «ясный ум, стойкий характер и терпение». Сталин подчеркнул, что «доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила» победу в войне. Ведущие средства массовой информации объявили, что сталинский тост «является классическим обобщением того исторического пути, который прошел великий русский народ»⁵⁴.

В то же время изменение хода войны, «интернационализация» Красной Армии, ее выход на западные территории СССР и за границу, а также

необходимость возвращения линии политики и пропаганды к коммунистической основе, которая являлась залогом существования советского режима, заставили руководство страны пересмотреть курс национальной политики. Свой вклад в такую перемену внесли настроения «великодержавного шовинизма», проявившиеся в результате чрезмерного укрепления русского национального фактора. А «великодержавный шовинизм» советским руководством традиционно рассматривался как одна из самых больших угроз целостности страны.

К началу 1944 г. среди советских историков (труды которых, как известно, всегда вносили свой вклад в формирование государственной идеологии) выделились две группы, представители которых придерживались противоположных оценок присоединения к России «национальных окраин» на разных этапах ее истории. Представители первой группы, объединившиеся вокруг заместителя директора Института истории АН СССР А.М. Панкратовой, считали присоединение к России «абсолютным злом» для других народов. Такой подход нашел яркое выражение в труде «История Казахской ССР», изданном в 1943 г. под редакцией М. Абдыкалыкова и А.М. Панкратовой.

Представители второй группы историков во главе с академиком Е.В. Тарле говорили о необходимости не только пересмотра теории «абсолютного зла», но и кардинального возвращения советской исторической науки на национально-патриотические позиции. Например, профессор А.И. Яковлев, выступая на заседании в Наркомате просвещения 7 января 1944 г., говорил: «Мне представляется необходимым выдвинуть на первый план мотив

русского национализма. Мы очень уважаем народности, вошедшие в наш Союз, относимся к ним с любовью. Но русскую историю делал русский народ. Мы, русские, хотим истории русского народа, истории русских учреждений, в русских условиях»⁵⁵. Позиция сторонников Тарле была здоровой реакцией на гиперкритику националь-

Член Политбюро ЦК ВКП(б)
А.А. Жданов

ного прошлого, которая была характерна для периода 1920-х — начала 1930-х гг. В условиях войны и перемен в национальной политике эта ответная реакция приняла подобие «русофильства»⁵⁶.

Однако позиция группы Тарле подверглась атаке со стороны группы Панкратовой. 2 марта 1944 г. Панкратова направила члену Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданову письмо, информируя, что «среди работников идеологического фронта появились тенденции», в основе которых «лежит полный отказ от марксизма-ленинизма и протаскивание — под флагом патриотизма — самых реакционных и отсталых теорий отказа от классового подхода к вопросам истории, замены классового принципа в общественном развитии национальным, реабилитации идеализма, панславизма и

т.п.»⁵⁷. В своем письме на имя Сталина, Жданова, Маленкова и Щербакова от 12 мая 1944 г. Панкратова просила найти «возможность обсудить положение и задачи советских историков в условиях Великой Отечественной войны и помочь нам выправить наши недостатки»⁵⁸.

Партийные органы выступили с критикой и той, и другой группы историков. В первую очередь получила осуждение книга «История Казахской ССР». В докладной записке Комиссии партконтроля от 30 января 1944 г. говорилось, что «эта книга пользы не принесет», а также «может стать оружием в руках казахских националистов», так как «взаимоотношения казахского и русского народа выглядят только как враждебные». На «Историю Казахской ССР» была запрошена рецензия у секретаря ЦК КП(б) Узбекистана У.Ю. Юсупова. Очевидно, сделано это было с той целью, чтобы получить критические замечания от представителя власти в одной из национальных республик и избежать таким образом гипотетического обвинения в «великорусском шовинизме». 23 мая 1944 г. Юсупов дал отзыв, в котором подверг авторов книги критике за то, что они «рассматривают колонизацию Казахстана как абсолютное зло», а «все массовые национальные движения, происходившие в Казахстане, как прогрессивные и революционные», «допускают изолированное рассмотрение истории казахского народа», «приукрашивают и идеализируют экономическое и культурное развитие казахского народа до завоевания Казахстана царской Россией»⁵⁹.

В марте и мае 1944 г. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) подвергло критике обе груп-

пы историков: «В советской исторической науке не преодолено еще влияние реакционных историков-немцев, фальсифицировавших русскую историю», «сильно сказывается еще влияние школы Покровского»*, «присоединение к России расценивается как абсолютное зло», а также, наоборот, «среди некоторой части историков наблюдается оживление антимарксистских, буржуазных взглядов»⁶⁰.

Таким образом, руководству страны стало ясно, что назрела необходимость обсудить создавшуюся ситуацию с целью не допустить уклона как в сторону «гиперинтернационализма», так и в сторону «великодержавного шовинизма». С этой целью с 29 мая по 8 июля 1944 г. в ЦК ВКП(б) было проведено совещание историков, на котором развернулись дебаты по проблеме исторической легитимации Советского Союза в его существующих границах. Группа Тарле делала это с великодержавных позиций, утверждая преемственность СССР и царской России, а группа Панкратовой — с позиций, которые она считала марксистскими, утверждая, что только СССР как «новое» объединение народов было свободным и добровольным⁶¹.

По результатам совещания был разработан проект постановления ЦК «О недостатках научной работы в области истории», в котором подверглись критике сторонники Тарле за «ревизию ленинских взглядов» и за отрицание того, что царизм был «угнетателем трудящихся» и «жандармом Европы», а

* М.Н. Покровский (1868–1932) — историк-марксист, академик АН СССР. Для трудов Покровского свойственно «обличение» истории Российской империи, выпячивание негативных аспектов русской истории.

царская Россия — «тюрьмой народов», а также за насаждение «пренебрежительного отношения к нерусским народам», оправдание «колониальных захватов царизма» и пр. В этом же проекте постановления критике подверглись сторонники Панкратовой за «ревизию ленинских взглядов», продвижение «норманнской теории», замалчивание и недооценку «прогрессивных сторон русской истории», принижение «роли выдающихся деятелей русского народа», противопоставление друг другу народов Советского Союза. Однако этот проект постановления был отвергнут. В новом проекте постановления историки были более предметно обвинены в попытках «возрождения буржуазно-исторической школы Милюкова» и «национализма» (тезис о прогрессивности завоевательной политики царизма), великодержавном шовинизме, «реставрации исторических ошибок школы Покровского». Однако и этот проект постановления принят не был. Он не устраивал руководство ЦК ВКП(б) из-за «политизированности», неверности с научной точки зрения и персональной адресованности⁶².

Таким образом, несмотря на ясную негативную оценку как «великодержавного шовинизма», так и огульного охаивания истории дореволюционной России, четкая официальная линия, проясняющая, как трактовать те или иные факты в истории страны, выработана не была. 12 мая 1945 г. историк С.В. Бушуев направил письмо Жданову, в котором указывал на то, что многим оставался неясным вопрос «как теперь освещать историю борьбы горцев за независимость под руководством Шамиля». Из-за отсутствия внятных указаний издательства

воздерживались «от печатания работ на вышеуказанные темы»⁶³.

Несмотря на отсутствие публично выраженной идеологической установки, в основу национальной политики на завершающем этапе войны было положено мнение Жданова — выстраивать национальную политику на основе «советского патриотизма». В результате в пропаганде появились критические интонации в адрес тех, кто руководствовался примерами и опытом далекого прошлого, а также делал упор на русский, а не «советский» патриотизм. Выразалось беспокойство, что патриотизм переставал связываться с революционными традициями. Высокопоставленный руководитель литературного фронта Л. Субоцкий в своем критическом обзоре недоумевал, почему, «описывая в "Русской повести" патриотический подвиг лесника — командира партизанского отряда, П. Павленко называет в числе его вдохновителей Александра Невского, Кутузова, солдат Архипа Осипова и Рябова, матроса Кошку и... только?». Критик утверждал, что «невозможно поверить, что в сознании и памяти человека, прожившего в Советской стране более четверти века, не возникло ни единой мысли об отражении вражеского нашествия в годы Гражданской войны». Поэтому он предлагал признать «бесплодность заимствования в неизменном виде чувств и понятий прошлых эпох для характеристики нового человека и нового времени»⁶⁴.

Б.Л. Пастернак в июле 1944 г. не получил разрешения опубликовать стихотворение «Русскому гению», а тексты его военных стихов в сборнике «Свободный кругозор» подверглись переделкам —

«было переписано, снято упоминание России»⁶⁵. В марте 1945 г. подверглась критике серия брошюр «Боевые подвиги сынов Армении». Отмечалось, что армянские герои в публикациях «представлены главным образом царскими генералами, отличившимися в войнах против горцев на Кавказе и в подавлении национально-освободительных восстаний горских народов». Был сделан вывод, что издательство «без разбора прославляет военных руководителей и администраторов царской России»⁶⁶.

Пропаганда стала утверждать, что «только наличие советского социалистического общества могло спасти человечество от порабощения немецким фашизмом», и подвергала критике тех, которые «умудрялись обходить молчанием главное: роль Советского государства, роль партии, существо нашего строя, так блестяще выдержавшего испытания». Выравнивание «крена» в сторону русского национального фактора проявилось в указании вернуться на «генеральный путь нашего развития», основанный на «чистоте марксистско-ленинской идеологии»⁶⁷.

По этой же причине потребовалась легитимация упоминавшегося выше тоста Сталина о русском народе, обоснование его с марксистской точки зрения. Подчеркивалось, что корни «передовой, революционной идеологии, в духе которой воспитан весь советский народ», нужно искать не только «в героическом прошлом русского народа и других народов нашей страны», но особенно «в освободительном учении марксизма-ленинизма»⁶⁸. Такая легитимация была необходимой, так как не все разделяли мнение Сталина, изложенное в его тос-

те, посчитав, что «другим народам СССР, которые понесли во время войны еще бóльшие, чем русский народ, потери, Сталин не воздал никакой чести» (в частности, белорусам и украинцам)⁶⁹. Когда Сталин произносил свой тост, Илья Эренбург заплакал, так как ему содержание тоста «показалось обидным»⁷⁰.

Тенденция признания «патриотизма досоветского периода» «исторически ограниченным» проявилась в установлении примата «советского» патриотизма над «русским». Говорилось о «русской» армии, но о «советском» народе, история Русского государства и Российской империи стала подаваться как «великое прошлое советского народа». Утверждалось, что идеология в СССР — это не узконациональный, а «советский, социалистический патриотизм»⁷¹. Как и прежде, провозглашались нерушимость дружбы и равенства народов СССР. Данные о награжденных давали основание утверждать, что советские герои «олицетворяют все народы и национальности нашей страны»⁷².

Задача усиления интернационализма была подчеркнута в изданной весной 1944 г. директиве ГлавПУРа, в которой, в связи с вступлением Красной Армии в страны Европы и с тем, что «в армию пришли сотни тысяч призывников из Западной Украины и Западной Белоруссии», подчеркивалось, что «воспитание солдата и офицера в духе интернационализма имеет сейчас особое значение». В то же время, с целью решения новой проблемы — непонимания среди части населения и воинов Красной Армии, «зачем нужно освобождать Польшу и другие страны», если территория СССР уже освобождена, советская пропаганда была вынуждена

разъяснить, что «мы воюем на чужой земле во имя только своих интересов» и только «за свободу и независимость нашей Родины»⁷³.

Одним из шагов, внешне относящимся к сфере национальной политики, стало преобразование в январе 1944 г. народных комиссариатов обороны и иностранных дел из общесоюзных в союзно-республиканские. Целью такого шага было объявлено создание для союзных республик условий «вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами и заключать с ними соглашения», а также «иметь свои республиканские войсковые формирования». 1 февраля 1944 г. в докладе перед Верховным Советом СССР Молотов сказал: «Это преобразование означает большое расширение деятельности союзных республик, которое стало возможным в результате их национального развития. В этом нельзя не видеть нового важного шага в практическом разрешении национального вопроса в многонациональном советском государстве, новой победы нашей ленинско-сталинской национальной политики».

В материалах пропаганды это решение обосновывалось тем, что «национальный вопрос у нас еще не снят с повестки дня», со ссылкой на слова Сталина, сказанные на XVIII съезде партии в 1939 г.: «Национальный вопрос мы будем ставить еще не раз... Быть может, нам придется некоторые комиссариаты, которые мы сливаем в составе Союза республик, потом разъединить». Указывалось, что развитие событий «полностью подтвердило замечательное предвидение товарища Сталина». Пропаганда делала акцент на том, что решения Верховного Совета — это не «крен в сторону конфедера-

ции», а выражение единства «целей суверенитета Союза и союзных республик»⁷⁴.

Решение в части наркомата обороны было обосновано тем, что «наиболее целесообразно воспитать и вовлечь в общее русло огромные боевые людские резервы союзных республик», а создание республиканских наркоматов иностранных дел — тем, что хозяйственные и культурные нужды республик «могут быть лучше удовлетворены посредством прямых сношений с соответствующими государствами». Население с интересом встретило эти новации. В частности, людей тревожило, «не создастся ли такое положение, что войсковые соединения республик будут защищать лишь интересы своих республик?»⁷⁵.

Однако опасения были напрасными. Истинная причина реорганизации наркоматов обороны и иностранных дел заключалась не в «решении национального вопроса», а в том, чтобы, придав союзным республикам больше формальных атрибутов «самостоятельности» и превратив таким образом каждую республику СССР в глазах мировой общественности в «самостоятельное государство», получить в будущей Организации Объединенных Наций не одно, а сразу шестнадцать мест. Такое предложение и было сделано на конференции союзных государств в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.)⁷⁶. Однако сильное американское сопротивление этому плану заставило Советский Союз уменьшить свои требования и на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. просить в ООН уже только 3 места — для СССР, Украинской ССР и Белорусской ССР, что и было достигнуто.

На практике дипломатических миссий у союзных республик создано не было. Те же СССР и БССР имели представительства только в ООН. Республиканские наркоматы иностранных дел были созданы лишь номинально, наркоматы обороны не были созданы вообще, за исключением СССР, но и там этот наркомат не проводил никакой деятельности, а после 1947 г. министр обороны СССР даже не назначался⁷⁷. На самом деле не только не последовало расширения оборонных функций союзных республик, но они были существенно урезаны в связи с отменой либо ограничением призыва в армию ряда национальностей*. В Конституции 1977 г. правовые нормы о республиканских органах иностранных дел и обороны исчезли.

Говоря о национально-территориальном развитии СССР в период Великой Отечественной войны, необходимо отметить вхождение в октябре 1944 г. в его состав Тувинской Народной Республики (ТНР). В начале 1944 г. в ТНР произошло сильное ухудшение экономического положения «в связи с сокращением поступления товаров широкого потребления из Советского Союза»⁷⁸. После присоединения ТНР, которая была преобразована в Тувинскую АО (в составе Красноярского края), советское руководство приняло меры по развитию экономики и культуры этого региона. Тогда же были сделаны первые шаги по присоединению к СССР Закарпатской Украины, где в пользу такого шага выступали определенные слои населения.

Одним из аспектов политики укрепления «советского патриотизма» стало усиление борьбы с

* Подробнее см.: Глава II, раздел «Национальное измерение Победы».

местным национализмом, который, как и «великодержавный шовинизм», представлял большую опасность для многонациональной страны.

В связи с начавшимся во второй половине 1943 г. освобождением Украины и вливанием в ряды Красной Армии большого контингента призывников из этой республики большое внимание обращалось на украинский национализм. Именно с целью воодушевить, мобилизовать украинский народ на борьбу с врагом 10 октября 1943 г. был учрежден орден Богдана Хмельницкого, в связи с чем в списке чтимых советской властью великих людей прошлого «закреплялся» украинский деятель, борец за воссоединение Украины с Россией.

В это же время начала разворачиваться кампания по осуждению националистических проявлений на Украине. В частности, они были обнаружены в творчестве украинского драматурга А.П. Довженко, который и ранее попадал «на заметку» органам НКВД за «националистические настроения»: в июле 1943 г. Довженко возмущался тем, «почему создали польскую дивизию, а не формируют украинских национальных частей»⁷⁹. В декабре 1943 г. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) подвергло критике повесть Довженко «Победа», в которой были «отчетливо выражены чуждые большевизму взгляды националистического характера», так как автор «настойчиво пытается убедить читателей в том, что за Украину борются якобы только украинцы», что «не соответствует действительности и искусственно обособляет борьбу украинского народа от борьбы всех народов СССР». Особое осуждение вызвали слова, в которых про украинский народ говорилось так: «Единствен-

ный сорокамиллионный народ, не нашедший себе в столетиях Европы человеческой жизни на своей земле, народ растерзанный, расщепленный». Эти суждения вступали в прямое противоречие с фактами существования украинской государственности в рамках СССР и объединения подавляющего большинства украинского народа в рамках Украинской ССР в 1939 г. Отмечалось далее, что «во всей повести Украина ни разу не названа Советской Украиной».

Осуждение вызвали и такие слова: «Помните, на каких бы фронтах мы сегодня ни бились... мы бьемся за Украину!». Хотя ранее аналогичные призывы широко использовались в пропаганде («На берегах Азовского моря, в степях Украины, в русских равнинах и под Ленинградом ты защищаешь солнечную Туркмению»; «Где бы вы ни находились — вы защищаете свой родной Азербайджан»; «На каких бы рубежах они [представители народов СССР] ни бились с врагом, они вместе с русским народом защищают свою национальную свободу»), теперь за такие «настроения» стали карать как за проявление национализма. В итоге повесть «Победа» была запрещена к публикации.

31 января 1944 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было проведено обсуждение киноповести Довженко «Украина в огне», которую Сталин заклеил как «националистическое произведение». 21 февраля 1944 г. Довженко был исключен из Всеславянского антифашистского комитета. В эти же дни он записал в своем дневнике: «Не буржуазный я и не националист. И ничего, кроме добра, счастья и победы, не желал я и русскому народу»⁸⁰. Тем не менее от своих взглядов он не отказался.

В докладной записке НКГБ от 31 октября 1944 г. указывалось, что Довженко, «внешне соглашаясь с критикой его киноповести "Украина в огне", в завуалированной форме продолжает высказывать националистические настроения»⁸¹.

Борьба с проявлениями украинского национализма в литературе была сопряжена с начавшимся подавлением украинского национализма на освобожденной территории Украины. После выступления Н.С. Хрущева на сессии Верховного Совета УССР 1 марта 1944 г. проблема украинского национализма, расцветшего во время оккупации, перестала быть тайной для населения всего Советского Союза.

Нашумевшими эпизодами борьбы с местным национализмом стало осуждение «националистических уклонов» в Татарской, Башкирской и Марийской АССР. В докладной записке от 7 октября 1943 г. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) подвергло жесткой критике татарский эпос «Идегей», сводный вариант которого был опубликован в конце 1940 г. в татарском журнале «Совет Эдебиаты», а герой эпоса Идегей «стал популяризироваться как герой татарского народа». В записке отмечалось, что «Идегей — один из крупных феодалов Золотой Орды», который «совершал опустошительные набеги на русские города и селения». Неприемлемой в «Идегее» была признана, во-первых, его основная идея — объединение Золотой Орды и укрепление ее власти над покоренными народами. Это вступало в прямое противоречие с пропагандой прогрессивности укрепления Русского государства. Во-вторых, выраженные в эпосе «чуждые татарскому народу националисти-

ческие идеи». В-третьих, «антирусские мотивы» эпоса. Подчеркивалось, что «эпос этот отражает далеко не прогрессивные исторические события», «воспевает агрессивное государство Золотую Орду» и «военачальников Золотой Орды, которые выступали в истории как вожаки разбойничьих походов на земли русского народа и других соседних народов»⁸².

9 августа 1944 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», в котором указывалось, что «в республике имели место серьезные ошибки идеологического характера в освещении истории татарского народа». Татарскому обкому ВКП(б) предлагалось «организовать научную разработку истории Татарии, устранить допущенные отдельными историками и литераторами серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодалного эпоса об Идеее)», «обратить особое внимание на исследование и освещение истории совместной борьбы русского, татарского и других народов СССР против чужеземных захватчиков, против царизма и помещичье-капиталистического гнета»⁸³.

27 января 1945 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации», в котором осуждался местный национализм, проявленный в подготовленных к печати «Очерках по истории Башкирии», а также литературных произведениях «Идукай и Му-

радым» и «Эпос о богатырях». Указывалось, что в этих публикациях «не проводится разграничение между подлинными национально-освободительными движениями башкирского народа и разбойничьими набегами башкирских феодалов на соседние народы, недостаточно показывается угнетение трудящихся башкир татарскими и башкирскими феодалами, идеализируется патриархально-феодальное прошлое башкир». Критике была подвергнута пьеса «Кахым-Туря», в которой «извращается история участия башкир в Отечественной войне 1812 г., противопоставляются друг другу русские и башкирские воины». Требовалось подвергнуть критике такие извращения идеологии «на собраниях писателей, историков, работников искусства», а также инициировать создание произведений, «правдиво отражающих историю башкирского народа, его лучшие национальные традиции, совместную с русским народом борьбу против царизма и иноземных поработителей»⁸⁴.

В мае 1945 г. на X пленуме Союза советских писателей было отмечено, что татарские литераторы «поднимали на щит ханско-феодальный эпос об Идее и делали Золотую Орду передовым государством своего времени», а также «нечто подобное произошло и в Башкирии с эпосом Карасахал». Татарские и башкирские историки и литераторы «тем самым извратили историю и впали в идеализацию патриархально-феодального прошлого». Характерно, что новые тенденции в политике шли в противоречие с рекомендациями «всесоюзного старосты» М.И. Калинина, данными им в августе 1943 г. фронтовым агитаторам: «Напоминайте каждому бойцу о героических традициях его народа, о

его прекрасном эпосе, литературе, о великих людях»⁸⁵. Оказалось, что далеко не все эпосы и великие люди являются «полезными» для советского строя.

В изданной 30 января 1945 г. докладной записке Оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б) были вскрыты «недостатки в идеологической работе Марийской парторганизации». В частности, «руководители управления по делам искусств при Совнаркоме Марийской АССР не заметили реакционной националистической трактовки в произведениях марийских писателей, драматургов и художников», когда «вместо пропаганды исторической дружбы, связывающей марийский и русский народы, в некоторых произведениях протаскиваются националистические взгляды»⁸⁶.

Неприятие даже малейшего намека на вражду народов, особенно между русским народом и другими народами СССР, находило свое выражение в отношении к отдельным работам историков. В феврале 1944 г. подверглась жесткой критике работа профессора МГУ М.Н. Тихомирова «Ледовое побоище и Раковорская битва» за утверждение, что «отношения русских князей с народами Прибалтики якобы преследовали грабительские цели, что русские грабили и разоряли западные области ливонов и эстов», и подчеркивание «жестокости русских в отношении жителей Прибалтики»⁸⁷.

Особенно актуальной была проблема борьбы с местным национализмом на западных территориях СССР, принимая во внимание отмеченный на них размах коллаборационизма и всплеск сепаратизма. 14 июня 1944 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по улучшению

массово-политической работы и восстановлению учреждений народного просвещения и здравоохранения в районах Молдавской ССР, освобожденных от фашистских оккупантов». Отмечалось, что «население освобожденных районов Молдавской ССР длительное время жило в условиях оккупации, испытывало воздействие лживой фашистской пропаганды и было лишено правдивой советской информации». Ставилась задача «широко использовать факты кровавых преступлений захватчиков против советского народа, сделать их известными всему населению». 9 августа 1944 г. было принято аналогичного содержания постановление «О ближайших задачах партийных организаций КП(б) Белоруссии в области массово-политической и культурно-просветительской работы среди населения». В целях пропаганды предписывалось использовать доклады, газеты, подготовку и переподготовку кадров, кинематографию и т.п.

27 сентября 1944 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О недостатках в политической работе среди населения западных областей УССР», в котором признавалась «недостаточная работа по разоблачению фашистской идеологии и враждебной народу деятельности агентов немецких захватчиков — украинско-немецких националистов». ЦК обязал партийные организации западных областей Украины показать населению, что именно националисты «срывают восстановление нормальной жизни населения в западных областях Украины», «разоблачать идеологию и деятельность украинско-немецких националистов как злейших врагов украинского народа». 20 января 1945 г. аналогичное постановление появляется в отношении Западной

Белоруссии («О политической работе партийных организаций среди населения западных областей БССР»). Постановление предписывало «систематически разъяснять населению, что только Советское государство, основанное на дружбе народов, обеспечит трудящимся западных областей Белоруссии подлинную свободу, материальное благосостояние и быстрый культурный подъем», «показывать трудящимся западных областей БССР, что белорусско-немецкие националисты были и остаются наймитами немецких захватчиков, соучастниками их преступлений против белорусского народа». Характерным являлось использование абсурдных терминов «украинско-немецкие», «белорусско-немецкие», «эстонско-немецкие» националисты.

В повседневной пропаганде на западных территориях СССР новое звучание получила апелляция к историческим связям этих народов с Россией. Перед партийными организациями ставилась задача разоблачать националистов, подчеркивая их участие в преступлениях гитлеровцев, «воспитывать среди трудящихся чувства дружбы и благодарности к великому русскому народу», «мобилизовать традиции совместной борьбы и исторической дружбы» с русским народом.

С целью усиления контроля над нестабильной ситуацией на западных территориях 11 ноября 1944 г. были созданы Бюро ЦК ВКП(б) по Литве и Эстонии, 29 декабря 1944 г. — по Латвии, 13 марта 1945 г. — по Молдавии. В задачу этим органам ставилось, в числе прочего, «пресечение деятельности буржуазных националистов и других антисоветских элементов». С целью подготовки кадров для идеологической борьбы с националистами в Моск-

ве, Ленинграде и Одессе были открыты двухмесячные курсы по подготовке партийных работников для Латвийской, Литовской, Молдавской и Эстонской ССР.

Перед населением тыловых областей СССР проблему национализма на западных территориях старались особо не афишировать, а также скрывали истинные масштабы коллаборационизма, который подавался как удел незначительного числа «прохвостов», «идиотов» и «уголовных преступников». 15 апреля 1944 г. центральные газеты сообщили о смерти генерала армии Н.Ф. Ватутина без объяснения ее причин, хотя было известно, что Ватутин пал жертвой нападения украинских националистов⁸⁸.

Тем не менее люди, которые пережили оккупацию, знали истинный размах коллаборационизма и антисоветских настроений на западных территориях. Агитаторам задавались такие вопросы: «Почему в газетах не пишут о власовцах?», «Много ли граждан из Прибалтийских республик сражается против Красной Армии?», «Ждут ли жители Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии нашу Красную Армию?»⁸⁹.

Одновременно с осуществлением политики борьбы против местного национализма на заключительном этапе войны были заложены основы политики борьбы с «низкопоклонством перед Западом», которая получила развитие в послевоенные годы. В докладной записке Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) от 21 февраля 1944 г. говорилось «о некоторых фактах нездоровых явлений и вывихов в области идеологии» среди интеллигенции, в частности, проявившихся на IX пленуме Союза советских архитекторов, когда «выступав-

шие всемерно охаивали все, что было создано усилиями нашего народа в области промышленного и гражданского строительства». Было указано на наличие «вредного космополитизма» в советской архитектуре, так как «значительная часть архитекторов игнорирует национальные традиции». В упомянутом выше постановлении «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» осуждались проявления «низкопоклонства» в газете «Красная Татария», которая принижала «роль Красной Армии в борьбе за разгром немецко-фашистских захватчиков» и преклонялась «перед военной мощью, техникой и культурой буржуазных стран». В основу послевоенной борьбы с «низкопоклонством», среди прочих, легли идеи о превосходстве русской науки, искусства, литературы и пр., которые начали пропагандироваться в 1944–1945 гг.

С одной стороны, пропаганда утверждала ожидание более сильного роста патриотизма и национального самосознания после Великой Отечественной войны, чем после Отечественной войны 1812 г. С другой стороны, советское руководство этого же и опасалось, так как в свое время «декабристы несли прогрессивные идеи, а сейчас просачивается реакция, капиталистическая идеология». Поэтому ставилась задача отследить, «какое впечатление остается у солдата и офицера от пребывания в иностранном государстве», своевременно реагировать на настроения солдат и офицеров, прибывших из освобожденных стран Европы домой⁹⁰. Характерно, что и гитлеровская пропаганда отмечала как важный факт то, что «русский народ получил воз-

возможность узнать, что представляет собой Западная Европа»⁹¹.

Руководство страны стояло перед необходимостью пышной фразеологией прикрыть низкий жизненный уровень в СССР, который особенно бросался в глаза офицерам и солдатам после знакомства с жизнью стран Европы⁹². Такое знакомство вызывало у советских воинов культурный шок и «психологическую переориентацию личности», что представляло определенную опасность для режима⁹³. Под предлогом преодоления низкопоклонства и космополитизма советскому руководству пришлось начать борьбу с положительным образом стран-союзниц, в первую очередь США, который во время войны активно создавался самой советской пропагандой⁹⁴.

Борьба с «низкопоклонством», которая получила развитие в послевоенное время, может быть связана с противодействием т.н. «плану Даллеса» — датированной 1945 годом разработке американских спецслужб по морально-политическому разложению советского народа в послевоенные годы. Однако сам этот документ, в существовании которого убеждены многие пишущие о нем авторы, до сих не представлен⁹⁵.

Итак, на заключительном этапе войны произошло выравнивание возникшего ранее идеологического крена в сторону усиления русского национального фактора. Снижение накала пропаганды русской национальной гордости, величия и патриотизма было очевидным. Руководство страны беспокоил возможный всплеск национализма среди народов СССР, поэтому оно стало опасаться, что «дальнейшая пропаганда идей русского великодер-

жавия вызовет обратную реакцию других народов и создаст угрозу целостности большевистской империи»⁹⁶.

Национальная политика в СССР претерпела ревизию в пользу укрепления базовых принципов «советского патриотизма», якобы в одинаковой мере свойственного всем народам СССР. Русский народ теперь использовался в основном не как нечто самоценное, а как «цементирующий», государствообразующий фактор. Следует согласиться с мнением, что интернациональные основания коммунистической власти в СССР остались неизблемыми. Советское руководство идентифицировало себя «с великодержавной империей, а не с русской идеей в ее бердяевском понимании», т.к. руководители государства «ясно отдавали себе отчет в том, что одного лишь русского национализма

*Плакат, подчеркивавший историческую связь
между красноармейцами и Русской армией*

мало для того, чтобы удержать вместе народы советской империи»⁹⁷. Национальная политика стала склоняться к использованию концепции «советского народа как новой исторической общности», впервые отчетливо выраженной в выступлении профессора М.В. Нечкиной на совещании историков в ЦК ВКП(б) летом 1944 г.: «Советский народ — это не нация, а какая-то более высокая, принципиально новая, недавно возникшая в истории человечества прочнейшая общность людей. Она объединена единством территории, принципиально новой общей хозяйственной системой, советским строем, какой-то единой новой культурой несмотря на многочисленность языков. Однако это не нация, а нечто новое и более высокое».

НАРОД И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

«БОЛЬШЕВИКИ ВЗЯЛИСЬ ЗА УМ»

*Восприятие советским народом нового курса
национальной политики*

Перемены в национальной политике советского руководства нашли поддержку у населения страны. В частности, во многих произведениях русского фольклора военного времени была выражена гордость боевой славой предков и горячее стремление оказаться достойными наследниками лучших традиций национальной истории⁹⁸. У людей появилась надежда, что позитивные достижения советской власти сохранятся, а темные стороны сталинизма канут в прошлое. Казалось, что за такую социалистическую родину стоит сражаться⁹⁹. Среди части населения усилились «демократические» тенденции и появились надежды на конкретные изменения советского строя в результате войны. Распространялись слухи о том, что «будет введена свобода различных политических партий», «свобода частной торговли», «будет выбран новый царь». Некоторые люди считали, что пришло время распустить колхозы¹⁰⁰.

Положительная реакция на изменения в национальной политике была отмечена на оккупированной территории СССР. По воспоминаниям очевидцев, во время оккупации Киева в город приходили «слухи с востока один обнадеживающее другого:

Сталин изменил политику, советская власть уже другая: религию признали, открывают церкви, в армии ввели погоны, офицерские чины, и страну уже называют не СССР, а как до революции — Россия». Люди говорили: «Теперь большевики взялись за ум»¹⁰¹.

Многих людей пересмотреть свое отношение к советской власти к лучшему заставила гитлеровская оккупация. В справке о настроениях интеллигенции в Харьковской области, датированной 10 ноября 1943 г., приведены слова людей, переживших оккупацию: «В результате гитлеровского хозяйничанья каждый почувствовал, что такое советская власть»; «То, что не удалось сделать товарищу Сталину за 24 года (заставить людей полюбить советскую власть. — Ф.С.), удалось сделать Гитлеру за один год»; «Я никогда не был горячим патриотом, но не переживши оккупации, нельзя по-настоящему оценить советскую власть»¹⁰². Жители Воронежской области, пережившие оккупацию, говорили: «Жизнь при оккупантах заставила сильнее полюбить советскую власть, Родину»; «Теперь, испытав власть этих гадов, мы убедились, как мила советская власть»¹⁰³. Изменение курса советской политики было отмечено и в среде русской эмиграции, где появились такие, кто поверил в эволюцию советского режима в лучшую сторону, стал с пониманием относиться к «батюшке Сталину»¹⁰⁴.

У части советского населения изменения в национальной политике вызвали сдержанную реакцию. Особенно это касалось роспуска Коминтерна. В народе было много высказываний о том, что это «вынужденная уступка», «результат нажима капита-

листов Америки и Англии», «цена Второго фронта». Задавались вопросы: «Снимется ли лозунг борьбы за мировую пролетарскую революцию?»¹⁰⁵. Писатель Константин Тренев говорил: «Ответы Сталина (по поводу роспуска КИ. — Ф.С.) написаны страшно путано, нелогично, непоследовательно. Под нажимом Англии и США, наконец, разогнали дармоедов»¹⁰⁶. Много вопросов вызывала политика сближения с Церковью*. В Курской области население задавало партработникам такие вопросы: «Почему разрешено открывать церкви? Почему советское правительство уделяло не такое внимание церкви до войны?». Со стремлением советского руководства «вовлечь религиозно-настроенные массы в единый фронт борьбы против фашизма» связывался и роспуск Коминтерна¹⁰⁷.

Отторжение у части населения вызывали перехлесты в советской пропаганде. Писатель Константин Федин говорил о том, что статья Леонида Леонова «Святая ненависть» «вызывает чувство гадливости и отвращения», потому что «нельзя кричать без конца: "Родина, моя Родина!" — с надрывом, манерно, как это делает Леонов»¹⁰⁸. Некоторые, как, например, известный в будущем публицист и диссидент Лев Копелев, понимали тактическую необходимость «националистической пропаганды» и «апелляции к чувствам патриотизма и героизма», но рассматривали это как временное явление¹⁰⁹.

Присутствовало и резко отрицательное отношение к переменам. Литературовед Б.С. Вальве заявлял, что «повышение национального самосознания» — это уступка Гитлеру¹¹⁰. Часть населения

* См. главу III «Власть и религия».

рассматривала роспуск Коминтерна как явное «недоразумение». Многих людей это решение ошеломило. Высказывалось мнение, что это «нарушение ленинских заветов». Роспуск Коминтерна связывался в одну цепь с другими изменениями в политике, также вызвавшими отрицательную реакцию: «Сначала погоны, потом попы, а теперь и Коминтерн»¹¹¹.

К концу войны в настроениях среди населения СССР в тылу бытовало ожидание послевоенных перемен. Люди считали, что руководство страны само убедилось в бесперспективности дальнейшего существования государственного устройства в довоенном виде. Одни рассчитывали на «прозорливость» Сталина, другие — на содействие Запада. Распространялись слухи о том, что США и Великобритания якобы способны «заставить Сталина отказаться от большевизма». Ожиданию перемен способствовало то, что в Западной Европе советский солдат увидел, насколько богаче и лучше люди жили при капиталистической системе, и убедился, что об этих странах и капитализме советская пропаганда говорила неправду¹¹².

Продолжался рост религиозности населения. В частности, в ночь с 15 на 16 апреля 1944 г. на пасхальных службах в Москве присутствовало 250 тыс. чел. (в 1943 г. — 83 тыс.), в Московской области — 200 тыс. чел. (в 1943 г. — 160 тыс.). Поворот советского руководства в религиозной политике и улучшение отношений с Русской православной церковью население оценивало в основном положительно. Однако были и отрицательные оценки происходящего. В частности, высказывались мнения, что правительство пошло навстречу Церкви

«под давлением Англии и США», что совершается ошибка, так как Церковь теперь могла «сама начать влиять на государство». Часть населения совершенно не понимала, почему произошло изменение политики. Некоторые люди высказывали надежду, что союз государства с Церковью продлится только до конца войны¹¹³.

Среди отрицательных тенденций в национальных отношениях на завершающем этапе войны следует отметить рост бытового национализма. Например, в Марийской АССР отмечались высказывания плана «у нас нет больше родины», «пока русские будут хозяйничать — толку у нас не будет». Косвенным образом местный национализм и сепаратизм проявлялись и в таких фактах, как недоуменное восприятие бойцами Литовской дивизии РККА переброски в Латвию: изгнание гитлеровцев за пределы Литвы — «малой родины» — они отождествляли для себя с окончанием войны¹¹⁴.

Под влиянием быстрого продвижения гитлеровцев в тыловых областях СССР развили свою деятельность русские националистические организации. В Хабаровском крае появились повстанческие группы из числа бывших белогвардейцев. В Якутии с сентября 1941 г. действовала антисоветская подпольная группа Коркина, в начале 1942 г. — повстанческая группа «Общество спасения России от большевизма». В ноябре 1941 г. в Краснодаре органами НКВД была раскрыта «Партия нового порядка», которая ставила своей задачей «свержение советской власти, восстановление капитализма, создание местного правительства после оккупации Кубани немцами, а также оказание помощи немецким оккупантам в проведении их мероприятий».

Партия имела свою программу, которая называлась «Крах Советской империи и задачи русского народа», ею был намечен состав будущего местного правительства, подбирались кандидатуры для поездки в Таганрог с целью установления связи с гитлеровцами. В январе 1942 г. в Усть-Лабинске была раскрыта молодежная организация «Союз друзей России». В сводке прокуратуры особо подчеркивалось, что «все они являются комсомольцами». Организация провела с сентября 1941 г. около 12 собраний, на которых обсуждались программные вопросы и методы борьбы с советской властью с целью восстановления в СССР «буржуазного демократического строя». Методом был избран «призыв населения к восстанию». Однако русские антисоветские группы были малочисленными и значительной роли в развитии национальных отношений во время войны не сыграли.

Подводя итог, отметим, что весь период войны характеризовался общим улучшением национальных отношений в СССР. Великая Отечественная война привела к значительному сближению народов Советского Союза. Советские люди в подавляющем большинстве с первых и до последних дней войны выражали решимость принять активное участие в борьбе с фашистским агрессором, включая даже те группы населения, которые могли таить обиду на советскую власть, в частности казачество¹¹⁵. Об этом говорит и тот факт, что большинство советских «перемещенных лиц», волею судеб оказавшихся во время войны в странах Европы, боялось не того, что после окончания войны им не разрешат остаться на Западе, а того, что им не разрешат вернуться в Советский Союз¹¹⁶.

Несмотря на все тяготы и жестокость войны, она некоторым образом оздоровила моральный климат в стране, подорванный репрессиями конца 1930-х гг., показала истинные качества каждого человека и породила надежды на лучшее будущее. Однако после войны надежды на позитивные перемены были разрушены, а чаяния на коренные изменения в обществе после Победы, так сильно вдохновлявшие фронтовиков в эти годы, были утрачены¹¹⁷. Коренных изменений в сущности советского строя не произошло, включая аспект национальной политики, — те позитивные изменения, которые составляли новый курс национальной политики во время войны, как уже говорилось, имели четкий утилитарный смысл (манипуляция национальным самосознанием с целью мотивации людей на защиту Родины) и не означали реальную перестройку коммунистической основы власти и режима. Эта основа осталась прежней, что доказала послевоенная история СССР.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОБЕДЫ

Мобилизация и эвакуация: результаты

Положение, сложившееся на территориях СССР, которые приняли на себя первый удар гитлеровской армии, было тяжелым не только с военной, но и с политической точки зрения. Еще до отступления советских войск с этих территорий здесь произошла резкая активизация сепаратистских и националистических движений, созданных осенью 1940 г. в контакте с гитлеровцами. К нача-

лу войны на территории Западной Украины действовали 94 бандповстанческие группы (476 чел.) и 1171 нелегал, Западной Белоруссии — 17 бандповстанческих групп (90 чел.) и 106 нелегалов. В дестабилизации обстановки в западных областях УССР до их оккупации гитлеровцами главную роль сыграла Организация украинских националистов (ОУН). ОУН еще до войны подготовила антисоветские повстанческие группы, которые приобретали оружие и готовили вооруженное восстание. Есть сведения, что в ряде горных районов Львовской области отряды ОУН взяли на себя полицейские функции и распустили колхозы еще до прихода гитлеровцев¹¹⁸.

В Каунасе 23 июня 1941 г. литовские повстанческие группы захватили несколько отделений милиции и арсеналов. В Риге 28 июня 1941 г. произошло антисоветское восстание. Рижская радиостанция провозгласила формирование «латвийского правительства». Контроль над городом был восстановлен Красной Армией только на следующий день. В Эстонии отряды антисоветских партизан («лесных братьев») нападали на мелкие подразделения Красной Армии и советские учреждения. Отряды эстонских дезертиров совершали убийства советских воинов и диверсии на путях их отхода в районах Пскова и Выру, а также в Таллине. В начале июля 1941 г. «лесные братья» на время взяли власть в некоторых волостях Эстонской ССР. Советские воинские подразделения совместно с бойцами истребительных батальонов из числа местного населения в течение июня и июля 1941 г. уничтожили 210 «лесных братьев»¹¹⁹.

Таким образом, в момент ухода Красной Армии западные регионы СССР находились в напряжен-

ном состоянии. Население этих территорий оказалось расколото по идеологическому признаку — часть его осталась на стороне советской власти, часть занимала выжидательную позицию, часть открыто приветствовала приход гитлеровцев. Нельзя безоговорочно согласиться с мнением ряда исследователей, что, например, в Эстонии в течение одного года советской власти «удалось полностью поменять национальное сознание, которое формировалось в течение веков, от антинемецкого к антирусскому»¹²⁰, а в Молдавии «даже та часть населения, которая более или менее лояльно относилась к советской власти, после осуществления кампании по депортации изменила свои позиции»¹²¹, однако выводы о предвоенном усилении антисоветизма и русофобии на западных территориях СССР имеют под собой определенное основание: начало войны пришлось на первый период арестов и депортаций «антисоветских элементов», предпринятых советским режимом.

На оккупированной территории РСФСР, куда война пришла в августе 1941 г., восприятие войны населением также не было однозначным. Незаслуженно обиженная властями часть населения отождествляла нашествие гитлеровцев с гибелью советского строя. Подобные настроения способны были какое-то время подавлять традиционную российскую ментальность, исторически ориентированную на защиту Отечества¹²². На руку антисоветским настроениям играло отрицательное отношение к «тактике выжженной земли», которая осуществлялась согласно директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков» от 29 июня 1941 г.

(перед армией и населением ставилась задача оставить гитлеровцам «пустые закрома, выжженные поля, опустевшие фабрично-заводские корпуса»). Однако уничтожение жилых домов и хозяйственных построек обрекало людей, остававшихся на оккупированной территории, на мучения и гибель. Население прифронтовых районов выступало против подобных акций¹²³.

В тыловых областях в начале войны «политико-моральное состояние» населения оценивалось советскими органами как «хорошее». Очевидцы и участники тех событий отмечают, что моральный дух был на высоте, отсутствовали сомнения в разгроме врага, победе над ним. Народ выражал патристические настроения. Но естественными в дни тех тяжелейших испытаний были также проявления паники, апатии, пессимизма, психологического шока¹²⁴.

22 июня 1941 г. на всей территории СССР была объявлена мобилизация. В разрезе изучения национальных отношений нас интересуют результаты призыва в национальных регионах. Мобилизация в Карело-Финской ССР прошла успешно и

Политрук перед строем

была закончена уже к вечеру 23 июня 1941 г.: было призвано 100 тыс. чел., из них 24 тыс. карел. В Крымской АССР было мобилизовано 93 тыс. чел., Эстонии — 33 тыс. чел., в Калмыцкой АССР за первые 8 месяцев войны было призвано 20 тыс. чел. В республиках Закавказья к середине июля 1941 г. было призвано 212 721 чел., что составляло 99% плана.

Однако на Северном Кавказе мобилизация столкнулась с определенными трудностями. Хотя уже в первые недели войны в Северо-Осетинской АССР было призвано 40 тыс. чел., Кабардино-Балкарской АССР — 25,3 тыс., Карачаевской АО — 15,6 тыс. представителей титульного народа (при общей численности народа 80 тыс.), Чечено-Ингушской АССР — 17 тыс. чел. (из них 50% — титульные народы), только к весне 1942 г. в Северокавказском военном округе удалось призвать 984 тыс. из 1002 тыс. чел., подлежавших призыву на первый день войны. В Чечено-Ингушетии уклонилось и дезертировало свыше 1000 чел., а в I квартале 1942 г. повторная мобилизация в этой республике была сорвана: из 14 тыс. подлежавших мобилизации было собрано лишь 4395 чел. Из национальной кавалерийской дивизии дезертировали 2365 чел. В большинстве селений горных районов республики все мужское население ушло в горы¹²⁵.

В целом мобилизация представителей разных национальностей способствовала укреплению дружбы народов в стране. Однако проявились и такие негативные явления, как уклонение, дезертирство, переход на сторону врага. Характерным примером явились прибалтийские территориальные корпуса Красной Армии, созданные до войны на основе ар-

мий независимых до 1940 г. Литвы, Латвии и Эстонии. По причине массового дезертирства в сентябре 1941 г. прибалтийские национальные корпуса были разоружены и расформированы¹²⁶. Воины-прибалты были переведены в запасные и тыловые части, кроме единиц — командиров, занимавших высокое положение на фронте. До 25 тыс. военнообязанных эстонцев были направлены в строительные батальоны и рабочие колонны в Архангельском и Уральском военных округах.

В донесениях с фронта отмечались «значительно распространенные пораженческие и антисоветские настроения» среди части призывников, которые уходили в банды, создавали антисоветские группы. Были проявления дезертирства среди военнослужащих, особенно призванных на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии. В 99-й стрелковой дивизии 80 бойцов — уроженцев западных областей УССР — «во время боя отказались стрелять». Многие военнослужащие Красной Армии из числа крымских татар во время прохождения фронта по территории Крыма дезертировали и возвращались в свои села¹²⁷.

Отсутствие желания бороться с врагом проявлялось и среди русских бойцов из числа тех, кто был недоволен коллективизацией, раскулачиванием, насаждением атеизма и политическими репрессиями. Особые отделы НКВД на фронтах сообщали о случаях демонстративного отказа от присяги со стороны таких лиц.

В 1941 г. было задержано 710 755 дезертиров и 71 541 уклонившихся. В дальнейшем такого массового дезертирства не наблюдалось, хотя выявление уклонившихся росло: в 1942 г. было задержа-

но 140 913 дезертиров и 76 192 уклонившихся, в 1943 г. — 191 028 дезертиров и 172 452 уклонившихся. Для противодействия дезертирству уже в начале июля 1941 г. были созданы заградительные отряды, которые должны были «задерживать идущих в тыл военнослужащих и направлять их в части». 16 августа 1941 г. был издан приказ Ставки ГКО, согласно которому предписывалось расстреливать на месте дезертиров и сдающихся в плен, а их семьи подвергать аресту. В результате принятых мер, а также из-за ставших широко известными фактов жестокого обращения гитлеровцев с советскими военнопленными, после 1941 г. вынужденная и добровольная сдача в плен советских военнослужащих резко сократилась¹²⁸. Отметим, что свой вклад в снижение дезертирства внес новый курс национальной политики, который дал советским воинам четкие ориентиры, почему они должны воевать и защищать свою страну.

Вскоре после катастрофического начала войны советское руководство приняло решение восстановить в Красной Армии национальные воинские части. Главная причина этого шага заключалась в том, что к осени 1941 г. в составе призывных контингентов многих союзных и автономных республик обнаружилось немало людей, слабо владевших русским языком или совсем не знавших его. Это серьезно затрудняло их обучение военному делу, удлиняло сроки подготовки боевых резервов. Поэтому важно было наладить работу с личным составом на родном языке при параллельном обучении русскому языку¹²⁹.

Другая причина создания национальных частей была идеологической — показать вклад отдельных

народов в борьбу с фашистской Германией. Особенно это касалось народов Прибалтики, национальные формирования из представителей которых были созданы одними из первых. 3 августа 1941 г. была сформирована 201-я латышская дивизия, 51% воинов которой составляли латыши по национальности. Дивизия вела успешные боевые действия, в октябре 1942 г. получила звание «гвардейской». С декабря 1941 г. началось формирование 16-й литовской стрелковой дивизии, 36,3% воинов которой составляли литовцы. К сентябрю 1942 г. был сформирован 8-й эстонский стрелковый корпус, который можно назвать самым национальным из всех прибалтийских частей: эстонцы составляли 88,5% личного состава корпуса, т.е. больше, чем в довоенной Эстонии (88,1% в 1934 г.). Это соотношение сохранялось с небольшими изменениями всю войну. Языком службы был эстонский, при этом служившие в корпусе неэстонцы также им владели.

13 ноября 1941 г. Государственный комитет обороны принял решение о формировании национальных воинских соединений в республиках Средней Азии, Казахстане, Башкирии, Кабардино-Балкарии, Калмыкии и Чечено-Ингушетии. Всего за годы войны было создано значительное количество национальных частей — 2 стрелковых корпуса, 21 стрелковая дивизия, 20 кавалерийских дивизий, 15 отдельных стрелковых бригад, 2 стрелковых полка, 1 авиаполк, 2 отдельных стрелковых батальона, 1 кавдивизион, 1 авиаэскадрилья общим числом военнослужащих 770 тыс. человек.

Большинство национальных воинских формирований Красной Армии просуществовало недол-

го. Уже в 1942 г. были расформированы 15 национальных дивизий и 10 национальных бригад. Основной причиной расформирования национальных частей было то, что надобность в них отпадала по мере обучения бойцов военному делу и русскому языку. Однако была и другая веская причина — отмена призыва в армию представителей ряда народов СССР. 19 сентября 1941 г. Закавказский фронт получил такое предписание в отношении аджарцев, хевсуров, курдов, сванов и мохевцев. В конце марта 1942 г. Наркомат обороны издал приказ об увольнении в запас всех чеченцев и ингушей и отправке их по месту жительства. 26 июля 1942 г. Государственный комитет обороны постановил не призывать коренные народы Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской и Дагестанской АССР. Вероятно, такое же решение было бы принято в отношении адыгейцев, карачаевцев и черкесов, если бы их национальные образования не были оккупированы к августу 1942 г. Наряд для Северо-Осетинской АССР в 1942 г. составил всего 400 чел. Представители «непризываемых» народов, которые уже были на фронте, остались в армии до конца войны (кроме репрессированных народов).

Причина ограничения и отмены призыва ряда народов СССР состояла в недоверии к представителям этих народов¹³⁰. Летом и осенью 1942 г. в армии повсеместно была распространена уверенность в «природной небоеспособности узбеков, армян, азербайджанцев и др.». Среди части военных бытовало мнение, что «карелы сплошь все предатели», т.к. они «помогали» финским оккупантам. Калмыков ряд командиров Красной Армии считал «сплошными бандитами», в связи с чем даже бы-

ли предприняты попытки выселения калмыцкого населения из двух сел в прифронтовой зоне Калмыкии. Эти попытки пресекло вышестоящее командование. На Закавказском фронте была распространена «теория, что якобы кадры нерусской национальности не умеют и не хотят воевать». По причине таких настроений, в частности, в ЧИАССР в сентябре 1942 г. командование партизанского движения избегало включать представителей титульных национальностей в кадры для партизанского движения. Только к середине ноября 1942 г., после принятия мер, в партизанских отрядах, сформировавшихся на случай оккупации ЧИАССР гитлеровцами, удалось довести долю чеченцев до 26,8%, ингушей — до 9,8%¹³¹.

Шовинистические настроения подкреплялись фактами измены среди бойцов «нерусской национальности». В июне 1942 г. доля красноармейцев нерусских национальностей, призванных в Закавказье и Средней Азии, составляла до 79,8% среди всех перебежчиков. На Южном фронте факты умышленного членовредительства были отмечены в основном среди красноармейцев нерусской национальности. На Закавказском фронте из 89-й армянской дивизии были случаи массового перехода на сторону врага¹³².

Как уже говорилось, к началу 1943 г. удалось повысить боевые качества и морально-политическую подготовку бойцов «нерусских национальностей», что принесло свои плоды в значительном росте боеспособности воинов из числа этих народов. Тем не менее 9 октября 1943 г. Государственный комитет обороны освободил от призыва граждан «коренных» национальностей Грузинской, Азер-

байджанской, Армянской, Узбекской, Казахской, Киргизской, Туркменской, Таджикской ССР, а также Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской АССР, Адыгейской, Карачаевской и Черкесской АО. 31 октября 1944 г. ГКО принял постановление об отмене очередного призыва граждан 1927 года рождения из числа «репрессированных» на тот момент народов, а также представителей народов Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Узбекской, Казахской, Киргизской, Туркменской, Таджикской ССР, Дагестанской, Кабардинской, Северо-Осетинской АССР, Адыгейской и Черкесской АО. Такие меры были вызваны как продолжавшимся недоверием к бойцам этих национальностей, так и тем, что в связи с освобождением территории ряда центральных областей РСФСР и Левобережной Украины появилась возможность осуществить массовый призыв с этой территории.

Таким образом, опыт национальной политики в отношении военной мобилизации народов СССР в период 1941–1943 гг. был смешанным. Способность правительства мобилизовать воинский персонал из числа представителей неславянских народов как в регулярные, так и в национальные части в начале войны некоторым образом компенсировала невозможность мобилизовать значительное число призывного контингента, оказавшегося под оккупацией. В то же время обвинения в «неэффективности» и «нелояльности» национальных подразделений ограничили вклад ряда народов СССР в общие усилия по обороне страны.

На заключительном этапе войны было отмечено активное уклонение от службы в армии на запад-

ных территориях СССР. В мае 1944 г. в Тернопольской* области «целые села уклонялись от явки на призывные пункты». В августе 1944 г. во Львовской и Дрогобычской областях УССР местное население оказало «значительное сопротивление» мобилизации. Процент явки людей на призывные пункты был низким, а во многих районах мобилизация была совершенно сорвана. По Львовскому военному округу к 27 августа 1944 г. на пункты не явилось 28,3% призывников (58 330 чел.), которые скрылись «в лесах и горах». Всего в УССР в 1944 г. уклонились от призыва в армию 87 052 чел. Также имелись случаи дезертирства лиц, призванных с Западной Украины, одной из причин чего была разлагающая деятельность антисоветски настроенных призывников, которые склоняли «земляков» к дезертирству, переходу в антисоветские повстанческие отряды и на сторону гитлеровцев. Мобилизация была сорвана во многих районах Западной Белоруссии, где наблюдалось массовое уклонение с уходом «в леса». Всего в Белорусской ССР в 1944 г. уклонилось от призыва в армию 34 756 чел.

Проведенная в августе — сентябре 1944 г. мобилизация на освобожденной к тому времени части Эстонской ССР (юго-восточные уезды) не выявила массового уклонения от мобилизации. Мало того, имелись случаи добровольной явки на пункт призыва молодежи, скрывавшейся в лесах от немецкой мобилизации. В 1944 г. в ЭССР от мобилизации уклонилось всего 160 чел. Таким образом, утверждения прибалтийских исследователей, что мобилизация, проведенная в Эстонии в августе —

* Ныне — Тернопольская область.

сентябре 1944 г., имела лишь «частичный успех» и «поэтому призыв был повторен в марте 1945 г.»¹³³, не соответствуют действительности. Призыв в начале 1945 г. был вновь объявлен потому, что территория Эстонии была полностью освобождена лишь в конце ноября 1944 г. В Латвии в 1944 г. уклонились от призыва 1962 чел., в Литве — 20 120 чел., в Молдавии — 8134 чел. Уклонившиеся от призыва на западных территориях СССР в 1944 г. составляли 49,1% от общего числа уклонившихся от призыва в стране (население этих территорий оценочно составляло 10% населения страны).

В целом за годы войны на защиту Родины были мобилизованы 34 млн 476 тыс. человек. Через Вооруженные Силы СССР прошли 31 млн чел. Безвозвратные потери советских воинов составили 8 668,4 тыс. чел. Соотношение доли погибших на фронте и награжденных военнослужащих наиболее многочисленных национальностей к доле этой национальности в населении СССР можно проследить по следующей таблице¹³⁴:

Национальность	Доля в населении СССР, %	Доля в общем числе потерь, %	Соотношение долей (3 к 2)	Доля в общем числе награжденных, %	Соотношение долей (5 к 3)
1	2	3	4	5	6
Русские	51,80	66,40	1,28	66,49	1,28
Украинцы	17,60	15,89	0,90	18,43	1,05
Белорусы	3,60	2,92	0,81	3,35	0,93
Узбеки	2,54	1,36	0,54	0,86	0,34
Татары	2,19	2,17	0,99	1,88	0,86
Казахи	1,83	1,45	0,79	1,04	0,57

Национальность	Доля в населении СССР, %	Доля в общем числе потерь, %	Соотношение долей (3 к 2)	Доля в общем числе награжденных, %	Соотношение долей (5 к 2)
1	2	3	4	5	6
Евреи	2,54	1,64	0,65	1,73	0,68
Азербайджанцы	1,17	0,67	0,57	0,39	0,33
Грузины	1,12	0,92	0,82	0,53	0,47
Армяне	1,12	0,97	0,87	0,72	0,64
Литовцы, латыши, эстонцы	2,49	0,51	0,20	0,25	0,10
Молдаване	1,12	0,62	0,55	0,06 ¹³⁵	0,10
Мордовцы	0,66	0,73	1,11	0,62	0,94
Чуваши	0,66	0,73	1,11	0,58	0,88
Таджики	0,71	0,26	0,37	0,15	0,21
Киргизы	0,49	0,31	0,63	0,17	0,35
Башкиры	0,43	0,37	0,86	0,32	0,74

Таким образом, все народы страны внесли вклад в Победу. Тот факт, что вклад каждого отдельного народа варьируется, обусловлен как объективными обстоятельствами военного времени (русский народ принял на себя основную тяжесть войны в самое сложное время, когда потери армии были наибольшими), так и тенденциями государственной политики по мобилизации (ограничение призыва представителей ряда национальностей). О неравномерности призыва в армию говорят цифры: за годы войны было призвано из РСФСР — 22,7%, Казахстана и Средней Азии — 17%, Закавказья — 17%, Украинской ССР — 12,5%, Белорусской ССР — 12% населения.

Несмотря на ограничение и отмену призыва представителей ряда национальностей, опыт при-

вращения народов СССР к военной службе во время Великой Отечественной войны следует оценить как положительный, так как во время Первой мировой войны народы Средней Азии подняли восстание всего лишь из-за попытки их трудовой мобилизации¹³⁶. Вклад в Победу внесли в том числе представители репрессированных народов. Так, в первые же месяцы войны были мобилизованы более 17 тыс. чеченцев и ингушей, на фронт ушли 40 тыс. турок-месхетинцев, из них 26 тыс. погибли. Из 137 тыс. крымских татар, мобилизованных в армию, к 1944 г. на войне погибли 57 тыс. чел. Среди Героев Советского Союза — 10 чеченцев и ингушей, 9 немцев, 8 калмыков, 1 балкарец¹³⁷.

В советских партизанских отрядах воевало до 2 млн чел. Из числа партизан на Украине представители титульной нации составляли 59%, в Белоруссии — 71,19%, Карело-Финской АССР — 32,5% (при этом доля финно-угорских народов в республике в 1941 г. была всего 26,9%). В Прибалтике численность советских партизан была невелика: в Литве — 1633 чел. (на 6 января 1944 г.), в Латвии — 856 чел. (на 1 января 1944 г.), Эстонии — 201 чел. (на 22 ноября 1943 г.), однако представители титульных наций среди них также составляли большинство. Причиной малого числа советских партизан в Литве и Латвии может быть отсутствие базы, созданной для советского партизанского движения до прихода гитлеровцев. О созданном в Эстонии до прихода оккупантов партизанском подполье в составе до 700—800 чел. после начала оккупации ничего не было известно, что, возможно, объясняется предательством секретаря ЦК Компартии Эстонии К. Сяре, попавшего в руки гитлеровцев¹³⁸. Незна-

чительной доля титульной нации была только среди партизан Молдавской ССР (0,2%).

Значительную роль в создании новой ситуации в национальных отношениях в СССР сыграла предпринятая в ходе войны эвакуация населения прифронтовых областей в тыл. 24 июня 1941 г. при СНК СССР был создан Совет по эвакуации. 27 июня 1941 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О порядке вывоза и замещения людских контингентов». Первоочередными объектами эвакуации людей были определены детские учреждения, квалифицированные кадры рабочих и служащих, люди пожилого возраста, женщины с детьми. При этом не предусматривалось какое-либо преимущество той или иной нации в отношении перемещения в тыл. В результате проведенных мероприятий по эвакуации из Литвы было эвакуировано 20 тыс., Латвии — 40 тыс., Украины — свыше 4 млн, Белоруссии — 1,5 млн, Молдавии — до 300 тыс., Ленинграда — 773 тыс., Мурманской области — 211 тыс., КФССР — 500 тыс. (почти 90% населения)¹³⁹, Москвы — 2 млн¹⁴⁰, Эстонии — 23 тыс. чел.¹⁴¹. На 12 марта 1942 г. количество эвакуированных составляло 3 788 102 чел.¹⁴². Значительное число эвакуированных было размещено в национальных республиках тыловой части СССР. Несмотря на существовавшее мнение о том, что следовало бы предоставить право для эвакуации в первую очередь евреям и цыганам, такое преимущество официально не предоставлялось, так как оно могло бы вызвать протесты представителей иных национальностей¹⁴³.

Национальный аспект эвакуации проявился в том, что она вызвала перемешивание людей раз-

ных национальностей, которые не знали обычаев и языка друг друга¹⁴⁴. Эвакуация способствовала лучшему узнаванию народами СССР друг друга, укреплению дружбы народов, их взаимопонимания и взаимоуважения. Следует отметить такие положительные факты, как, например, движение за усыновление эвакуированных детей-сирот в Узбекистане¹⁴⁵. Однако были и негативные аспекты, спровоцированные эвакуацией населения. Размещение прибывших зачастую происходило за счет ухудшения жилищных условий местного населения. Некоторые эвакуированные отказывались от работы, вели праздную жизнь, требовали дополнительных льгот, проявляли брезгливость и высокомерие к местному населению¹⁴⁶. В свою очередь, часть местного населения высказывала недовольство приездом эвакуированных. В Башкирии были отмечены такие высказывания, как «без вас у нас было хорошо», «вы набили цены на продукты»¹⁴⁷. В докладной записке ЦК КП(б)Э от 1 июня 1942 г. отмечались «не всегда нормальные» отношения между эвакуированными эстонцами и местными жителями¹⁴⁸. Такие эксцессы были закономерны, принимая во внимание тяжелейшие условия жизни местного населения, «уплотнение» их и так небольших квартир и домов эвакуированными людьми, первоначальное недоверие и непонимание между людьми разных национальностей, которые говорили на разных языках, имели разную культуру поведения в быту и пр.

ВЛАСТЬ И РЕЛИГИЯ

«ИСПЫТАНИЕ НА ПРЕДАННОСТЬ»

Июнь 1941 г. — ноябрь 1942 г.

Религиозная политика и положение конфессий тесно связаны с национальной политикой. Представляется бесспорным утверждение, что «идеологическое ядро русской цивилизации духовно определяется православием», а для русского национального самосознания характерно наличие «сильнейшей, утвержденной веками христианской составляющей»¹⁴⁹. Аналогичным образом национальное сознание народов, традиционно исповедующих ислам, тесно связано с этой религией, бурятов, калмыков и тувинцев — с буддизмом, еврейского народа — с традициями иудаизма, и т.д.

Как известно, после Октябрьской революции религиозные организации в СССР были не только отделены от государства, но и подверглись жестоким преследованиям. Только в 1928 г., в связи с началом коллективизации, Сталин три раза призывал к борьбе с религией. «Союз воинствующих безбожников» провозгласил две «безбожные пятилетки» (1929—1933 гг. и 1933—1937 гг.), которые выражались в агрессивной атеистической пропаганде. В 1930-х гг. аресту и расстрелу подверглось до 85% священнослужителей Русской православной

церкви. К 1939 г. церковная организация РПЦ была практически разгромлена.

Однако задача «безбожных пятилеток» по тотальной «атеизации» населения достигнута не была. Перепись населения 1937 г. выявила, что доля верующих среди советских граждан оставалась высокой — 57% (православные и мусульмане — 74% и 14,7% от общего числа верующих соответственно).

В связи с упоминавшимися изменениями в национальной политике СССР в середине 1930-х гг., когда власть взяла курс на укрепление «советского патриотизма» и ограниченное возрождение национально-патриотических ценностей, определенный поворот был сделан и в религиозной политике Советского государства.

В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1936 г. Крещение Руси было признано «положительным этапом в истории русского народа». Пропаганда стала утверждать, что Крещение Руси имело «большое историческое значение». В этом же постановлении был подвергнут критике поэт Демьян Бедный за очернение богатырей русского былинного эпоса в опере-фарсе «Богатыри». Отмечалось, что богатыри «являются в народном представлении носителями героических черт русского народа». И это несмотря на то, что Илья Муромец был монахом Феодосиева монастыря (ныне Киево-Печерская лавра) и затем канонизирован Русской православной церковью. Впоследствии в пантеон чтимых советской властью героев был включен князь Александр Невский, также канонизированный РПЦ, — в ноябре 1938 г. на экранах СССР появился исторический художественный фильм «Александр Невский». Пропаганда не могла

не отметить факт канонизации князя, однако пыталась нивелировать его, утверждая, что «церковь долго спекулировала именем этого героя в своих корыстных целях»¹⁵⁰.

И наконец, самое важное политическое изменение было закреплено в новой Конституции СССР (принята 5 декабря 1936 г.) — отмена нормы о дискриминации священнослужителей в отношении обладания гражданскими правами. Конституция гласила, что все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от вероисповедания, социального происхождения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов (за исключением признанных умалишенными). Депутатом Верховного Совета СССР может быть избран каждый гражданин СССР, достигший 23 лет, также независимо от вероисповедания, социального происхождения и прошлой деятельности. Пропаганда тиражировала этот факт, утверждая, что «в СССР безбожники и верующие пользуются одинаковыми правами и несут одинаковые обязанности». Такой шаг, безусловно, был важным для повышения социального статуса служителей религиозных конфессий. Однако причиной его был общий «демократизм» Конституции 1936 г., а не реальное намерение вернуть священнослужителям их права.

После присоединения к СССР территорий Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики, население которых (22 млн 600 тыс. человек) ранее не испытало воздействия массовой атеистической пропаганды, число верующих в стране значительно увеличилось. Это существенным образом укрепило позиции Русской православной церкви, которая неожиданно стала «полез-

ной» для руководства СССР в осуществлении адаптации новых территорий к советскому режиму, так как на этих территориях традиционные методы революционной диктатуры были бы непригодными или малоэффективными¹⁵¹.

В социальном аспекте в преддверии войны власть начинает осознавать ошибочность своего убеждения в том, что религия потеряла влияние на граждан и что она будет неременной помехой в годину суровых испытаний. Планировавшаяся третья «безбожная пятилетка» не была санкционирована политическим руководством страны, и потому ее провозглашение не состоялось.

Трагическая статистика говорит о том, что пик репрессий в отношении священнослужителей и мирян пришелся на 1937 г. В последующие годы происходит радикальное сужение размаха репрессий. По данным комиссии А.Н. Яковлева, в 1937 г. по церковным делам было арестовано 136 900 чел., из них расстреляно — 85 300; в 1938 г. соответственно 28 300 и 21 500, в 1939 г. — 1500 и 900 (в 95 раз меньше, чем в 1937 г.), в 1940 г. — 5100 и 1100; в 1941 г. — 4000 и 1900 (в 45 раз меньше, чем на пике террора).

Очевидно, до 1938 г. приоритет отдавался репрессивной политике, имевшей целью полное физическое уничтожение Церкви. Поэтому в период 1933—1937-х гг. антирелигиозная пропаганда была ослаблена. Периодичность выхода журнала «Безбожник» была сокращена с 24 до 12 номеров в год, журнала «Антирелигиозник» — с 24 до 6 номеров в год, газета «Безбожник» в 1935—1937 гг. не издавалась вовсе. В этот период было прекращено издание ряда антирелигиозных журналов на националь-

ных языках и антирелигиозных газет, выходивших в Казани, Киеве, Самаре, Уфе, Харькове, Херсоне.

Однако после того, как из результатов переписи населения 1937 г. стала очевидной низкая эффективность репрессивных мер в отношении Церкви и верующих, акцент был перенесен на антирелигиозную пропаганду, которая стала базироваться на новых установках. Вместо агрессивных акций предписывалось «терпеливо разъяснять вред религиозных предрассудков», применять «индивидуальный подход к верующим», не противопоставлять безбожников верующим, а оказывать помощь «в деле их полного освобождения от реакционного влияния религии». Лозунг «Закрыть все церкви» был признан вредным.

Вновь усиливалась антирелигиозная пропаганда. Периодичность журнала «Антирелигиозник» возросла до 12 номеров в год. В 1938 г. было возобновлено издание газеты «Безбожник», количество номеров которой выросло с 30 номеров в 1938 г. до 44 номеров в 1940 г. В 1941 г. эта газета стала еженедельной. Стали выходить газета «Безвірник» (на украинском языке), журнал «Мебрძოლი ათეისტი» и одноименная газета (на грузинском языке). В 1937 г. был выпущен номер журнала «Безбожник» на бурятском языке, в 1938 г. — три номера газеты «Ўзбекистон худосизлари» (на узбекском языке). В 1941 г. вышло 6 номеров журнала «Атеист» на эстонском языке. До июня 1941 г. продолжалось издание антирелигиозного журнала «Свободная мысль» на литовском языке. В 1938—1941 гг. Центральные курсы политпросветработников издали 8 выпусков брошюры «Методическое письмо заочнику-антирелигиознику». В то же время с 1935 г. не издавался

единственный печатный орган Русской православной церкви — «Журнал Московской Патриархии».

Ярким примером продолжавшихся выпадов против Церкви со стороны воинствующих безбожников является опубликованная за месяц до начала войны в журнале «Безбожник» статья, в которой утверждалось, что «Русская церковь в эпоху монгольского завоевания пресмыкалась перед ханами»; «когда народ подвергался нашествию врагов, церковь часто предавала его и продавала завоевателю. Когда он копил силы для освобождения, религия ослабляла его проповедью покорности и безволия. Когда он, наконец, сокрушал иго и очищал свои земли от чужеземных поработителей, церковь обкрадывала его, приписывая все заслуги Богу и себе. Религия является злейшим врагом советского патриотизма»¹⁵².

Таким образом, несмотря на определенные перемены, происшедшие в отношении Советского государства к религии, не следует говорить о «едва ли не полной ревизии ленинской линии по религиозному вопросу» в предвоенные годы, как это делают некоторые исследователи¹⁵³.

К началу Великой Отечественной войны Русская православная церковь имела 3021 действующий храм, 99% которых находилось на территориях, вошедших в состав СССР в 1939—1940 гг. (составляли около 2% территории СССР). Священнослужителей в РПЦ насчитывалось 6376 чел. (в 1914 г. их было в 10,3 раза больше — 66 100 чел.), монастырей — 64 (в 1914 г. их было в 16 раз больше — 1025). У Церкви не было патриарха*, а от высшего ду-

* Не избирался после кончины патриарха Тихона в 1925 г.

ховенства осталось 2 митрополита и 2 епископа. У Церкви не было ни одного учебного заведения и периодического издания. Таким образом, положение РПЦ перед началом войны, в результате более чем 20 лет гонений и репрессий, было очень тяжелым. Тем не менее, Церковь продолжала занимать патриотическую позицию, что и доказала в первый же день войны.

Патриарх Сергей

22 июня 1941 г. глава Русской православной церкви — Патриарший Местоблюститель, митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) — издал патриотическое послание к православным верующим страны, в котором отмечалось, что «повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона». Митрополит призвал вспомнить «святых вождей русского народа» — Александра Невского, Дмитрия Донского, «полагавших свои души за народ и Родину», и благословил народ на «предстоящий всенародный подвиг». Священнослужители были призваны не оставаться молчаливыми наблюдателями за ходом войны, а ободрять малодушных, утешать огорченных, напоминать о

долге колеблющимся. С аналогичным посланием к пастве обратился 26 июня 1941 г. митрополит Ленинградский Алексей. По воспоминаниям очевидцев, эти послания церковных иерархов нашли отклик, охватывая не только священство, но и гораздо более широкие круги населения¹⁵⁴. Во всех церквях Советского Союза священники проповедовали любовь к Родине, вдохновляя тем самым людей на борьбу с врагом. Патриотическая позиция Церкви имела особую значимость для православных христиан нашей страны, сотни тысяч которых участвовали в боевых операциях на фронте и в партизанских отрядах, трудились в тылу. О высокой значимости патриотических обращений РПЦ говорит тот факт, что гитлеровцы расстреливали священников за их чтение перед паствой¹⁵⁵.

Несмотря на то что оба церковных иерарха, не задумываясь о последствиях, фактически нарушили закон, который запрещал вмешательство Церкви в дела государства, есть косвенные свидетельства позитивного отношения советского руководства к посланию Патриаршего Местоблюстителя от 22 июня 1941 г.¹⁵⁶. Можно согласиться с мнением ряда исследователей, что четко выраженная патриотическая позиция Церкви могла быть также обусловлена пониманием сохранявшейся непрочности положения РПЦ¹⁵⁷. Возможно, Патриарший Местоблюститель понимал, что приближение гитлеровцев увеличивало опасность репрессий в отношении его и других церковных иерархов. Власти могли опасаться, что священнослужители последуют примеру экзарха Прибалтики митрополита Сергия (Воскресенского), вставшего на путь сотрудничества с оккупантами¹⁵⁸.

7 октября 1941 г. Патриарший Местоблюститель получил указание эвакуироваться, но не подчинился этому приказу незамедлительно, а остался в Москве, одновременно составив завещание, в котором указал своим преемником митрополита Алексия. 14 октября 1941 г., еще оставаясь в Москве, Патри-

Патриарх Алексий

арший Местоблюститель издал послание с резким осуждением в адрес коллаборационистов из числа священнослужителей, оставшихся на оккупированной территории. В тот же день он был эвакуирован из Москвы в Ульяновск в одном вагоне с главой «Обновленческой церкви» Александром Введенским*, архиепископом Русской православной старообрядческой церкви Иринархом и руководителями баптистской общины. Этот факт говорит о том, что советское руководство все еще присматривалось к действиям Русской православной церкви, не да-

* Обновленческая церковь (офиц. назв. Православная церковь в СССР) — движение в Православной российской церкви, возникшее после Февральской революции. Декларировало цель «обновления Церкви»: демократизацию управления и модернизацию богослужения. Заявляло о полной поддержке советского режима и проводимых им преобразований. С 1922 по 1927 г. являлась единственной официально признаваемой государственными властями православной церковной организацией.

вая ей приоритета по отношению к другим религиозным учреждениям. В Ульяновске Патриарший Местоблюститель первое время находился фактически под домашним арестом.

Однако в связи с тем, что Русская православная церковь продолжала свою патриотическую деятельность, в дальнейшем наметилось потепление в отношениях государства и Церкви, примером чего могут служить такие факты, как изданное ЦК ВКП(б) 7 октября 1941 г. указание о неправильности закрытия церквей в Свердловской области (в июле — августе 1941 г. было закрыто 9 церквей и 2 часовни, несмотря на возражения верующих), а также разрешение вечернего благовеста и крестного хода в Москве на Пасху 1942 г., для чего был фактически отменен комендантский час. Без официального роспуска перестали функционировать «Союз воинствующих безбожников» и выходить его издания. Были закрыты некоторые антирелигиозные музеи. В 1941—1947 гг. литература по антирелигиозной тематике в СССР практически не публиковалась, хотя до 1940 г. ежегодно выходило около 2 тыс. названий тиражом более 2,5 млн экз. Исчезли из политического лексикона такие понятия, как «антирелигиозная борьба», «безбожники», «мракобесы-церковники».

Изменения в политике по отношению к Церкви были обусловлены также и тем, что война и связанные с ней невзгоды заметно усилили религиозность среди населения. Храмы вновь стали наполняться молящимися, увеличилось число обрядов. О росте религиозности и соответствующих ожиданиях со стороны народа можно судить по тому факту, что Пензенскую область в июле 1942 г.

всколыхнули слухи, что «26 государств якобы объявили Советскому Союзу ультиматум о роспуске колхозов и открытии церквей»¹⁵⁹. Причину прекращения антирелигиозной пропаганды и разрешения большей веротерпимости следует искать также не только в негласном одобрении советским правительством патриотической позиции Церкви, но и в необходимости противодействовать гитлеровской пропаганде, спекулировавшей на «безбожности» советской власти. Однако существенного облегчения участи Русской православной церкви и других конфессий в первый период войны не произошло.

Патриотическую позицию с началом войны заняли Русская православная старообрядческая церковь и «Обновленческая церковь», которая к этому времени изрядно поредела и растеряла своих последователей¹⁶⁰. Однако православное сектантство встало на резко антисоветские позиции. В 1941 г. в Киеве, Виннице и Житомире возникли подпольные группы «апокалипсистов». Во время оккупации члены этой секты вышли из подполья и активно поддерживали гитлеровцев. Успеха в привлечении сторонников добились секты «Истинно-православная церковь» и «Истинно-православные христиане». Вера в то, что советская власть пришла к своему краху, среди сектантов была повсеместной. Наиболее экстремистски настроенные из них ратовали за полное отречение от общества и уходили в леса, прятались в убежищах. Многие из последователей этих сект категорически отказались взять оружие для защиты страны от врага¹⁶¹.

По состоянию на 1 июня 1941 г., в СССР имелось 1312 мечетей (до Октябрьской революции их было

Муфтий Г.З. Расулев

в 10,6 раза больше — 14 000) и 8052 мусульманских священнослужителя (до революции их было, по разным оценкам, в 3—6 раз больше). Тем не менее ислам продолжал играть большую роль в жизни народов, которые традиционно придерживались этой религии. С началом войны началась новая эра в отношениях между советской властью и исламом. Группа муфтиев во главе с Г.З. Расулевым возглавила движение

в поддержку советской власти и борьбы с фашистскими захватчиками. 18 июля 1941 г. муфтий Расулев обратился с первым воззванием к мусульманам Советского Союза, призывая их «подняться на защиту их родной земли, молиться в мечетях о победе Красной Армии и благословить своих сыновей, сражающихся за правое дело». Затем последовали еще два воззвания, в том числе к мусульманам всего мира, в которых они были призваны «во имя Ислама встать на защиту мусульман и народов России, их мирной жизни и религии».

В сентябре 1941 г. советское руководство поддержало деятельность муфтия Расулева с целью «нейтрализации распространяемой из Берлина и Рима антисоветской пропаганды среди мусульманского мира» (эту деятельность гитлеровцев возглавлял бывший Великий муфтий Иерусалима Хаджи Мухаммед Амин эль-Хусейни, бежавший

в Германию после провала антибританских восстаний в Палестине и Ираке в 1940 г.). Советские органы приняли решение организовать радиомитинг «представителей восточных (мусульманских) народов СССР» и издать «Обращение к верующим мусульманам СССР и всего мира от религиозных мусульманских центров СССР». Во исполнение этого решения 15–17 мая 1942 г. в Уфе при Центральном духовном управлении мусульман (ЦДУМ) состоялось совещание, в котором приняли участие 85 духовных лидеров ислама в СССР. Совещание приняло «Обращение», в котором приводились ссылки на историческое противостояние мусульманских народов и германцев, а также факты уничтожения мусульман гитлеровцами и итальянскими фашистами в Абиссинии (Эфиопии), Албании, Ливии и Крыму. В «Обращении» содержался призыв «не жалея сил, сражаться на поле брани за освобождение великой Родины, всего человечества и мусульманского мира от ига фашистских злодеев», показать «перед всем миром верность своей Родине», молиться «в мечетях и молитвенных домах о победе Красной Армии», а также помнить, «что победа врага принесет Родине большие бедствия, наука и культура погибнут, религия, язык и обычаи мусульман исчезнут». «Обращение» содержало некоторые перегибы, в частности, сообщение о немецких зверствах над мусульманами в Крыму (гитлеровцы были обвинены в «разрушении мечетей», «удалении религиозных символов», «запрещении общих молитв» и «подавлении национальных и религиозных традиций любым вообразимым способом»). На самом деле такого не было. Наоборот, по некоторым данным, крымско-татар-

ское население получило от гитлеровцев разрешение на открытие около 40 мечетей. «Обращение» было издано массовым тиражом на татарском, казахском, узбекском, таджикском, туркменском и киргизском языках и распространено среди верующих мусульман СССР и зарубежных стран, наряду с интервью муфтия Расулева, в котором он называл муфтия эль-Хусейни человеком, который предал веру предков и добровольно молился «нацистскому "богу" Вотану»¹⁶².

Патриотическая деятельность мусульманских священнослужителей работала на Победу. Также, в результате активизации работы мусульманского духовенства, увеличилось число посещающих мечети, имело место привлечение к религии женщин и молодежи. В мечети ЦДУМ в Уфе число присутствовавших на праздничных молениях доходило до 3 тыс. чел.¹⁶³.

9 июля 1941 г. Армянская апостольская церковь (ААЦ) выпустила воззвание к армянскому народу с целью «воспламенить сердца армянского народа патриотическими чувствами, поднять всех армян... на оборону отечества». Все зарубежные епархии ААЦ получили указание «совершить молебствия и возносить молитвы Всевышнему, благословить оружие Красной Армии и пожелать ей успеха». В послании «К армянскому народу» от 31 июля 1941 г. глава ААЦ писал: «Армяне, кроме Советской Армении, не имеют другой Родины. Поддержка Советского Союза — есть поддержка Армянской страны. Победа Советского Союза — есть победа нашего народа». Эти слова были обращены не только к советским армянам, но и к армянской диаспоре за рубежом. В 1942—1943 гг. бы-

ли изданы другие патриотические воззвания, в том числе «Ко всем армянам мира». Таким образом, патриотическая деятельность ААЦ была направлена на верующих армян как в СССР, так и вне страны.

Буддистские религиозные институты в 1920—1930-е гг. подверглись гонениям — были закрыты дацаны (буддийские монастыри-школы), а их имущество национализировано. На первом этапе войны существенных изменений в отношении государства к буддизму не произошло. Хотя преследований верующих буддистов не было, однако в их отношении у советского руководства могли быть определенные подозрения в «нелояльности», так как союзник Германии и потенциальный агрессор Япония идентифицировалась как страна, эксплуатировавшая буддизм для собственных «милитаристских» целей¹⁶⁴.

С середины 1920-х гг. в СССР было проведено массовое закрытие синагог, однако в ряде городов страны продолжали существовать иудейские общины. С началом войны московский раввин Ш. Шлиффер возглавил патриотическую деятельность иудейских общин СССР. В августе 1941 г. он выступил на Всееврейском антифашистском митинге, будучи там единственным религиозным деятелем. В своем выступлении он привел пример «великого раввина Шнейр-Залмана, который во время войны с Наполеоном не жалел усилий, чтобы убедить евреев помочь русским любым возможным способом в борьбе против врага». Речи и послания раввина Шлиффера были главным связующим звеном между религиозными евреями России и их собратьями в других странах.

Послабления в отношении иудаизма были отмечены с самого начала войны. В частности, в Биробиджане стала открыто действовать синагога (до войны находилась на нелегальном положении). Тем не менее советское руководство не стремилось активно использовать иудейский религиозный фактор внутри страны. Есть мнение, что Сталин ожидал исчезновения иудаизма намного быстрее, чем других религий, и хотел ускорить этот естественный процесс, поэтому иудейская религиозная община была поставлена в менее привилегированное положение по сравнению с другими религиозными организациями. Так, власти отказали иудеям в праве публиковать религиозную литературу и открыть учреждения по обучению раввинов и ритуальных мясников¹⁶⁵.

Таким образом, первый период войны являлся переходным в отношениях между государством и религиозными институтами СССР. В отношениях между советским руководством, с одной стороны, и Русской православной церковью и другими религиозными институтами, с другой стороны, этот период может характеризоваться как «испытание на степень преданности»¹⁶⁶. Следует отметить, что вплоть до 1943 г. цели и интересы РПЦ и Советского государства совпадали далеко не во всем. Московская патриархия отнюдь не отождествляла себя с советским строем и учитывала возможность его падения¹⁶⁷. Контакты между советским руководством и другими конфессиями в этот период были сведены к использованию религиозного фактора для ведения патриотической пропаганды среди верующих в стране и работы на положительный имидж страны за рубежом.

«СО СТОРОНЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА НЕ БУДЕТ ПРЕПЯТСТВИЙ»

Ноябрь 1942 г. — сентябрь 1943 г.

На втором этапе войны Русская православная церковь продолжала проявлять твердую патриотическую позицию, один из аспектов которой был направлен на противодействие коллаборационизму на оккупированной территории СССР. В августе 1942 г. в оккупированной гитлеровцами Риге состоялся съезд православных епископов, оказавшихся в оккупированной части СССР, на котором иерархи во главе с митрополитом Сергием (Воскресенским), не порывая официально связи с РПЦ, выступили против патриотических обращений Патриаршего Местоблюстителя, а также послали приветственную телеграмму Гитлеру. 22 сентября 1942 г. РПЦ выразила категорический протест против коллаборационистских действий прибалтийских епископов и потребовала от них дать объяснение «с опубликованием в печати» и «принять все меры к исправлению». В сентябре — октябре 1942 г. НКВД СССР негласно содействовал распространению Послания Патриаршего Местоблюстителя и Определения РПЦ на оккупированной территории Прибалтики¹⁶⁸. В марте 1943 г. РПЦ осудила украинских «раскольников»* и коллаборационистов, выдвинув к их лидеру архиепископу Поликарпу (Сикорскому) требование «оправдаться».

* О расколе православной церкви на оккупированной территории см. гл. VIII, раздел «Допускать, но не содействовать».

На оккупированной территории были распространены патриотические обращения Патриаршего Местоблюстителя («Рождественское» от 4 января 1943 г. и посвященное двухлетию Отечественной войны), а также послание митрополита Ленинградского Алексия к населению оккупированной территории Ленинградской области от 25 апреля 1943 г. Через Всеславянский антифашистский комитет распространялись обращения иерархов РПЦ, в том числе под заголовками «Бог благословляет народную справедливую войну против гитлеровских захватчиков», «О свободе религии в СССР», «Немцы — злейшие враги христиан» и др.

2 ноября 1942 г. митрополит Киевский и Галицкий Николай был назначен членом Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам и общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК). Несомненно, это решение было мотивировано прежде всего желанием усилить пропагандистский потенциал комиссии, однако в нем проявилось налаживание отношений между Советским государством и РПЦ. В дальнейшем митрополит Николай стал связующим звеном между Церковью и государством в разных сферах деятельности. 10 мая 1943 г. он принял участие во Всеславянском митинге, а затем принимал участие в других мероприятиях Всеславянского антифашистского комитета. Характерно, что региональные комиссии по расследованию злодеяний оккупантов привлекали к своей работе местных православных священнослужителей.

Начало нового периода в отношениях между государством и конфессиями ознаменовалось публикацией 10 ноября 1942 г. в центральной советской прессе телеграмм двух высших церковных иерархов — Патриаршего Местоблюстителя и митрополита Киевского и Галицкого Николая, — адресованных Сталину. Патриарший Местоблюститель приветствовал Сталина по случаю 25-летней годовщины советской власти как «богоизбранного вождя наших воинских и культурных сил, ведущего нас к победе над варварским нашествием, к мирному процветанию нашей страны и светлому будущему ее народов». Митрополит Николай от имени верующих Украины передал Сталину «горячие молитвенные пожелания от Всевышнего здоровья Вашего на долгие годы, а нашей дорогой родине скорейшего очищения под Вашим водительством от немецкой нечисти». Телеграммы церковных иерархов на имя Сталина свидетельствовали не только о продолжении патриотической политики Церкви, но и о начале сближения общих политических позиций Церкви и советского руководства, в том числе по ситуации на оккупированной территории Украины, где в это время расцвели как церковный раскол, так и антисоветское националистическое движение.

5 января 1943 г. в центральной прессе была продолжена публикация переписки Патриаршего Местоблюстителя и Сталина. В своей телеграмме Патриарший Местоблюститель сообщил Сталину, что РПЦ инициировала сбор пожертвований на постройку танковой колонны им. Дмитрия Донского (с таким призывом к пастве Церковь обратилась 30 декабря 1942 г.), и попросил разрешения

открыть в Госбанке специальный счет для перечисления этих пожертвований. До тех пор банковского счета у РПЦ не было, так как она, как и все религиозные организации, по Декрету об отделении Церкви от государства 1918 г. и закону от 8 апреля 1929 г. была лишена права иметь атрибуты юридического лица. Получив лично от Сталина разрешение открыть банковский счет, Церковь де-факто стала юридическим лицом. За короткое время на танковую колонну им. Дмитрия Донского верующие собрали более 8 млн рублей.

Первое время видимые через призму официальной пропаганды отношения между государством и Церковью базировались только на «материальной» основе. В центральной прессе публиковались со-

Танковая колонна «Димитрий Донской»

общения иерархов Сталину о том, как Церковь помогает фронту, и выражения готовности помогать и далее. Ответы Сталина иерархам были написаны как «под копирку»: «Прошу передать православному русскому духовенству и верующим мой привет и благодарность Красной Армии за заботу о бронетанковых силах Красной Армии», и т.п.

Советское руководство не чинило существенных препятствий религиозному подъему в народе. В мае 1943 г. вновь были разрешены ночные пасхальные богослужения. Послабления были даны и на освобожденной территории, где возрождение религии, происшедшее во время оккупации, ставило большую проблему перед советской властью. Ответом на нее стало постановление СНК СССР «О порядке открытия церквей на территории, освобожденной от немецкой оккупации» от 1 декабря 1942 г., которое предписывало воздерживаться от огульного закрытия восстановленных при гитлеровцах церквей. Это положение выполнялось — например, в Курске почти все открытые при оккупации церкви продолжали работать и после освобождения¹⁶⁹.

Тем не менее были установлены жесткие пределы послаблений в сторону Церкви. В частности, НКГБ пресекал попытки Церкви входить в непосредственные сношения с командованием госпиталей и ранеными под видом шефства. Власти на местах ощущали беспокойство в связи с религиозным подъемом в народе — например, в июне 1943 г. Пензенский обком сообщил в ЦК ВКП(б) о своей озабоченности фактами «настроений за открытие церквей» и проведением религиозных шествий¹⁷⁰.

Все расставили на место события сентября 1943 г., которые подвели официальную основу под изменение курса государственной политики по отношению к Русской православной церкви и как следствие, к другим религиозным институтам в СССР. 4 сентября 1943 г. Сталин принял в Кремле Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия, митрополита Ленинградского Алексия и митрополита Киевского и Галицкого Николая. Во время беседы с иерархами Сталин дал им понять, что руководство страны готово установить отношения с РПЦ и принять меры по существенному улучшению положения Церкви. Официально сообщалось, что «во время беседы митрополит Сергей довел до сведения Председателя Совнаркома, что в руководящих кругах православной церкви имеется намерение в ближайшее время созвать Собор епископов для избрания Патриарха Московского и всея Руси и образовать при Патриархе Священный синод. Глава правительства И.В. Сталин сочувственно отнесся к этим предложениям и заявил, что со стороны правительства не будет к этому препятствий. На беседе присутствовал заместитель Председателя Совнаркома СССР тов. В.М. Молотов». За всю историю советской власти это был первый случай официальной встречи руководителей государства и иерархов Церкви.

Причины принятия советским руководством окончательного решения о стратегическом союзе («конкордате») с Русской православной церковью были как внутривластные (моральная мобилизация населения, сбор средств, борьба с коллаборационизмом), так и внешнеполитическими. Причем последние, видимо, оказались решающими.

ми. В 1943 г., после коренного перелома в войне, И.В. Сталин в качестве одного из инструментов послевоенной внешней политики выбрал разрушение «римско-католической империи» и превращение РПЦ в «Центр международного православия». Также в преддверии Тегеранской конференции Сталин, очевидно, рассчитывал на то, что возрождение Патриаршества будет позитивно воспринято союзниками¹⁷¹. Характерно, что внешнеполитические устремления Сталина изначально были связаны только с РПЦ и не касались других конфессий¹⁷².

Церковь стала использоваться государством во внешнеполитических целях еще в 1942 г., когда по решению Политбюро ЦК ВКП(б), но под эгидой Московской патриархии, в великолепном для военных времен исполнении была издана книга «Правда о религии в России», которая в розовых красках рассказывала о том, что в СССР царит свобода совести. В издании этой книги было прежде всего заинтересовано советское руководство, хотя и сама РПЦ получила некоторую пользу в области своих международных сношений, например, в налаживании отношений с главой Англиканской церкви, архиепископом Кентерберийским Х. Джонсоном, которому были отосланы 500 экз. этой книги. Эта книга была также распространена среди русских эмигрантов в США¹⁷³. Среди других внешнеполитических шагов Церкви, которые были осуществлены при поддержке государства, — обращения к румынским солдатам в ноябре 1942 г., румынским пастырям и пастве в декабре 1942 г., «ко всем христианам в Югославии, Чехословакии, Элладе и других странах», к славянским народам от 23 апреля 1943 г.

Таким образом, к середине 1943 г. Церковь помогала государству в укреплении морального духа людей, сборе денежных пожертвований, предотвращении коллаборационизма на оккупированных территориях, поддержке антифашистского сопротивления в православных странах Европы. В дополнение, ее потенциальные возможности можно было использовать для агитации среди союзников к открытию Второго фронта и антиваканской пропаганды. Взамен советское государство было готово пойти на определенные уступки со своей стороны, однако при условии, что Церковь будет «послушно управляемой» в политическом смысле¹⁷⁴.

Последствия встречи Сталина с иерархами РПЦ явились переломными для всей истории Церкви в советское время. Уже 8 сентября 1943 г. состоялся церковный Собор, в котором приняли участие 19 высших иерархов Церкви. На Соборе были избраны Патриарх Московский и всея Руси (им стал Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей) и Священный синод. Советская пресса подчеркивала, что «Собор единогласно принял оглашенное митрополитом Сергием обращение к Правительству СССР с выражением благодарности за внимание к нуждам Русской православной церкви». Собор принял антиколлаборационистское постановление, указывавшее, что «всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана»¹⁷⁵.

Патриархат, с октября 1941 г. находившийся в эвакуации в Ульяновске, был возвращен в Моск-

ву. Ему был предоставлен особняк бывшего германского посольства. С 12 сентября 1943 г. был возобновлен выпуск «Журнала Московской Патриархии». 28 ноября 1943 г. СНК СССР разрешил открыть в Москве Православный богословский институт и богословско-пастырские курсы. С 1943 г. резко сократилось число арестов по «религиозным делам»¹⁷⁶.

14 сентября 1943 г. при СНК СССР был создан Совет по делам Русской православной церкви, который возглавил высокопоставленный сотрудник НКВД Г.Г. Карпов. Были назначены уполномоченные Совета при совнаркомах республик и обкомкрайисполкомах. В Положении о Совете по делам РПЦ, утвержденном 7 октября 1943 г., была установлена главная функция Совета — осуществление связи между Правительством СССР и Патриархом Московским и всея Руси по вопросам РПЦ, «требующим разрешения Правительства СССР». На самом деле задача Совета по делам РПЦ заключалась в осуществлении контроля над деятельностью Церкви. Об истинном отношении государства к Церкви (утилитарное использование и полный контроль) говорит тот факт, что Карпов одновременно с исполнением должности председателя Совета по делам Русской православной церкви вплоть до 1955 г. возглавлял 4-й отдел III секретно-политического управления НКВД, ответственного в том числе за борьбу с «церковно-сектантской контрреволюцией»¹⁷⁷.

К реализации широких внешнеполитических функций Церковь приступила немедленно. Уже в сентябре 1943 г. состоялся визит в Москву делегации Англиканской церкви во главе с архиеписко-

пом Йоркским Х. Джонсоном. Делегация встрети-
лась с патриархом Сергием и митрополитом Нико-
лаем и побывала на службе в патриаршем соборе,
где была приглашена в алтарную часть. Архиепис-
коп Йоркский произнес в соборе короткую речь о
единстве двух церквей против общего врага. Ар-
хиепископу Джонсону советским руководством
была отведена роль «проповедника хорошего от-
ношения к СССР в Англии». За свою деятельность
20 июля 1945 г. он был награжден орденом Трудо-
вого Красного Знамени¹⁷⁸.

Внешнеполитический аспект деятельности Цер-
кви был использован советской пропагандой для
разъяснения населению перемен в религиозной
политике: «Наши армии скоро вступят в славян-
ские государства, которые не знали преимуществ
коммунистического образования. Какой смысл
тогда будет у Всеславянского комитета в Москве,
если мы продолжим старую политику по отноше-
нию к Церкви? Наша новая политика по отноше-
нию к религии будет ценна для подавления антисо-
ветской пропаганды католиков, лютеран и других
религиозных групп»¹⁷⁹.

26 ноября 1943 г. СНК СССР издал постановле-
ние «О порядке открытия церквей», согласно кото-
рому решение об открытии каждого конкретного
храма должно было рассматриваться СНК респуб-
лик и облкрайисполкомами, а затем направляться
в Совет по делам РПЦ для окончательного реше-
ния вопроса. Отказ в открытии утверждался на
месте, при этом в Совет по делам РПЦ направля-
лась копия этого решения. Очевидно, что уже сама
процедура разрешения вопроса об открытии хра-
ма затрудняла получение положительного ответа.

Поэтому «открытие церквей» оказалось фарсом: за 1944—1945 гг. в Совет по делам РПЦ поступило 5770 ходатайств об открытии храмов, из которых удовлетворено было только 414. Совет по делам РПЦ руководствовался прямым указанием Молотова, данным осенью 1943 г.: «Пока не следует давать никаких разрешений на открытие церквей. Открыть церкви в некоторых местах придется, но нужно будет сдерживать решение этого вопроса правительством»¹⁸⁰.

Новая религиозная политика Советского правительства принесла изменения в положение Грузинской православной церкви (ГПЦ), которая в 1917 г. в одностороннем порядке объявила о независимости от РПЦ (каковой она обладала до 1811 г.). В 1943 г. Сталин, который с семинарских дней имел глубокие знания о грузинско-русском церковном конфликте, взял на себя миссию «миротворца»¹⁸¹. 14 ноября 1943 г. Синод РПЦ принял постановление о признании автокефалии ГПЦ. Автокефалия была не очень убедительно обоснована тем, что Грузинская ССР «входит в Советский Союз, как отдельная республика, имеет в известных границах свое государственное управление и точно определенную территорию». 19 ноября 1943 г. было провозглашено возобновление канонического общения РПЦ и ГПЦ¹⁸². Однако в отношении автокефалии грузинское православие должно было оставаться исключением, а не прецедентом.

«Конкордат» между Советским государством и Русской православной церковью ознаменовал начало конца «Обновленческой церкви». До этого советское руководство не отвергало сотрудничества с обновленцами в сфере мобилизации патриот-

тических сил внутри страны и на оккупированной территории. В частности, НКВД СССР способствовал распространению патриотических обращений главы «Обновленческой церкви» А. Введенского к верующим Кавказа в августе 1942 г. и по случаю Пасхи в апреле 1943 г. (тиражом, равным тиражу обращения Патриаршего Местоблюстителя РПЦ). Однако после заключения «конкордата» ситуация изменилась. 12 октября 1943 г. Карпов доложил Сталину о том, что «Совет по делам РПЦ считает целесообразным не препятствовать распаду обновленческой церкви и переходу обновленческого руководства в патриаршую сергиевскую церковь». Советское руководство понимало, что «Обновленческая церковь» имела незначительное число сторонников, и материальный вклад «обновленцев» в победу был незначительным по сравнению с вкладом Русской православной церкви. Новая политика Советского правительства внесла растерянность и панику в руководящие обновленческие круги¹⁸³ и подготовила почву для ликвидации «Обновленческой церкви» на последующем этапе.

Изменений в положении Русской православной старообрядческой церкви (РПСЦ) не произошло, хотя очевидно, что Советское государство с одобрением воспринимало патриотическую деятельность РПСЦ: при помощи органов НКВД СССР на оккупированной территории распространялись обращения главы старообрядцев архиепископа Московского и всея Руси Иринарха, в которых он призывал помогать партизанам и Красной Армии. Впоследствии возможности старообрядческой церкви стали использоваться во внешнеполитическом плане. В частности, в июле 1944 г. НКГБ СССР рас-

пространил 2 патриотических обращения РПСЦ «к старообрядцам освобожденных районов Бессарабии, Молдавии и Румынии»¹⁸⁴.

29 октября 1943 г. по решению СНК СССР при Совнаркоме Армянской ССР был создан Совет по делам Армяно-Григорианской церкви*, в задачу которому было поставлено осуществление «связи между правительством Армянской ССР и католиком всех армян по вопросам Эчмиадзина**, требующим разрешения правительства Армянской ССР». Советское руководство использовало в своих целях внешнеполитические возможности Армянской апостольской церкви (ААЦ) по идеологической работе с армянской диаспорой за рубежом. В октябре 1943 г. НКГБ СССР оказал ААЦ помощь в издании церковного календаря на 1944 год, предназначенного для распространения за рубежом, с целью «укрепления [советского] влияния на иностранные епархии» Армянской церкви¹⁸⁵.

Аналогичным образом власть строила взаимоотношения с протестантскими общинами. В июле 1943 г., в связи с ожидавшимся приездом делегации Англиканской церкви, был разрешен переезд руководства «Всесоюзного совета евангельских христиан» (ВСЕХ) из Ульяновска в Москву. В январе 1943 г. НКВД распространил на оккупированной территории СССР патриотическое обращение ВСЕХ. Возможности протестантских религиозных центров были использованы и при борьбе с уклонением баптистов и евангелистов, проживавших на вновь освобожденной территории, от военной

* Другое название Армянской апостольской церкви.

** Духовный центр Армянской апостольской церкви.

службы. В декабре 1943 г. НКГБ СССР распространил среди протестантов патриотическое обращение, направленное против уклонения от военной службы, от имени «Всесоюзного совета евангельских христиан и баптистов» (ВСЕХБ)¹⁸⁶.

17 октября 1943 г. в Ташкенте состоялся съезд мусульманского духовенства и верующих Средней Азии и Казахстана, на котором было создано Духовное управление мусульман (ДУМ) Средней Азии и Казахстана. Съезд принял обращения «К верующим мусульманам Средней Азии и стран Востока» и «К верующим мусульманам Крыма», в которых говорилось о том, что гитлеровцы поставили своей целью осквернить мусульманские святыни, «уничтожить национальную культуру народов Туркестана и Казахстана, предать огню костров сожарища [их] науки и знания». Указывалось, что гитлеровцы считают «все народы мира низшей расой, а восточные мусульманские народы — обезьянами». Мусульманским священнослужителям вменялось в обязанность призывать «правоверных отвагой и геройством на фронте, честным и самоотверженным трудом в тылу ускорить час победы». Обращения, как и ранее, содержали некоторые преувеличения относительно ликвидации гитлеровцами «национальной самостоятельности крымских мусульман» и их издевательств над мусульманскими «бытовыми обычаями и религией». Оба обращения были инспирированы советским руководством, а их текст согласован с НКГБ Узбекской ССР и ЦК КП(б) Узбекистана. В декабре 1943 г. НКГБ СССР размножил и распространил 15 тыс. экз. обращения среди верующих мусульман Средней Азии и Казахстана, а также за рубежом¹⁸⁷.

Отношения между государством и иудейской религиозной общиной базировались на использовании авторитета общины для мобилизации общественного мнения зарубежных евреев. В качестве примера можно привести обращение 13 раввинов Советского Союза (в т.ч. Москвы, Риги, Одессы, Киева, Харькова, Ташкента, Пинска, Бреста и Житомира), которое в декабре 1943 г. было отослано советскими властями в Еврейское телеграфное агентство в Нью-Йорке. В обращении говорилось: «В этот священный час, когда для еврейства настал момент "быть или не быть", — ни на минуту не забывать наш священный долг всячески помочь доблестной Красной Армии и Советскому Союзу. Требуйте постоянно и неумолимо от стран и государства, гражданами которых вы являетесь, скорейшего принятия сверхчеловеческих мер для полнейшего разгрома»¹⁸⁸.

Итак, период с ноября 1942 г. по декабрь 1943 г. явился переломным в отношениях между государством и Русской православной церковью и как следствие — с другими религиозными общинами СССР, хотя далеко не в такой степени. Причиной поворота государственной политики следует считать в первую очередь намерение советского руководства использовать РПЦ и другие конфессии в своих внешнеполитических интересах. Именно этот аспект явился главенствующим при принятии решения о «конкордате» с РПЦ. Нельзя согласиться с мнением, что советское руководство склонилось к такому решению под воздействием «катастрофического для СССР хода боевых действий», который якобы «заставил Сталина мобилизовать для обороны все национальные резервы, в том

числе и Русскую православную церковь в качестве народной, моральной силы»¹⁸⁹. В период войны, когда ход военных действий был в большей мере не в пользу СССР (июнь 1941 г. — декабрь 1942 г.), союза с Церковью не было. Он состоялся только после окончательного перелома в войне (лето 1943 г.), когда советское руководство начало вплотную размышлять о послевоенном устройстве мира и осознало, что от Церкви ему будет больше выгоды на внешнеполитическом фронте, чем потерь на внутреннем¹⁹⁰.

Косвенной, но не главной причиной поворота в религиозной политике стало то, что советское руководство приняло во внимание пробудившиеся во время Великой Отечественной войны в обществе чаяния и устремления, выразившиеся в том числе в желании свободно исповедовать веру своих предков¹⁹¹. Особенно это касалось территории, освобожденной от оккупации, где, как уже говорилось, религиозное возрождение приняло особенно широкий размах.

«ОПОРА МОГУЩЕСТВА И ПРОЦВЕТАНИЯ РОДИНЫ»

Сентябрь 1943 г. — май 1945 г.

Положение Русской православной церкви к началу 1944 г. существенно отличалось от ее положения год назад: был избран Патриарх, епископат Церкви насчитывал 25 архиереев. В 1944 г. было открыто 208, в 1945 г. — 510 храмов. К началу 1946 г. у РПЦ было 58 епархий, 10 547 церквей, 3 духовных учебных заведения, 1 церковное периоди-

ческое издание, 61 архиерей в СССР, 17 архиереев за границей и 9254 священника, 30% которых начали службу в годы войны.

Соотношение числа поданных верующими и числа удовлетворенных властями ходатайств об открытии церквей по годам было таким: 1944 г. — 6402 и 207 (3,23%), 1945 г. — 6025 и 509 (8,45%), 1946 г. — 5105 и 369 (7,23%), 1947 г. — 3087 и 185 (5,99%)¹⁹². Таким образом, за период 1944–1947-х гг. максимальное число открытых храмов как в абсолютном, так и в процентном отношении к числу поданных ходатайств пришлось на 1945 г. Объяснить это можно тем, что большинство храмов, возобновивших свою работу во время войны, было открыто во время гитлеровской оккупации. После освобождения общины этих храмов оказывали сопротивление их закрытию. 1 декабря 1944 г. было издано Постановление СНК СССР «О порядке открытия церквей и молитвенных зданий на территории, освобожденной от немецкой оккупации», которое предписывало «не проводить кампании по огульному возврату зданий, переданных немцами под церкви», а делать это постепенно, изыскивая возможность предоставления верующим других зданий.

Кроме увеличения числа приходов, на заключительном этапе войны произошло существенное укрепление материально-технического положения Русской православной церкви, в том числе в части обеспечения ее транспортом и горючим за счет Совета по делам РПЦ. 30 июня 1944 г. было принято постановление СНК СССР о передаче Церкви «предметов культа» из числа национализированного, конфискованного и выморочного иму-

щества. 24 августа 1944 г. СНК СССР дал Госбанку СССР разрешение открывать для Московской патриархии, епархиальных управлений и церковных приходов текущие счета для хранения церковных средств. Произошло укрепление образовательной базы Церкви: 10 мая 1944 г. СНК СССР разрешил РПЦ открыть Богословско-пастырские курсы в Саратове, 14 июня 1944 г. — Богословский институт и Богословские курсы в Новодевичьем монастыре.

Активное участие в регулировании государственно-церковных отношений принимало руководство союзных республик. В частности, 22 февраля 1944 г. первый секретарь ЦК КП(б)У Н.С. Хрущев принял представителей православной общины Украины, где находилась бóльшая часть вновь открытых в СССР храмов, в т.ч. возобновившая свою деятельность Киево-Печерская лавра¹⁹³.

Политическое упрочение «конкордата» между государством и Церковью произошло в годы патриаршества Алексия I. После кончины Патриарха Сергия 15 мая 1944 г. Митрополит Алексей вступил в должность Патриаршего Местоблюстителя. До того весь период блокады он безотлучно находился в Ленинграде, был награжден медалью «За оборону Ленинграда». По некоторым данным, Митрополиту Алексею разрешили остаться в осажденном городе специально, чтобы поддержать моральный дух населения. По воспоминаниям блокадников, проповеди Митрополита Алексия были полны патриотического подъема и давали много душевной силы ленинградцам, помогали им выжить. На некоторых богослужениях в Никольском кафедральном соборе Ленинграда присутствовало командование Ленинградского фронта¹⁹⁴. В изданных в

1944 г. патриотических посланиях по случаю Пасхи и освобождения Ленинградской области Митрополит Алексей утверждал, что «советская власть» — это «наша власть», и призывал помогать Красной Армии¹⁹⁵.

18 мая 1944 г. в кафедральном патриаршем Богоявленском соборе в Москве состоялось отпевание и погребение патриарха Сергия, на которое «собралась огромная масса верующих». На этом траурном мероприятии в качестве представителя СНК СССР присутствовал Карпов. СНК СССР выразил Священному синоду РПЦ официальное соболезнование. В своем ответном послании Митрополит Алексей выразил правительству «глубокую благодарность за его высокое внимание к нашей православной церкви».

В посланиях иерархов РПЦ и иных церковных материалах 1944–1945-х гг. отношение к руководству страны выражали такие слова, как «чувство самой искренней любви», чувства «глубокой любви и благодарности», «уверения в искреннем и глубоко уважении», «искренние благодарные чувства». Сталин именовался «Богоданным Вождем», «дорогим», «мудрым», «Богопоставленным Вождем народов нашего великого Союза», «глубокопочтимым», «любимым Верховным Вождем», «величайшим из людей современной нам эпохи», «гениальным вождем многомиллионного государства», «родным», «глубокоуважаемым», «нашим Великим Сталиным». Отношение государства к Церкви характеризовалось как «любвеобильное», «высокое внимание», «отеческая забота»¹⁹⁶.

В обращениях Церкви к советскому руководству присутствовали заверения в лояльности. Мит-

рополит Алексей в своем послании Сталину от 19 мая 1944 г. писал, что позиция Церкви — это «неизменная верность Родине и возглавляемому Вами Правительству нашему», а также выражал уверенность, что «действуя в полном единении с Советом по делам Русской православной церкви, я вместе со Священным синодом буду гарантирован от ошибок и неверных шагов». Свою лояльность Церковь показывала продолжением материальной помощи государству. К 1 октября 1944 г. РПЦ пожертвовала 150 млн руб., а всего за время войны — 300 млн руб. В октябре 1944 г. митрополит Алексей сообщил Сталину о начале всецерковного сбора «пожертвований в фонд помощи детям и семьям бойцов доблестной Красной Армии». В то же время государство предпринимало конкретные шаги по выражению благодарности Церкви. В частности, в октябре 1944 г. группа священнослужителей Москвы и Тулы во главе с митрополитом Николаем была награждена медалями «За оборону Москвы».

Размах нового Поместного собора, назначенного на 31 января — 2 февраля 1945 г., существенно отличался от предыдущего (сентябрь 1943 г.), и подготовка к нему началась заблаговременно. 12 сентября 1944 г. Совет по делам РПЦ утвердил «План мероприятий в связи с проведением предсоборного совещания епископов и Поместного собора», согласно которому была поставлена задача оказать всемерную материально-техническую помощь патриархии в организации Собора, а также осуществлять контроль над содержанием политических заявлений, которые должны были быть сделаны на Соборе¹⁹⁷.

На Соборе председатель Совета по делам РПЦ Карпов произнес речь, в которой подчеркнул патриотическую роль Русской православной церкви. Было отмечено, что Церковь «в дни тяжелых испытаний, которым неоднократно подвергалась наша Родина в прошлом, не порывала своей связи с народом, жила его нуждами, чаяниями, надеждами и вносила свою лепту в общенародное дело», «с первого дня войны приняла самое горячее участие в защите Родины». О содержании религиозной политики государства Карпов сказал, что, «ни в какой мере не вмешиваясь во внутреннюю жизнь Церкви, Совет [по делам РПЦ] способствует дальнейшей нормализации отношений между Церковью и государством, наблюдая за правильным и своевременным проведением в жизнь Законов и Постановлений Правительства, относящихся к Православной русской церкви».

Эти положения нашли отражение в принятом Поместным собором 31 января 1945 г. обращении к Правительству СССР: «Во всей своей жизнедеятельности наша Церковь встречает полное содействие в своих нуждах со стороны Правительства». В принятом Собором «Послании к преосвященным архипастырям, пастырям и всем верным чадам Русской православной церкви» предписывалось делать все, «чтобы наша Церковь, как и древле, сияла верою и благочестием и служила опорой могущества и процветания нашей Родины». Поместный собор избрал митрополита Алексия Патриархом Московским и всея Руси. На интронизации нового Патриарха присутствовал Карпов. 28 января 1945 г. СНК СССР утвердил «Положение об управлении

РПЦ», которое установило регламент административного управления Церковью, определив полномочия и функции Поместного собора, Патриарха и Священного синода. 10 апреля 1945 г. Патриарха Алексия приняли Сталин и Молотов.

Внешнеполитическая деятельность Церкви на завершающем этапе войны получила новое значение, особенно в плане укрепления лояльности к Советскому Союзу среди православных народов Европы — 25 августа 1944 г. митрополит Алексий издал послание к румынскому народу, 7 сентября 1944 г. — к болгарскому народу. Через Всеславянский антифашистский комитет в славянских странах распространялись материалы РПЦ, утверждавшие, что в СССР царит свобода совести, а между государством и Церковью — полное взаимопонимание¹⁹⁸.

В связи с тем, что руководство страны планировало вхождение стран Центральной Европы в орбиту своего влияния, РПЦ была отведена особая роль — получить главенство среди православных церквей этого региона. В «Обращении к христианам всего мира», принятом на Поместном соборе РПЦ, Русская православная церковь была названа «Церковью Великой Страны». В апреле 1945 г. состоялся церковный визит в Болгарию и Югославию, в мае 1945 г. — в Румынию. Эти визиты принесли свои плоды. В апреле 1945 г. глава Болгарской православной церкви митрополит Стефан заявил: «Православная русская церковь заняла ведущее место в большом семействе славянских народов как старшая и передовая среди православных церквей». Церковь достигла успеха и на Ближнем Востоке —

в мае 1944 г. многие русские монахи и монахини в Иерусалиме перешли под юрисдикцию РПЦ¹⁹⁹.

Среди других внешнеполитических акций РПЦ — обращение к православным верующим в Синецзяне в феврале 1944 г. (советское руководство имело особые виды на эту территорию), заявление Патриарха Алексия с приветствием и благословением решений Крымской конференции, послание верующим Америки (апрель 1945 г.), а также участие в решении «закарпатского вопроса». 20 ноября 1944 г. в РПЦ поступила петиция от Мукачевско-Пряшовской (Закарпатской) епархии Сербской православной церкви о приеме ее в РПЦ. В декабре 1944 г. Москву посетила делегация православного духовенства Закарпатской Украины, которая была принята Патриаршим Местоблюстителем и в Совете по делам РПЦ. Цель приезда делегации заключалась в прошении не только о переходе Закарпатской епархии в юрисдикцию РПЦ, но и о присоединении Закарпатья к СССР²⁰⁰.

Особую роль РПЦ получила в противодействии мировому католицизму. В частности, Церковь выступила с осуждением призыва папы Пия XII к милосердию по отношению к немцам, указывая на «лживость таких призывов», указывая, что ранее папа не призывал итальянцев и немцев к «милосердию» по отношению к народам Эфиопии, Греции, Советского Союза и других стран, подвергшихся агрессии. Церковь отмечала, что такими призывами папа ведет борьбу «против Советского Союза, против России». Оснований же для прощения фашистов Церковь не находила. В дополнение,

*Начальник Управления пропаганды
и агитации ЦК ВКП (б)
Г.Ф. Александров*

Ватикан и «воинствующий католицизм» обвинялись в «агрессии» против РПЦ²⁰¹.

Одновременно с поддержкой отдельных сфер деятельности РПЦ руководство страны не допускало «чрезмерного» усиления роли Церкви. 31 марта 1944 г. на совещании в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) его начальник Г.Ф. Александров сообщил, что, «просматривая украинские газеты, мы в 7—8... газетах обнаружили попов, архиереев, монахов, священников». Об этом «негативном факте» было поставлено на вид первому секретарю ЦК КП(б)У Н.С. Хрущеву. В 1944 г. Управление пропаганды и агитации издало для партийных и советских органов директиву о борьбе «с теми церковниками, которые пытаются всячески расширить рамки своей деятельности».

В апреле 1945 г. была подвергнута критике деятельность отдела пропаганды и агитации Дрогобычского обкома КП(б)У, издавшего тезисы «Об исторических особенностях Православной Российской и Западно-Украинской Греко-католической церквей». Были признаны «грубо ошибочными» положения тезисов, гласившие, что «православная церковь... в условиях советского строя обнови-

В апреле 1945 г. была подвергнута критике деятельность отдела пропаганды и агитации Дрогобычского обкома КП(б)У, издавшего тезисы «Об исторических особенностях Православной Российской и Западно-Украинской Греко-католической церквей». Были признаны «грубо ошибочными» положения тезисов, гласившие, что «православная церковь... в условиях советского строя обнови-

ла свое благородное лицо и репутацию и успешно ликвидирует наследие царизма в своей внутренней жизни, в канонах и обрядах», а также, что «некоторые люди за границей неправильно считают, что советская власть отделила церковь от государства лишь потому, что большевики являются безбожниками и не желают иметь с церковью никаких отношений». Также подверглось жесткой критике стремление «приукрасить передовую роль церкви». В итоге было признано, что «составители этих тезисов... переоценивают роль церкви и занимают позицию, граничащую с заискиванием перед духовенством». Тезисы было указано изъять. В Дрогобыч для пресечения впредь подобной деятельности и наказания виновных были командированы представители ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У²⁰².

Устранению возможного перекоса в сторону усиления религиозности служило принятое 27 сентября 1944 г. Постановление ЦК ВКП(б) «Об организации научно-просветительской пропаганды», которое предписывало, «с целью преодоления пережитков бескультурья, суеверий и предрассудков», укрепить пропаганду, направленную на «материалистическое объяснение явлений природы». По мнению одних исследователей, это постановление явилось следствием возобновления антирелигиозных усилий²⁰³. По мнению других — оно не было антирелигиозным, так как руководство страны лишь хотело «подчеркнуть свою приверженность учению марксизма»²⁰⁴. На наш взгляд, верно и то и другое. Хотя постановление не было открыто направлено на возобновление антирелигиозной пропаганды, последняя не была отброшена, а лишь замаскирована «научно-просветительской». Этот

вывод подтверждается тем, что в тезисах Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), изданных в 1944 г., была признана необходимость «осторожного и вдумчивого подхода к делу антирелигиозной пропаганды» — в основном через распространение естественно-научных знаний²⁰⁵.

Усилению позиций Русской православной церкви способствовало прекращение деятельности церковных сепаратистов на Украине и в Белоруссии после ухода гитлеровцев. Была официально прекращена «эстонская схизма» (раскол православной церкви на оккупированной территории Эстонии), и все эстонские православные приходы и священники на территории СССР вернулись в юрисдикцию РПЦ.

На завершающем этапе войны «Обновленческая церковь» подошла к своему окончательному краху. В 1944—1945 гг. в РПЦ вернулись многие священники и церковные здания «обновленцев». К августу 1944 г. в СССР осталось только 147 «обновленческих» храмов (большинство из них — в Краснодарском и Ставропольском краях). В Москве из 6 принадлежавших ранее «обновленцам» храмов остался единственный, в котором служил их глава А. Введенский. После его смерти в 1946 г. «Обновленческая церковь» окончательно сошла на нет.

После 1943 г. были ослаблены и со временем исчезли такие православные секты, как «Истинно-православные христиане», григориане, иосифляне. Эти секты были, пожалуй, единственным религиозным течением в СССР, которое не встало на патристическую платформу и осознанно поддерживало курс на конфронтацию с советской властью. В кон-

це войны активные члены православных сект подверглись репрессиям²⁰⁶.

19 мая 1944 г. при СНК СССР был создан Совет по делам религиозных культов, задачей которого являлось «осуществление связи между Правительством СССР и руководителями религиозных объединений: армяно-григорианской, старообрядческой, католической, греческо-католической, лютеранской церквей и мусульманского, иудейского, буддийского, сектантского вероисповеданий». Одним из важнейших шагов Совета по делам религиозных культов стало принятие 19 ноября 1944 г. постановления «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов», согласно которому молитвенное здание могло быть открыто по ходатайству в местные органы власти группы в составе не менее чем 20 верующих. Местные органы должны были направлять такие ходатайства в Совет по делам религиозных культов.

Создание Совета по делам религиозных культов должно было служить урегулированию в конструктивном духе взаимоотношений между государством и конфессиями. Однако это касалось не всех конфессий. Положение украинской Греко-католической церкви (УГКЦ) после освобождения Красной Армией территории Западной Украины, где проживало подавляющее большинство ее приверженцев, стало непрочным. Наличие на территории СССР Униатской Церкви с ее 3,5 млн прихожан, без сомнения, оставалось проблемой для советского руководства. Униатство, во-первых, связывалось с проблемой украинского национализма, во-вторых, рассматривалось как инструмент влияния Ватикана. Однако советское руководство воз-

держивалось от решения «униатской проблемы», т.к. глава УГКЦ митрополит Андрий Шептицкий пользовался большим уважением среди населения Западной Украины. Власть хорошо понимала это обстоятельство, о чем говорит присутствие на похоронах митрополита Шептицкого первого секретаря ЦК КП(б)У Н.С. Хрущева²⁰⁷.

После смерти митрополита Шептицкого (1 ноября 1944 г.) власть продолжала действовать осмотрительно по отношению к УГКЦ. Немедленного отказа от диалога с ней не последовало. В декабре 1944 г. в Совете по делам религиозных культов был принят представитель УГКЦ архимандрит Климентий Шептицкий (брат митрополита Шептицкого). Однако скоро стало очевидно, что «униатская проблема» не может игнорироваться в связи с ростом националистических проявлений на Западной Украине и взятого советским руководством курса на борьбу с Ватиканом (были опасения, что УГКЦ может полностью перейти в католичество). Поэтому советское руководство приняло решение о ликвидации Униатской Церкви. В марте 1945 г. были арестованы ее новый глава митрополит Иосиф Слипый, 5 епископов и несколько священников. В апреле 1945 г. внутри УГКЦ была создана инициативная группа священнослужителей, заявивших о разрыве с Ватиканом²⁰⁸. В 1946 г. эта группа осуществила ликвидацию Униатской Церкви и переход греко-католических приходов в РПЦ.

Непосредственное участие в ликвидации УГКЦ и возвращении ее прихожан в лоно православия принимала Русская православная церковь. 19 марта 1945 г. патриарх Алексей издал послание «Пастырям и верующим греко-католической цер-

кви, проживающим на древле-галицкой земле, в западных областях Украинской ССР», в котором он апеллировал к тому, что «сейчас воссоединена русская земля в древних своих границах» и теперь все православные могли бы «молиться совместно в наших святых храмах едиными устами и единым сердцем». Патриарх призвал униатов порвать «узы с Ватиканом, который ведет к мраку и духовной гибели», и «вернуться в объятия родной матери — Русской православной церкви». В такой редакции послание патриарха Алексия было санкционировано Молотовым²⁰⁹. Необходимость борьбы с униатством понималась советскими и партийными органами на местах. В частности, в уже упоминавшихся тезисах отдела пропаганды и агитации Дрогобычского обкома КП(б)У от 15 апреля 1945 г. ставилась задача «вести разговор со священниками греко-католической церкви в направлении идейного и организационного разрыва с римским католицизмом, за очищение греко-католической церкви от католизации, за ее идейное и организационное объединение с православным Востоком». Хотя авторы тезисов были наказаны за такие идеи, они всего лишь немного предвосхитили ход событий.

Патриотические усилия Армянской апостольской церкви (ААЦ) во время войны, в частности, издание обращений к верующим и сбор средств на строительство танковой колонны, названной по имени армянского национального героя Давида Сасунского, не остались незамеченными. 4 сентября 1944 г. Политбюро ЦК ВКП(б) дало согласие на созыв Собора Армянской церкви. 3 апреля 1945 г. глава ААЦ архиепископ Геворг Чорекчян обратился к Сталину с просьбой разрешить восстановление

Эчмиадзина, создание Духовной академии и типографии, издание журнала, возвращение храмов, открытие счета в Госбанке. 19 апреля 1945 г. состоялась личная встреча Сталина, Молотова и главы Совета по делам религиозных культов И.Н. Полянского с архиепископом Г. Чорекчяном, на которой Сталин, «выслушав доклад о ряде нужд Св[ятого] Эчмиадзина, дал этим вопросам положительное разрешение»²¹⁰.

В июне 1945 г. в Эчмиадзине состоялся Собор ААЦ. В докладе архиепископа Чорекчяна о четырехлетней деятельности руководства Церкви было отмечено, что «в политическом отношении Св. Эчмиадзин, а вместе с ним и Армянская церковь проявляли такое же теплое и доброжелательное отношение к нашему государству, какое они видели с его стороны. И это вполне естественно, так как одна лишь только советская власть оправдала исторические чаяния армянского народа». О патриотической деятельности ААЦ во время войны было сказано: «Воин-армянин с честью выполнил священный наказ родного народа... И зарубежные армяне приносили в жертву ради успеха Отечественной войны свои сбережения и плоды своего упорного труда». Позиция Армянской церкви, которая утверждала, что «Отечественная война дала блестящую возможность доказать преданность армянского народа своей общей Родине и нерушимую дружбу его с великим русским народом»²¹¹, вполне укладывалась в русло государственной политики. На Соборе архиепископ Г. Чорекчян был избран Католикосом всех армян. В обмен на шаги навстречу Армянской церкви после войны советское руководство потребовало от ААЦ помощи в

репатриации армян в СССР, а также в поддержке территориальных претензий на отошедшие по Брестскому миру 1918 г. к Турции исторические армянские области Карс и Ардаган²¹².

Аналогичным образом, с целью как внутригосударственного (патриотическая деятельность), так и внешнеполитического использования возможностей евангельских христиан и баптистов, в октябре 1944 г. им было позволено провести объединительную конференцию, на которой был официально создан «Всесоюзный совет евангельских христиан и баптистов» (ВСЕХБ). Этому органу было дано право представлять всех советских «сектантов» (по терминологии того времени). Поддержка ВСЕХБ была нужна советскому руководству в идеологической работе с протестантскими общинами на западных территориях страны. Очевидно, с этой же целью евангельские христиане и баптисты получили разрешение на создание собственного центра на Украине. Характерно, что наименование «Всесоюзный совет евангельских христиан и баптистов» использовалось властями задолго до официального создания этого органа — в частности, в пропагандистских материалах «Всеобщий день молитвы о победе» от 6 февраля 1944 г. и «Пасхальное патриотическое письмо» от 11 апреля 1944 г.²¹³.

Что касается положения католической конфессии, которая вызывала особый интерес советского руководства (в мае 1944 г. для И.В. Сталина была подготовлена специальная справка по этому вопросу), за годы войны в нем не произошло изменений. По состоянию на май 1944 г., на территории СССР она имела два храма (в Москве и Ленинграде), не считая храмов на традиционных территориях про-

живания католического населения (Прибалтика, Западная Украина, Западная Белоруссия). Несмотря на начавшуюся борьбу с Ватиканом, меры по преследованию католиков в СССР во время Великой Отечественной войны не выявлены.

На заключительном этапе, с целью упорядочения исламской религиозной деятельности, была усилена работа по централизации мусульманских общин. В мае 1944 г. был созван съезд мусульманского духовенства и верующих в Баку, на котором присутствовали 60 делегатов из Закавказских республик. На съезде было объявлено о создании Духовного управления мусульман Закавказья, которое возглавил шейх-уль-ислам Ага Али-заде, чей авторитет Советское правительство использовало для идеологической работы среди мусульман-шиитов Ирана и Ирака. Съезд мусульман Закавказья принял патриотическое обращение, которое было распространено среди верующих мусульман в Азербайджане, Армении, Грузии, Иране, Турции и арабских странах²¹⁴.

16 мая 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР принял решение «удовлетворить ходатайство группы мусульманского духовенства Северного Кавказа» и разрешить организовать в г. Буйнакске Духовное управление мусульман Северного Кавказа. 20—23 июня 1944 г. в Буйнакске состоялся съезд представителей мусульманского духовенства и верующих Дагестанской, Кабардинской, Северо-Осетинской АССР, Краснодарского и Ставропольского краев. На этом съезде было принято обращение к мусульманам региона. С пропагандистской целью были выпущены книга «Сборник материалов съезда мусульманского духовенства и

верующих Северного Кавказа» и два кинофильма о съездах мусульман Закавказья и Казахстана и Средней Азии, которые были распространены в зарубежных странах (Индии, Иране, Саудовской Аравии и др.) с целью «ознакомления зарубежных мусульман с действительным положением ислама в СССР». Также НКГБ распространял обращение ДУМ Средней Азии и Казахстана от 21 января 1944 г. среди мусульман в Синьцзяне и обращение исмаилитских религиозных авторитетов от 4 марта 1944 г. среди верующих в Таджикской ССР, Афганистане, Иране, Китае, Сирии, Ираке²¹⁵.

Власть использовала возможности буддийской конфессии — в частности, было распространено патриотическое обращение буддийского духовенства, изданное 21 марта 1944 г. Однако разрешение на создание буддийского религиозного органа было дано только в 1946 г. (открыт Иволгинский дацан в Бурятии).

Итак, на заключительном этапе войны окончательно оформилась новая политика государства в отношении конфессий. В результате установления отношений между властью и Церковью РПЦ была признана в качестве главного религиозного института Советского Союза. Она получила положение, прежде немыслимое для Церкви в Советском государстве. При этом отмечалась тенденция к некоторому «огосударствлению» Церкви, которое проявилось, в частности, в усиленном проявлении ее лояльности по отношению к советскому руководству. Очевидно, таким образом, православная иерархия и общины верующих надеялись на установление доброжелательных отношений с государством на принципах доверия и взаимопонима-

ния²¹⁶. Можно также отметить, что сама Церковь нашла пересмотренный «сталинский коммунизм» привлекательным с точки зрения ее традиционных ценностей²¹⁷.

К концу войны сотрудничество с Церковью строилось в основном на оказании ей помощи Советскому государству во внешнеполитическом аспекте. Хотя после войны внутригосударственная функция РПЦ была исчерпана, так как больше не было необходимым поддерживать пламя воинствующего патриотизма среди русского народа, поддержка Церкви была нужна для поддержания респектабельности правительства в глазах советских граждан, особенно на западных территориях СССР. Также авторитет Церкви мог быть использован для примирения с советским режимом белоэмигрантских масс или, как минимум, внесения разлада в их ряды. Наконец, исторические связи между РПЦ и православными церквями Ближнего Востока могли быть бесценны для советского руководства при решении внешнеполитических вопросов в этом регионе²¹⁸. В послевоенное время все конфессии использовались государством в качестве важного инструмента для осуществления внешнеполитического влияния в мире.

Следует отметить разницу между положением Русской православной церкви и других конфессий, которая начиналась уже с того, что со стороны государства отношения с ними ведали разные органы — Совет по делам РПЦ и Совет по делам религиозных культов. Таким образом, власть обособила РПЦ от других конфессий. Стоит согласиться с мнением, что в отношении ислама и других конфессий были сделаны послабления меньшего мас-

штаба, чем в отношении РПЦ. Эти действия носили половинчатый характер и не шли в сравнение с поддержкой, оказываемой РПЦ. Ислам в СССР как выиграл (централизация, создание ряда Духовных управлений), так и проиграл в результате мер государственной национальной политики во время войны (депортация пяти мусульманских народов)²¹⁹.

В целом послабления религиозным институтам имели жесткие пределы, а функции этих институтов стали сложными и противоречивыми — служение Богу и оказание помощи по сути своей «богоборческому» режиму. Развитие государственно-конфессиональных отношений в СССР в последующем показало, что существенного потепления в отношении к религии со стороны власти не произошло. Все изменения в религиозной политике, происшедшие в годы войны, были продиктованы стремлением государства использовать конфессии в своих собственных интересах.

ВЛАСТЬ И «ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС»

«БРАТЬЯ-ЕВРЕИ ВСЕГО МИРА!»

*Еврейский антифашистский комитет:
создание, деятельность, ликвидация*

16августа 1941 г. группа еврейской интеллигенции во главе с народным артистом СССР С.М. Михозлсом обратилась к секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову с письмом, в котором содержалось предложение «организовать еврейский митинг, адресованный к евреям США и Великобритании, а также к евреям других стран». В качестве цели митинга ставилась «мобилизация общественного мнения евреев всего мира на борьбу с фашизмом и на активную помощь Советскому Союзу в его великой отечественной, освободительной войне».

Это предложение нашло поддержку у руководства страны, и 24 августа 1941 г. в Москве состоялся Всееврейский антифашистский митинг. В обращении «Братья-евреи всего мира!», при-

С.М. Михозлс

нятом на митинге, говорилось: «В великой семье народов СССР еврейский народ нашел свое место. Братья-евреи во всем мире! Они (советские евреи. — Ф.С.) сражаются и за вас! Разверните повсеместно широкую агитацию за солидарность и действенную помощь Советскому Союзу». Выступавшие отдельно обратились к евреям Англии и США с призывом включиться в оказание помощи в борьбе с германским фашизмом, при этом не жалея высоких эпитетов. Например, Илья Эренбург сказал: «Мы проклянем тех, кто умывает руки».

27 августа 1941 г. в «Правде» появилось сообщение, что «американская печать опубликовала обращение к евреям всего мира». Это обращение произвело большое впечатление на зарубежных евреев, как и рассчитывала советская пропаганда. В США были созданы «Еврейский комитет по оказанию помощи России» во главе с А. Эйнштейном и «Комитет евреев Америки», которые активно занялись сбором средств для Советского Союза²²⁰.

После проведения митинга родилась идея создания Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). Вначале к руководству ЕАК планировали привлечь Г. Эрлиха и В. Альтера — деятелей польского Бунда, которые оказались на территории СССР после оккупации Польши Германией. Однако по обвинению в шпионаже они были арестованы и приговорены к смертной казни (Эрлих покончил жизнь самоубийством в мае 1942 г., Альтер был расстрелян в феврале 1943 г.)²²¹.

В итоге председателем Еврейского антифашистского комитета, созданного в феврале 1942 г., был назначен С.М. Михозлс, ответственным секрета-

рем — Ш. Эпштейн (с 1945 г. — И.С. Фефер). Цель создания ЕАК была сугубо утилитарной — советское руководство верило в возможность зарубежных евреев оказать СССР как материальную помощь, так и давление на руководство своих стран с целью открыть Второй фронт²²². Создание Еврейского комитета не было мифической «уступкой советскому еврейству»²²³, как считают некоторые исследователи. Этот вывод подтверждается задачами, которые советское правительство поставило перед ЕАК: собирать и публиковать в англо-американской печати материалы о роли и участии евреев в Отечественной войне, содействовать созданию еврейских антифашистских комитетов за рубежом, развернуть широкую кампанию среди евреев за рубежом против фашизма, организовать сборы денег, особенно в США, для покупки медикаментов и теплых вещей для Красной Армии и эвакуированного населения. И.С. Фефер прямо говорил, что «Щербаковым была поставлена задача покрепче связаться с богатыми евреями в Америке для того, чтобы выкачивать побольше средств в фонд обороны СССР». По некоторым сведениям, Еврейский комитет также выполнял и некоторые задания советской разведки по восстановлению агентурных позиций в сионистском движении²²⁴.

Для мобилизации зарубежных евреев на оказание помощи Советскому Союзу использовался факт существования в составе СССР Еврейской автономной области — в то время единственного в мире еврейского национально-территориального образования. 18 февраля 1942 г. было опубликовано и широко распространено «Обращение к евреям всего мира от евреев Биробиджана».

13 апреля 1942 г. руководство ЕАК направило Щербакову письмо, в котором сообщило о резонансе, который произвел первый еврейский митинг в разных странах мира, и предложило организовать Второй всееврейский антифашистский радиомитинг, а также проводить один раз в неделю получасовое радиовещание на еврейском языке для заграницы и приступить к изданию еврейской газеты как органа ЕАК. Эти предложения были одобрены. 24 мая 1942 г. в Москве состоялся второй митинг представителей еврейского народа. Михоэлс, обращаясь к мировому еврейству, в речи на митинге сказал: «Недостаточно одних лишь слов сочувствия. Ваши танковые колонны, ваши эскадрильи самолетов — вот чем вы можете и должны помочь». На митинге было принято обращение «К евреям всего мира!», в котором открыто говорилось о форме и размере той помощи, которую должны оказать зарубежные евреи своим советским собратьям: «Соберем деньги, закупим тысячу танков, пятьсот самолетов и пошлем их Красной Армии». 14 июня 1942 г. митинг представителей еврейского народа был организован также в Баку.

Размах пропагандистской работы, которую Еврейский комитет проводил за границей, был широким: в зарубежную печать ежемесячно направлялось до 100 статей. Обращения ЕАК были широко распространены среди еврейских кругов США, Великобритании, Канады, Палестины и других стран и территорий. На совещании в Совинформбюро 3 апреля 1943 г. деятельность Еврейского комитета была признана эффективной, в том числе по такому вопросу, как «распространение правдивых сведений о Советском Союзе». Кроме того,

ЕАК инициировал и поддерживал сбор средств в пользу Красной Армии среди еврейского населения СССР: в частности, 30 декабря 1942 г. был издан призыв к евреям Советского Союза последовать примеру жителей Еврейской АО, которые построили на свои средства танковую колонну «Советский Биробиджан».

В 1943 г. состоялась длительная поездка руководства Еврейского комитета (Михозлс и Фефер) в США, Великобританию, Канаду и Мексику. Основная цель их миссии заключалась в том, чтобы, используя образ СССР как главного спасителя евреев во время войны, активизировать материальную помощь в пользу СССР со стороны еврейского населения зарубежных стран. В качестве одного из факторов мобилизации общественного мнения зарубежного еврейства были использованы «намеки на поддержку Советским Союзом еврейских притязаний на Палестину». По некоторым данным, намеки эти в годы войны получили весьма отчетливое выражение²²⁵. Визит Михозлса и Фефера за границу, где на митингах с их участием присутствовало до 500 тыс. чел., оказал большое воздействие на еврейские круги зарубежных стран: во-первых, на помощь СССР настроились те организации, которые ранее стояли в стороне (в частности, «Джойнт»), во-вторых, были подорваны позиции групп, враждебных по отношению к СССР²²⁶. На дальнейшее усиление пропагандистской работы среди еврейского населения зарубежных стран был нацелен третий митинг представителей еврейского народа, проведенный 2 апреля 1944 г. под лозунгом «Больше усилий, больше активных действий, укрепляющих мощь антигитле-

ровской коалиции, приближающих час разгрома ненавистного врага».

В то же время с 1943 г. стала проявляться тенденция к расширению сферы деятельности Еврейского комитета внутри страны, что входило в противоречие с задачами ЕАК, поставленными советским руководством при его создании. 15 февраля 1943 г. на II пленуме комитета писатель П.Д. Маркиш заявил: «Необходимо расширить функции и компетенцию Комитета и сделать его органом, защищающим интересы еврейства. Комитет должен заниматься вопросами распределения и устройства евреев, вести борьбу с антисемитизмом в стране». Писатель И.М. Добрушин предложил превратить комитет «в своеобразный комиссариат по еврейским делам» с филиалами на местах, «которые были бы связаны с еврейским населением». По мнению И. Эренбурга, просветительская деятельность ЕАК должна была быть в первую очередь направлена против усиливавшегося в СССР антисемитизма. В результате, Еврейский комитет взял на себя такие функции, как борьба с антисемитизмом, восстановление еврейских колхозов на освобожденных территориях, борьба за права евреев при распределении помощи и т.д., а председатель комитета Михозлс стал основным «адресом» для писем и жалоб советских евреев²²⁷.

Кульминацией вмешательства Еврейского антифашистского комитета во внутривнутриполитические дела страны стал поднятый комитетом вопрос о создании на территории СССР нового еврейского национально-территориального образования. Очевидно, эта тема в начале 1944 г. витала в воздухе. 14 января 1944 г. один из членов правительства

Литовской ССР Я.Б. Виницкис в своем письме Сталину предложил решить вопрос «об объединении еврейского народа на территории Советского Союза в единую нацию», отметив, что эксперимент в Биробиджане не достиг результата, так как там «и сейчас проживает лишь небольшое число евреев». Поэтому автор письма сделал вывод, что «для поселения компактной массы евреев необходимо было бы найти другую территорию»²²⁸.

21 февраля 1944 г. руководство Еврейского комитета представило Молотову проект письма на имя Сталина, в котором утверждалось, что «родные места для многих эвакуированных евреев потеряли свое материальное и психологическое значение», еврейская интеллигенция в условиях «роста среди братских народов национальных кадров находит все меньшее применение своим силам», «оставление огромной массы [еврейского] населения в распыленном виде, без политического и культурного воспитания на родном языке, создает свободное поле для происков чуждых и враждебных влияний», приводит к вспышкам антисемитизма. В то же время утверждалось, что «опыт Биробиджана, ввиду крайней его удаленности от места нахождения основных еврейских масс, не дал должного эффекта». Поэтому руководство ЕАК предложило осуществить «создание еврейской советской республики в одной из областей, где это по политическим соображениям возможно». Такая область была предложена в виде территории Крыма, «которая в наибольшей степени соответствует требованиям как в отношении вместительности, так и вследствие успешного опыта развития там еврейских национальных районов». В сущности, это было пред-

ложением создать в Крыму еврейскую республику, куда могли бы иммигрировать евреи всего мира. В ЕАК уже прочили Михоэлса на место «президента» будущей Еврейской ССР, а Эпштейна — в ее «премьер-министры». Писатель Аркадий Ваксберг вспоминает, что в марте 1944 г. «вся Москва» знала о создании Еврейской ССР в Крыму. Слухи о письме ЕАК дошли до Биробиджана, и среди еврейской интеллигенции стало усиленно распространяться мнение, что Еврейская АО не имеет никаких перспектив для дальнейшего развития, поэтому должен быть решен вопрос о предоставлении для еврейской автономии территории в центральных районах СССР²²⁹.

24 февраля 1944 г. письмо Еврейского комитета было переправлено из секретариата СНК СССР секретарям ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову, А.С. Щербакову и председателю Госплана СССР Н.А. Вознесенскому с поручением рассмотреть этот вопрос. В результате предложение руководителей ЕАК поддержано советским руководством не было. На их письме Сталин поставил резолюцию: «За Крым пролито слишком много русской крови, чтобы его кому-либо (подчеркнул) отдавать»²³⁰.

Вопрос о причинах, побудивших руководство Еврейского антифашистского комитета выступить с таким предложением, является спорным. По мнению одних исследователей, ЕАК «возомнил себя самостоятельной фигурой в политической игре и попытался оказывать воздействие на советское политическое руководство с целью защиты интересов мирового еврейства»²³¹. По другому мнению, идея создания Еврейской республики в Крыму возникла с подачи Советского правительства. Считается,

что под еврейское государство в Крыму Сталин «рассчитывал получить от Запада 10 млрд долларов на восстановление разрушенной войной экономики»²³². На наш взгляд, обе версии могут иметь под собой почву. Характерным фактом является также то, что письмо было создано еще до депортации из Крыма крымско-татарского населения и ликвидации Крымской АССР, т.е. руководство ЕАК могло знать о планах такой депортации от какого-то источника в советском руководстве.

Внутриполитическая деятельность Еврейского антифашистского комитета повлекла за собой обвинения в национализме. В мае 1944 г. член Совинформбюро Н. Кондаков подал секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову докладную записку «О националистической линии в работе Еврейского ко-

Президиум 3-го пленума Еврейского антифашистского комитета

митета», в которой указывал, что ЕАК «замкнулся в рамках своей национальности», так как «в материалах комитета приводится мысль, что на советском фронте наиболее активные, наиболее передовые, ведущие за собой остальных, генералы, офицеры и солдаты — евреи», «в советском тылу наиболее выдающиеся, наиболее видные ученые, инженеры, литераторы, архитекторы — это евреи». Был сделан вывод, что «руководители Еврейского комитета больны политически, они сознательно проводят националистическую линию в материалах, посылаемых за границу». Предлагалось во главе комитета «поставить советского еврея»²³³.

Очевидно, с целью воспрепятствовать дальнейшему развитию «националистической линии» в деятельности Еврейского комитета, в СССР не было разрешено опубликование «Черной книги», содержащей материалы о холокосте. Просьбы ЕАК об издании книги (в частности, выраженные в письмах Щербакову от 23 августа 1944 г. и 22 сентября 1944 г.) удовлетворены не были, хотя «Черная книга» уже была передана для публикации в США, Францию и Италию. В феврале 1947 г. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) предложило запретить издание «Черной книги» в СССР²³⁴.

В целом деятельность Еврейского антифашистского комитета во время войны принесла стране большую пользу в плане сбора за границей пожертвований в пользу Советского Союза (только в США было собрано 23,5 млн долларов²³⁵). Существенно повлиял на получение Советским Союзом финансовой и материально-технической помощи от США визит в эту страну руководителей ЕАК в 1943 г. За годы войны ЕАК направил в зарубежную

прессу 12 рукописей книг, 23 155 статей, 3300 фото-очерков и фотографий о зверствах нацистов, которые были опубликованы в 264 изданиях в 13 странах мира.

Как уже говорилось, цель создания Еврейского антифашистского комитета заключалась исключительно в мобилизации возможностей еврейской диаспоры в зарубежных странах для оказания экономической помощи СССР и общего укрепления отношений с этими странами. Однако решение руководства ЕАК о выходе за рамки компетенции, предоставленной ему советским руководством, и расширении деятельности во внутрисполитическом аспекте послужило причиной роста недоверия к Еврейскому комитету.

В послевоенные годы Еврейский комитет окончательно стал неудобным для власти, в том числе ввиду кампании по «борьбе с космополитизмом» (ЕАК подозревался в антисоветских связях с Западом) и ухудшения отношений с Израилем. Эти и другие факторы обусловили трагический конец Еврейского комитета. В январе 1948 г. агентами МГБ в Минске был убит С.М. Михозлс. В ноябре 1948 г. Еврейский антифашистский комитет был официально ликвидирован. В 1948—1949 гг. были арестованы многие члены ЕАК, и в июле — августе 1952 г. в рамках т.н. Крымского дела бо́льшая часть руководства ЕАК была репрессирована, в том числе по обвинению в «заговоре, ставившем целью отделить Крым от Советского Союза и основать там буржуазную сионистскую республику в качестве базы для американского империализма». В 1955 г. этот приговор был отменен, в 1988 г. все пострадавшие от репрессий по «делу ЕАК» были реабилитированы.

«ОДНОСТОРОННЕ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ПРИЗНАКУ»

Чиновничий и бытовой антисемитизм

Уже в начальный период войны как в прифронтовых областях СССР, так и в тылу усилились проявления антисемитизма. Этому способствовала гитлеровская пропаганда, которая уверяла, что немцы воюют только «с коммунистами и евреями», и использовала аргумент об «уклонении евреев от участия в войне». Из западных и центральных областей страны было эвакуировано, по разным данным, от 1,3 млн до 2 млн граждан еврейской национальности, что вызвало возникновение слухов о том, что «эвакуируются одни евреи»²³⁶. Во время паники в Москве 16 октября 1941 г. бежавших из города евреев вытаскивали из машин и жестоко с ними расправлялись. По данным органов контрразведки, в 1941 г. в высказываниях населения антисемитский аспект преобладал над антикоммунистическим²³⁷.

Антисемитские проявления отмечались в августе 1942 г. в Узбекистане, в октябре 1942 г. — в Казахстане, в 1943 г. — в Киргизии (в основном со стороны военнослужащих, демобилизованных из армии по ранению). Жестокими были проявления антисемитизма на Украине, где «немецкая оккупация оставила глубокий след в общественной психике»²³⁸. Причиной всплеска антисемитизма следует считать не только «заражение» населения нацистской пропагандой. В сообщениях НКВД указывалось «недовольство отдельных местных жителей уплотнением жилплощади, повышением рыночных цен и стремлением части эвакуированных евреев

устроиться в систему торгующих, снабженческих и заготовительных организаций»²³⁹. Распространено также было мнение о том, что евреи укрывались от службы в армии на «Ташкентском фронте»²⁴⁰.

Антисемитизм проявился не только в бытовой, но и в чиновничьей сфере, особенно в сфере культуры и искусства. 17 августа 1942 г. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) издало «Докладную записку о подборе и выдвижении кадров в искусстве», в которой утверждалось, что «в управлениях Комитета по делам искусств и во главе многих учреждений русского искусства оказались нерусские люди (преимущественно евреи)», и приводился список этих лиц. Предлагалось «разработать мероприятия по подготовке и выдвижению русских кадров», а также провести «частичное обновление руководящих кадров в ряде учреждений искусства»²⁴¹. Это предложение руководством страны принято не было. 15 июля 1943 г. Управление пропаганды и агитации вновь направило в ЦК ВКП(б) докладную записку, в которой поднимался вопрос о том, что в Большом театре «руководящий состав подобран односторонне по национальному признаку» (приводился тот же список, что и в письме от 17 августа 1942 г.). Предлагалось «укрепить» Большой театр руководящими работниками²⁴².

Эта эпопея закончилась тем, что 17 декабря 1943 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли Постановление «О руководстве Большого театра», согласно которому главным дирижером театра вместо С.А. Самосуда был назначен А.М. Пазовский, директором театра — Ф.П. Бондаренко. С.А. Самосуд был переведен на работу главным дирижером в Ленинградский малый оперный театр (откуда он

пришел в Большой театр в 1936 г.), затем — в Московский музыкальный театр им. Станиславского и Немировича-Данченко. Однако вряд ли можно усматривать в таких кадровых перестановках проявления государственного антисемитизма, так как назначенный вместо С.А. Самосуда А.М. Пазовский также был евреем по национальности.

24 августа 1942 г. председатель Комитета по делам кинематографии И.Г. Большаков высказался против утверждения актрисы Ф.Г. Раневской на роль Ефросиньи в фильме «Иван Грозный», так как у нее «ярко выступали семитские черты»²⁴³. Однако вместо Ф.Г. Раневской на роль Ефросиньи была утверждена С.Г. Бирман, также по национальности еврейка.

Несмотря на очевидный провал попыток отдельных деятелей устроить в сфере культуры и искусства «большую чистку» по национальному признаку, определенная тенденция вытеснения евреев из сферы искусства и культуры была очевидна. В письме И.В. Сталину от старого большевика Я. Гринберга, датированном 13 мая 1943 г., говорилось, что в Комитете по делам искусств «еврей любой квалификации сейчас не может рассчитывать на получение самостоятельной работы даже самого скромного масштаба», а «отдельные коммунисты (русские) и даже секретари низовой партийной организации начинают совершенно официально ставить вопрос о "засоренности" аппарата евреями, выдвигают обвинения в "протаскивании евреев"». Ряд исследователей считают, что существовали некие секретные инструкции, предписывавшие «ограничить выдвижение евреев», которые появились в 1943 г. в ЦК ВКП(б)²⁴⁴.

В творческой среде циркулировало мнение, высказанное, в частности, А.А. Фадеевым о том, что общественные деятели еврейской национальности «непригодны» для воплощения в жизнь новой идеологической политики, связанной с пропагандой «национальной гордости русского народа»²⁴⁵. Как будто в насмешку, сам Фадеев в сентябре 1943 г. пострадал от обвинения в том, что передал газету «Литература и искусство» лицам, «не заслуживавшим политического доверия» (был дан список практически из одних евреев по национальности). В 1944 г. Фадеев от работы редактором газеты был отстранен, а газета была расформирована.

Возмущение еврейской общественности вызывали факты замалчивания участия евреев в войне, когда в данных о награжденных не приводилось число награжденных еврейской национальности. 2 апреля 1943 г. руководство Еврейского антифашистского комитета направило секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову письмо, в котором говорилось, что такое умолчание «играет на руку враждебным элементам как в СССР, так и за рубежом» и «может быть подхвачено гитлеровскими агентами, распространяющими злостные слухи о том, что "евреи не воюют"»²⁴⁶. В результате в 1943 г. были опубликованы данные о награжденных воинах еврейской национальности, которых на январь 1943 г., по разным данным, было 6767 или 7667 чел. Таким образом, евреи находились в лидерах по числу награжденных после русских, украинцев и белорусов. Более того, по состоянию на 1 июня 1943 г. евреи вышли на 3-е место по числу награжденных²⁴⁷.

Советская пропаганда не акцентировала внимание на истреблении гитлеровцами еврейского населения даже в сообщениях о гитлеровских злодеяниях на оккупированной территории СССР. В статье В. Гроссмана об уничтожении гитлеровцами населения Украины не было сказано ни слова о геноциде еврейского народа²⁴⁸. В дневниках писателя Ильи Эренбурга есть признание: «4 ноября 1942 г. — Аркин: "Лучше не говорить, что немцы убивают евреев"»²⁴⁹. Такая политика, возможно, объяснялась словами Сталина, которые он, по некоторым данным, произнес в 1943 г.: «Некоторые товарищи еврейского происхождения думают, что эта война ведется за спасение еврейской нации. Эти товарищи ошибаются, Великая Отечественная война ведется за спасение, за свободу и независимость нашей Родины во главе с великим русским народом»²⁵⁰. Закономерно, что совсем другая политика проводилась советским руководством в отношении стран Запада, где распространялось обилие пропагандистских материалов об уничтожении евреев на оккупированной территории СССР — как через каналы Еврейского антифашистского комитета, так и через Совинформбюро. Как уже говорилось, подготовленная ЕАК в начале 1944 г. «Черная книга» (о массовом уничтожении евреев гитлеровцами) была передана для публикации на Запад, а в Советском Союзе она в то время полностью опубликована так и не была.

По некоторым данным, осенью 1944 г. в недрах ЦК ВКП(б) появился т.н. «маленковский циркуляр» — подписанное секретарем ЦК ВКП(б) Г.М. Маленковым директивное письмо, в котором перечислялись должности, на которые назначение

людей еврейской национальности было нежелательно²⁵¹. Одновременно вводились и некоторые негласные ограничения приема евреев в высшие учебные заведения²⁵². Действенность «маленковского циркуляра» не замедлила сказаться: вскоре евреи были «вычищены» из аппарата ЦК ВКП(б), военного руководства, государственных учреждений, началось их вытеснение из высшей школы и науки²⁵³. Такая тенденция была отмечена на местах. В октябре 1944 г. Управление кадров ЦК ВКП(б) направило Г.М. Маленкову докладную записку «О руководстве ЦК КП(б) Литвы политической и хозяйственной жизнью республики», в котором указывалось, что ЦК Компартии и Совнарком Литвы «неправильно подходят к решению еврейского вопроса», идя «на поводу еврейской общины»²⁵⁴.

Еврейское население страны отмечало усиление чиновничьего антисемитизма, о чем писал в записных книжках Илья Эренбург²⁵⁵. Поэт Михаил Светлов ставил чиновничий антисемитизм в один ряд с другими переменами в политике: «Революция кончается на том, с чего она началась. Теперь процентная норма для евреев, табель о рангах, погоны и прочие "радости"»²⁵⁶.

Некоторые исследователи полагают, что антисемитизм во время войны приобрел форму государственной политики. В частности, писатель А. Ваксберг считает, что известный тост Сталина, произнесенный 24 мая 1945 г., «имел ужасное значение», так как его главный выпад был направлен «против евреев». По мнению Ваксберга, «согласно старой русской традиции, они не были названы открыто, но подразумевались и понимались молча и аноним-

но, всегда, когда правители заговаривали о патриотизме»²⁵⁷. По нашему мнению, такие выводы надуманны.

По нашему мнению, нельзя утверждать, что чиновничий антисемитизм, т.е. действия, инициированные отдельными советскими и партийными служащими по их собственной инициативе, перешел свои границы и оформился в качестве антисемитизма государственного. Следует согласиться с мнением исследователя С.М. Шварца, что даже умолчание о количестве награжденных евреев не отражало «активный антисемитизм советского руководства», а было уступкой «антисемитизму снизу»²⁵⁸. По данным исследователя А. Абрамовича, не обнаруживаются документы, подтверждающие наличие во время войны антисемитизма в Красной Армии²⁵⁹. В гражданских органах чересчур рьяные борцы за восстановление «национально-пропорционального представительства» несли наказание (в частности, в 1943 г. — нарком здравоохранения Г.А. Митирев)²⁶⁰. На наш взгляд, нет оснований говорить о «личном антисемитизме» Сталина и Щербакова, несмотря на утверждения об этом некоторых исследователей²⁶¹. Сталин был прежде всего прагматиком, стоявшим выше таких ограничений, как антисемитизм, национализм, и пр. То же можно сказать о Щербакове.

Факты бытового антисемитизма, которые имели место в течение всей войны, в том числе и на ее заключительном этапе (например, в Латвии и Марийской АССР), были отражены в известном письме руководства Еврейского антифашистского комитета на имя И.В. Сталина от 15 февраля 1944 г. Тем не менее антисемитизм не стал массовым явлением.

В справке о расследовании фактов антисемитизма на Украине, датированной 28 сентября 1944 г., указывалось, что они носили «случайный характер и возникали, как правило, на почве хулиганства или квартирных и других бытовых вопросов». В качестве причин этого явления назывались гитлеровская пропаганда, провокационная работа гитлеровской агентуры и пропаганда украинских националистов. Предлагалось не делать «обобщений о проявлениях и тем более о нарастании проявлений антисемитизма со стороны местного населения на Украине»²⁶². Поэтому нельзя согласиться с мнением, что война «развязала в СССР народный антисемитизм такого масштаба, который был неизвестен даже в царской России»²⁶³.

Подчеркнем, что Советский Союз и его Красная Армия спасли еврейский народ от тотального уничтожения гитлеровцами и их местными пособниками. Характерно, что особенно усердно над «окончательным решением еврейского вопроса» местные националисты работали в странах Прибалтики, которые ныне пытаются поставить знак равенства между гитлеризмом и советской властью. В ответ на такие утверждения приведем слова исполнительного директора Объединения раввинов Европы раввина А. Дуннера, сказанные 1 декабря 2009 г.: «Безумие — проводить параллель между Красной Армией и гитлеровцами. Русские освободили лагерь Освенцим».

ИНОСТРАННЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

«СЛАВЯНОФИЛЫ-ЛЕНИНЦЫ»

*Мотивация славянских народов
на оказание помощи СССР*

Идеологическая работа по мотивации славянских народов на борьбу с фашистами началась с первых дней войны. Пропаганда утверждала, что «с исключительной ненавистью относится германский фашизм к народам славянского происхождения», что «особенно ненавидит Гитлер славянские народы». 20 августа 1941 г. был опубликован плакат «К оружию, славяне! Разгромим фашистских угнетателей!». В своей статье «Славяне» начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров писал, что «славянским народам угрожает смертельная опасность — наибольшая с тех пор, как они возникли и сложились». В материалах пропаганды выражалась уверенность в «безнадежности всяких попыток покорить и истребить славян, составляющих половину населения Европы».

10–11 августа 1941 г. в Москве, с целью призвать славянские народы «к объединению вокруг СССР для общей борьбы против фашистских захватчиков», был созван первый Всеславянский антифашистский митинг, в котором приняли участие представители всех славянских народов. Выступавшие на митинге приняли обращение «Братья славяне!», в котором призывали к объединению славянского

мира «для скорейшего и окончательного разгрома германского фашизма». Был организован также антифашистский митинг военнопленных солдат-славян, «насиленно мобилизованных в германскую, венгерскую и словацкую армии». Участники митинга призывали гитлеровских солдат славянского происхождения: «Не стреляйте в своих братьев — русских и украинских рабочих и крестьян!»²⁶⁴.

5 октября 1941 г. было созвано учредительное собрание Всеславянского антифашистского комитета. Председателем комитета стал начальник Военно-инженерной академии РККА генерал-лейтенант А.С. Гундоров, заместителями председателя — польский генерал М. Янушайтис, югославский общественный деятель Б. Масларич, чехословацкий ученый З. Неедлы, украинский писатель А. Корнейчук и болгарский общественный деятель А. Стоянов. Состав комитета был утвержден Политбюро ЦК ВКП(б).

В конце марта 1942 г. на пленуме комитета было принято решение провести 4—5 апреля 1942 г. второй Всеславянский митинг. Главная идея митинга выразилась в его призыве: «Пусть пламя всенародной войны славянства сольется с великой отечественной войной советского народа и героической войной партизан Югославии!».

6 апреля 1942 г. было принято Положение о Всеславянском антифашистском комитете, который был разделен на шесть секций: русскую, украинскую, белорусскую, польскую, чешскую и южнославянскую. В состав комитета также вошли Бюро обслуживания славянской прессы за границей и Организационно-массовый отдел. Среди членов комитета были советские писатели Н. Тихонов, П. Панич,

М. Рыльский, Я. Колас, академик-славист Н.С. Державин, композитор Д. Шостакович, драматург А. Довженко, журналисты В.С. Осьминин, Т.С. Горбунов и В. Мочалов, по три представителя болгарского народа и народов Югославии, по два представителя польского народа и народов Чехословакии.

Целью создания Всеславянского комитета была мобилизация общественного мнения славянских народов и организация сбора материальных средств в пользу Красной Армии среди славян США, Великобритании и других стран мира. Поэтому деятельности комитета было дано широкое освещение за рубежом, что и вызвало соответствующий резонанс. Уже в декабре 1941 г. был создан Славянский комитет в Аргентине, состоялись конференции славянских организаций в ряде штатов США. 25—26 апреля 1942 г. был созван Первый конгресс славянских организаций США, который получил приветствие от президента США Ф.Д. Рузвельта и других официальных лиц. Правительство Соединенных Штатов понимало важность мобилизации общественного мнения граждан США славянского происхождения, которых в этой стране насчитывалось не менее 6,5 млн чел., при этом славяне составляли до 51% всех рабочих оборонной промышленности США. По решению Первого конгресса славянских организаций США был создан постоянный Национальный комитет. Впоследствии состоялся Славянский конгресс стран Латинской Америки, активизировались славянские организации в Канаде, Новой Зеландии, Австралии, Великобритании и странах Ближнего Востока²⁶⁵.

С июня 1942 г. Всеславянский комитет начал издание журнала «Славяне» и листовок для распро-

странения на оккупированных территориях славянских государств, а также выпуск радиопередач. В задачу этой деятельности ставилась пропаганда вековой борьбы славянских народов с германской агрессией, связи славянских народов между собой и освещение заслуг славянских деятелей — борцов за объединение славянских народов²⁶⁶.

С созданием Всеславянского комитета перед советским руководством встала задача противодействия возможным обвинениям в насаждении панславизма. По словам Гундорова, цели деятельности комитета «не имели ничего общего с бывшим царским панславизмом». Утверждалось, что «если в дальнейшей своей деятельности Всеславянский комитет и обращался к историческим традициям прежнего славянского движения, то лишь прогрессивного характера и связанным с народно-освободительной борьбой». Участники первого Всеславянского митинга отвергли идею панславизма, как «насквозь реакционного течения, глубоко враждебного высоким задачам равенства народов и национального развития всех государств». Было заявлено, что «мы объединяемся как равные с равными». Характерным является выступление писателя Алексея Толстого, в котором он от имени русского народа заверил всех остальных славян, что «мы не посягаем ни на какое главенство, ни на какую руководящую роль для иных народов»²⁶⁷.

Однако с заявлениями о том, что деятельность Всеславянского комитета не имела ничего общего с воплощением идей панславизма, вступал в явное противоречие ряд пропагандистских установок, появившихся в центральной прессе СССР в те же дни — например, что «во главе славянских народов

стоит великий русский народ», «во главе с русским народом славяне готовят уничтожение фашизма». Отсюда можно сделать вывод о противоречивости советской политики в этом вопросе. Руководство страны пыталось совместить несколько целей: мотивацию зарубежных славян на борьбу с фашизмом на стороне СССР, для чего нужно было не отпугнуть их панславистскими идеями, и в то же время — воспитание в славянских народах отношения к русскому народу как к «старшему брату».

В период 1943—1944-х гг. Всеславянский комитет принял активное участие в создании на территории СССР вооруженных формирований из представителей славянских народов зарубежных стран. В январе 1943 г. на фронт отправилась первая чехословацкая часть, о чем было объявлено на состоявшемся 9 мая 1943 г. в Москве третьем Всеславянском митинге, в котором приняли участие около 2000 чел. Этот митинг был организован под лозунгом «Славяне, к оружию!». На митинге было объявлено о начале формирования на территории СССР Первой польской дивизии им. Т. Костюшко. По случаю митинга комитет получил приветственные телеграммы от славян США, Великобритании, Канады, Австралии, Мексики и других стран²⁶⁸.

На усиление вклада славян в борьбу с гитлеровской Германией были направлены решения VI пленума Всеславянского комитета, состоявшегося 16—17 октября 1943 г., на котором были приняты обращения к Красной Армии, а также к югославской, польской и чехословацкой армиям «воевать с гитлеровцами не жалея сил». 23—24 февраля 1944 г. в Москве состоялся митинг славян-воинов, в котором участвовали командиры польской, чехосло-

вацкой и югославской армий, созданных на территории СССР. Всего в 1943—1944 гг. Всеславянский комитет провел 6 радиомитингов, и только за 9 месяцев 1943 г. организовал 1269 радиовыступлений членов Комитета и его секций.

В 1945 г. задачи Всеславянского комитета были пересмотрены. Теперь основное внимание комитета было направлено на расширение влияния в славянских странах и укрепление связей с вновь созданными славянскими комитетами в освобожденных Польше, Чехословакии, Югославии, а также в Болгарии. В рамках своей деятельности комитет стал оказывать содействие советскому руководству в нормализации отношений со славянскими странами.

Политика, проводившаяся Всеславянским комитетом, должна была символизировать отказ от панславизма и отсутствие у СССР стремления доминировать в славянском мире. В декабре 1943 г. в беседе с президентом Чехословакии Э. Бенешем член комитета А. Корнейчук пытался убедить его в том, что «славянская политика Советского Союза исключительно прогрессивна и демократична», «она не означает распространения некоего нового панрусизма и не имеет ничего общего со старым царским национализмом, так как основывается на полном равноправии всех славянских народов». Заключение советско-чехословацкого договора в декабре 1943 г. было важным шагом, который должен был продемонстрировать добрые намерения СССР в отношении малых европейских государств, в особенности славянских²⁶⁹.

В 1945 г. Всеславянский комитет принимал непосредственное участие в приемах официальных делегаций славянских стран. 13 апреля 1945 г. ко-

митет устроил прием в честь югославского лидера И.Б. Тито и его делегации после подписания 11 апреля 1945 г. договора о союзе между СССР и Югославией, 23 апреля 1945 — прием в честь президента Польши Б. Берута и польской делегации после подписания 21 апреля 1945 г. советско-польского договора, которого, по словам Сталина, с нетерпением ожидали «все свободолюбивые нации, и прежде всего славянские нации»²⁷⁰.

И.В. Сталин на встречах с руководством славянских стран, в частности, 28 марта 1945 г. с Бенешем и 28 октября 1945 г. с югославской и болгарской делегацией, подчеркивал отличие «старого» и «нового» славянофильства: «Старые славянофилы требовали объединения всех славян под русским царем», тогда как «мы, новые славянофилы-ленинцы, стоим не за объединение, а за союз славянских народов»²⁷¹. Тем не менее «новое славянофильство» советского руководства было не чем иным, как новым, «советским» панславизмом, направленным на установление просоветских режимов в славянских странах. Такая политика нашла свое выражение в словах И.В. Сталина, произнесенных на встрече с югославской делегацией 11 апреля 1945 г.: «В этой войне, кто занимает территорию, насаждает там, куда приходит его армия, свою социальную систему». Таким образом, на завершающем этапе войны идея славянской взаимности из пропагандистско-мобилизационной переходит в практическую, политическую плоскость²⁷². Всеславянский комитет получил новую внешнеполитическую функцию в виде мотивации общественного мнения славянских народов в пользу Советского Союза для «безболезненного» вхождения славянских государств в советскую сферу влияния.

Политика «нового панславизма» начала воплощаться в жизнь еще в ходе войны. 3—4 марта 1945 г. в Софии состоялся Всеславянский конгресс, в президиуме которого было представлено руководство Всеславянского комитета. Хотя в качестве цели конгресса было заявлено «объединение всех славянских народов на базе полного равенства», в его материалах была подчеркнута руководящая роль русского народа и Советского Союза «в деле освобождения славянских народов и всех других народов от немецкого ига». Указывалось, что «впервые в истории славянства оно объединилось в борьбе против общего врага под руководством великого Советского Союза». После конгресса болгарские газеты подчеркивали «исключительную роль, которую сыграли Россия и Советский Союз под руководством Сталина в деле спасения славянских народов от истребления и рабства», высказывали «вечную благодарность старшему брату великому русскому народу за двухкратное освобождение» и ратовали «за вечный союз и дружбу болгарского народа с русским народом»²⁷³.

Линия на возрождение «нового панславизма» была воплощена в послевоенных отношениях СССР со славянскими государствами. Всеславянский комитет получил задачу способствовать укреплению дружбы и тесного сотрудничества славянских государств с Советским Союзом, который подавался как «единственный оплот независимости демократических славянских государств, их мирного будущего существования и процветания». Комитет должен был целенаправленно заниматься пропагандой социалистического строя²⁷⁴. Однако после разрыва отношений СССР с Югославией,

когда из орбиты советского влияния выпало одно из самых значительных славянских государств, мобилирующий фактор политики «нового панславизма» существенно снизился. В 1947 г. Всеславянский антифашистский комитет был реорганизован в Славянский комитет СССР, который просуществовал до 1962 г. Затем его функции были переданы Советскому комитету защиты мира.

Всеславянский антифашистский комитет сыграл важную роль в мобилизации общественного мнения славянских народов всего мира на поддержку Советского Союза в борьбе с гитлеровской Германией, способствовал созданию на территории СССР польской, чехословацкой и югославской воинских частей, а также оказал помощь советскому руководству в налаживании отношений со славянскими странами и укреплении позиций СССР в послевоенной Европе. В то же время пропагандистскую деятельность Всеславянского комитета не стоит ни абсолютизировать, ни переоценивать, так как утверждение о единстве славянского мира в противостоянии нацизму и его подручным в годы войны и после нее было весьма преувеличено²⁷⁵.

«УЗАКОНЕННАЯ НЕНАВИСТЬ»

Политика в отношении немецкой нации

Одним из столпов советской национальной политики была «дружба народов», однако в отношении немецкого народа в период Великой Отечественной войны происходил обратный процесс. Антигерманские мотивы, которые появились в закрытых пропагандистских материалах с

осени 1940 г.²⁷⁶, с началом войны были многократно усилены. В июле 1941 г. ЦК ВКП(б) поставил задачу «воспитывать лютую ненависть к врагу», при этом образ врага был перенесен с аморфных «германских империалистов» на немцев — «захватчиков», «разбойников», «насильников», «грабителей», «извергов». Выражалась уверенность, что достигнуть этой цели удастся при обращении к истории многовекового противоборства русских и немцев.

Сталин в речи 6 ноября 1941 г. призвал «истребить всех немецких оккупантов до единого, пробравшихся на нашу Родину». Речь на параде 7 ноября 1941 г. он закончил словами: «Смерть немецким оккупантам!». 10 декабря 1941 г. Главное политическое управление РККА издало приказ о замене на всех армейских печатных изданиях лозунга

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на лозунг «Смерть немецким оккупантам!» (уже с 11 декабря 1941 г. лозунг был заменен на главной армейской газете «Красная звезда»). С 20 декабря 1941 г. лозунг был заменен на знаменах воинских частей Красной Армии. Характерно, что по отношению к народам стран, воевавших на стороне Гер-

Плакат «Папа, убей немца!»

мании (финнам, румынам, итальянцам, венграм и др.), такой политики не проводилось. Они рассматривались «второстепенными оккупантами», к помощи которых гитлеровцы прибегли с целью «разбавить» свою армию.

Идеология ненависти по отношению к немцам распространялась средствами литературы и публицистики военного периода: «Я призываю к ненависти!» (Алексей Толстой); «Убей его! / Если немца убил твой брат, / Если немца убил сосед, — / Это брат и сосед твой мстят, / А тебе оправдания нет» (Константин Симонов). Пропагандистские материалы указывали на поголовную виновность немецкого народа. На собраниях колхозников, проведенных в январе 1942 г. в Московской области, приводились факты того, как «немцы насиловали женщин, пытали детей, грабили мирное население», на основании чего внушалось, что «немецкие фашисты — это звери, их нужно уничтожить всех».

Таким образом, с началом войны важнейшей задачей пропаганды стало изображение «страшного и отталкивающего образа врага». Следует согласиться с мнением, что максимализм подобного рода был необходим для достижения цели победить врага любой ценой. Гитлеровцы, немцы должны были вызывать чувство ненависти, презрения и исключать чувства жалости и страха²⁷⁷. Утверждения обратной направленности, что «война советского народа против фашистских захватчиков есть вместе с тем и война за лучшее будущее немецкого народа, за вновь обретенную честь, за свободную Германию», подвергались жесткой критике как «крупная политическая ошибка»²⁷⁸.

Тем не менее, чтобы не допустить чрезмерного отхода от принципов интернационализма, в этом вопросе советскому руководству приходилось балансировать. В речи 23 февраля 1942 г. Сталин уточнил, что у Красной Армии «нет и не может быть расовой ненависти к другим народам, в том числе и к немецкому народу», так как «гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остается». В речи 1 мая 1942 г. Сталин отметил, что «для германского народа все яснее становится, что единственным выходом из создавшегося положения является освобождение Германии от авантюристической клики Гитлера — Геринга».

В 1942—1943 гг. произошло усиление накала узаконенной ненависти по отношению к немцам как вражеской нации. «Благодушное» отношение к захватчикам первых недель войны рассматривалось теперь, по выражению Ильи Эренбурга, как «наивность человека, разбуженного среди ночи бомбами». Пропаганда делала упор на широкое распространение информации о «зверствах немцев над пленными и на оккупированной территории», воспитание «гнева народа, жажды мести и расплаты с врагом». Публицистические материалы оперировали такими определениями немцев, как «скоты», «грязные животные», которых «нельзя переубедить, их можно только перебить». Апофеозом этой политики стала статья Ильи Эренбурга «Убей!», в которой автор писал: «Немцы не люди. Отныне слово "немец" для нас самое страшное проклятье. Отныне слово "немец" разряжает ружье. Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьет твой сосед, ты не понял угрозы. Если

ты убил одного немца, убей другого — нет для нас ничего веселее немецких трупов. Убей немца! — это просит старуха-мать. Убей немца! — это молит тебя дитя. Убей немца! — это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!». Аналогичные призывы проходят красной нитью через другие публикации этого автора: «Плюнь, убей и снова плюнь!»; «Поклянемся: они не уйдут живыми — ни один, ни один!»; «Скота нет. Навоза тоже нет. Есть только немцы. Ими мы удобрим нашу многострадальную землю»; «Не медли, убей немца!». Этот же призыв («Хочешь победы — убей немца!») был лейтмотивом выступления секретаря ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлова на Всесоюзном митинге молодежи 7 ноября 1942 г. Он постоянно звучал в призывах советских государственных и общественных деятелей на разного рода официальных митингах и собраниях.

На воспитание ненависти к немцам, которая оправдывалась как отмщение за их зверства на оккупированной территории, была нацелена публикация материалов об уничтожении гитлеровцами мирного населения оккупированных советских областей, о массовом утоне на работу в Германию мирных советских граждан. Согласно директиве Главного политуправления РККА, в апреле — мае 1943 г. в войсках были проведены митинги о зверствах гитлеровских оккупантов и организованы выставки на эту тему. На митингах воины Красной Армии давали клятву «мстить». Пропаганда разоблачала планы гитлеровцев по уничтожению славянских, прибалтийских народов, еврейского народа. Неприязнь к немцам и всему немецкому выразилась в переименовании ряда населенных

пунктов с прежними «немецкими» названиями (Шлиссельбург, Петергоф и Дудергоф в Ленинградской области).

Пропаганда среди населения оккупированных территорий также была направлена на усиление ненависти по отношению к немцам: «Разве вы забыли, что немцы всегда были злейшими врагами нашего смелого и свободолюбивого народа?», «Эстонец, если ты хочешь жить — то ты должен убить немца!»²⁷⁹.

Однако ближе к концу войны происходит охлаждение пыла антигерманской пропаганды и перевод ее с национальных на «классовые» рельсы. Сталин подчеркивал, что «советские люди ненавидят немецких захватчиков не потому, что они люди чужой нации, а потому, что они принесли нашему народу и всем свободолюбивым народам неисчислимые бедствия и страдания». Особенно ярко изменение политики по отношению к немецкой нации проявилось в «осаждении» Ильи Эренбурга — главного апологета антинемецкой пропаганды. В опубликованной 11 апреля 1945 г. статье «Хватит!» Эренбург в привычном стиле писал о том, что «Германии нет: есть колоссальная шайка, которая разбегается, когда речь заходит об ответственности», а также дал ряд других суждений, в которых фактически призывал к поголовной ответственности всех немцев за преступления гитлеровского режима. В ответ 14 апреля 1945 г. начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров опубликовал статью под красноречивым названием «Товарищ Эренбург упрощает», в которой подверг жесткой критике тезис Эренбурга о том, что «все немцы одинаковы

и что все они в одинаковой мере будут отвечать за преступления гитлеровцев». Также неправильной была признана точка зрения Эренбурга, «что все население Германии должно разделить судьбу гитлеровской клики». Александров подчеркнул, что «Красная Армия никогда не ставила и не ставит своей целью истребить немецкий народ».

Характерно, что гитлеровцы пытались обратить антинемецкую риторику советской пропаганды в своих целях. В приказе Гитлера от 1 января 1945 г. говорилось, что «сталинский придворный лакей Илья Эренбург заявляет, что германский народ должен быть уничтожен»²⁸⁰. Гитлеровские пропагандисты разжигали слухи о том, что «Красная Армия будет всех поголовно истреблять». Эти слухи инспирировали самоубийства среди мирного населения Германии, в том числе целыми семьями²⁸¹.

Приглушение антигерманской и антинемецкой пропаганды в конце войны было основано на понимании того, что, во-первых, нагнетание ненависти и мстительности по отношению к вражеской нации становилось нецелесообразным, поскольку могло привести к усилению сопротивления наступающим советским войскам. Во-вторых, советское руководство понимало необходимость иметь дело с немецким народом после войны. Поэтому важно было сохранить взвешенный и гуманный подход к немецкой нации с целью более гладкого вхождения восточной части Германии в советскую сферу влияния.

В то же время советское руководство не могло допустить никакого германофильства, которое немедленно осуждалось как «низкопоклонство». В 1944 г. сам Александров был подвергнут жест-

Плакат «Бей немецких зверей!»

тарском интернационализме». Затем наивные надежды на сознательность «братьев по классу» рассыпались. Хотя в фольклоре времен войны слово «немец» («фриц», «ганс») было синонимом фашистского агрессора, и фольклор не оперировал отрицательными образами немецкого крестьянина и рабочего, не обвинял в злодеяниях гитлеровцев немецкий народ, образ «врага-фашиста» со временем все сильнее принимал национальную окраску, превращаясь в массовом сознании в образ «врага-немца»²⁸². Те люди, которые близко столкнулись с жестокостью оккупантов, в частности партизаны, напрямую сравнивали их с «животными», «шакалами», «сатаной», «вшами», называли их «уроды»²⁸³.

кой критике за чрезмерное восхищение немецкими философами, в том числе Гегелем и Фихте, обнаруженное в подготовленном с участием Александрова 3-м томе «Истории философии».

Что касается отношения к немцам в народе, то лишь в самые первые дни войны реакция населения на агрессию Германии в целом соответствовала настроениям, основанным на «проле-

В тылу же, наоборот, интернационалистические настроения, «классовая солидарность» были еще долго живы: вплоть до конца 1942 г. люди спрашивали, что делает компартия Германии, почему немецкие рабочие до сих пор подчиняются Гитлеру и не поднимают против него восстания²⁸⁴. Отношение к немцам, солдатам вермахта, характеризовалось жалостью к «покорным и одураченным исполнителям безумных планов бесноватого фюрера». Многие народные песни времен войны описывали «крушение иллюзий и бесславную гибель легковерного солдата на чужой земле»²⁸⁵.

Ненависть к немцам особенно сильно возросла после Сталинградской битвы, когда были освобождены большие районы страны, и воины Красной Армии увидели ужасы оккупации. На втором этапе войны слова «фриц», «ганс», «немец» в солдатской речи стали уже синонимами терминов «захватчик», «мародер», «фашист». Во время войны в повседневной речи термины «фашист» и «гитлеровец» использовались реже, чем просто «немец»²⁸⁶. Слово «немец» получило ругательный, негативный оттенок, причем как в тылу, так и на оккупированной территории. В качестве примера можно привести листовку, изданную в 1943 г. для оккупированной территории, в которой негативный облик известного генерала Власова подчеркивался такими эпитетами (хотя первый из них явно абсурден): «Власов — немец. Власов — кровожадный гитлеровский бандит»²⁸⁷. Большинство людей стало видеть войну как войну между «русскими и немцами». Вплоть до 1990-х годов советские дети играли в «войну», где врагами были «русские» и «немцы». Образ врага надолго стал той призмой, через кото-

рую в российском народном сознании воспринималась не только Германия, но и немецкая нация в целом²⁸⁸.

На завершающем этапе войны произошло некоторое изменение в отношении населения тыла СССР к немецкому народу. Из-за особенностей национальной психологии нередко было проявление чувства жалости к поверженному врагу, которое вытесняло угнездившуюся ненависть. Во время шествия пленных немцев по улицам Москвы и Киева в июле 1944 г., в то время как одни горожане кричали: «Сволочи, чтобы они подошли!» и «Расстрелять их всех надо», другие молча провожали взглядами темные, сгорбленные фигуры, некоторые женщины и дети со слезами на глазах протягивали им хлеб, кое-кто кидал в толпу пленных яблоки, табак и хлеб²⁸⁹. Во фронтовом фольклоре все более ощущались нотки сочувствия к «обманутому немецкому солдату». В сатирических песнях последнего периода войны немецкий солдат изображался человеком, начавшим осознавать лживость фашистской пропаганды. Сама жизнь давала материал для такого толкования (переход на советскую сторону, сдача в плен гитлеровцев)²⁹⁰.

БОРЬБА С АНТИСОВЕТСКИМ ПОВСТАНЧЕСТВОМ

«В МОМЕНТ ПРИБЛИЖЕНИЯ ФРОНТА ПОДНЯТЬ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ»

Антисоветские проявления в тылу СССР

Начало войны спровоцировало рост такого явления, как антисоветское националистическое повстанческое движение, которое наиболее отчетливо проявилось на Северном Кавказе. Оно получило развитие в этом регионе еще до войны, когда в нем принимало участие население, недовольное правительственной политикой, — в первую очередь, коллективизацией сельского хозяйства. В 1930-е гг. это движение практически не прекращалось. На территории ЧИАССР, которая оценивалась НКВД СССР как «наиболее пораженная бандитизмом республика», сильные антисоветские выступления происходили в 1925, 1930, 1932 гг. и январе 1941 г. К началу 1941 г. там действовала 21 бандповстанческая группа (96 чел.). На остальной территории СССР к началу войны не было серьезных повстанческих проявлений²⁹¹. Начавшаяся война спровоцировала их рост в 11,9 раза*. Сильный рост был отмечен в Дагестанской АССР (в июле — декабре 1941 г. — проявлений не было, в 1942 г. — 99 проявлений) и ЧИАССР (в июле — декабре 1941 г. — 4 проявления,

* См. Приложение. Таблица 4.

в 1942 г. — 89 проявлений)²⁹². Произошел рост числа бандгрупп до 22 раз (Дагестанская АССР), рост числа участников бандформирований — до 44 раз (ЧИАССР)*.

Конечно, далеко не все бандгруппы проповедовали националистические идеи, так как определенная их часть носила чисто уголовный характер. Однако на территории ЧИАССР были отмечены яркие проявления националистического повстанческого движения, где такие группы, по данным НКВД, «в основном носили контрреволюционный характер» и имели «широкую пособническую базу»²⁹³. Наиболее заметными лидерами этого движения были перешедшие к середине 1941 г. на нелегальное положение Х. Исраилов, Д. Муртазалиев и М. Шерипов, которые вели активную работу по срыву мобилизации и других оборонных мероприятий²⁹⁴.

Х. Исраилов (он же Терлоев), в прошлом адвокат и член ВКП(б), в 1935 г. был судим по ст. 58-10 УК РСФСР и приговорен к высшей мере наказания, однако приговор был отменен «по невменяемости осужденного». В 1941 г. Х. Исраилов создал «Объединенную партию кавказских братьев», позднее переименованную в «Национал-социалистическую партию кавказских братьев» (НСПКБ)²⁹⁵, целью деятельности которой было «свержение советской власти вооруженным путем и соединение с германской армией». В октябре 1941 г. НСПКБ готовила «всеобщее вооруженное восстание»²⁹⁶. Однако удалось организовать только разрозненные выступления. 28 октября 1941 г. в Шатойском районе

* См. Приложение. Таблица 5; По ЧИАССР — оценочно (в источнике данные приведены по территории Грозненской области).

ЧИАССР восстали жители селений Борзой, Варанды и Ханкилой. Местное население численностью около 250 чел. оказало вооруженное сопротивление представителям советской власти, «принимавшим меры к привлечению трудоспособного населения этих сел в порядке повинности для выполнения работ, связанных с военными мероприятиями». Между повстанцами и подразделениями РККА произошла перестрелка²⁹⁷. 30 октября 1941 г. произошло аналогичное восстание в с. Никарой-Кий Галанчожского района²⁹⁸. Всего в восстаниях приняло участие до 800 чел.²⁹⁹. Восстания были подавлены. К январю 1942 г. были арестованы 25 выживших лидеров восстания, остальные перешли на нелегальное положение³⁰⁰.

М. Шерипов, в прошлом сын офицера царской армии, член ВКП(б), председатель Леспромсовета ЧИАССР, в конце 1941 г. создал «Чечено-горскую национал-социалистическую подпольную организацию» (ЧГНСПО)³⁰¹, установил связь с религиозными и тейповыми авторитетами. Основной базой ЧГНСПО был Шатоевский район ЧИАССР. Программа ЧГНСПО заключалась в том, чтобы «объединить разрозненные бандгруппы» и «в момент приближения фронта поднять вооруженное восстание». Повстанцам удалось совершить ряд налетов, вооруженных нападений и убийств совпартактива³⁰².

Повстанческая группа была создана в феврале 1942 г. на территории Эльбрусского района КБАССР. Она действовала в связке с аналогичными группами в Карачаевской АО³⁰³. В конце 1941 г. и январе 1942 г. было арестовано 50 участников этих групп³⁰⁴. Повстанческая группа действовала в

ауле Кош-Хабль в Черкесии³⁰⁵. В Грузии повстанческие националистические группы планировали поднять восстание при приближении гитлеровцев³⁰⁶. Армянская повстанческая группа действовала в Краснодарском крае³⁰⁷. В самой Армении появились повстанческие группы курдов и мусаватистов. В Средней Азии с началом войны произошла общая активизация «басмаческих элементов». Антисоветские повстанческие группы действовали в 1942 г. в Узбекистане³⁰⁸, Туркменистане, Киргизии, Казахстане и Таджикистане³⁰⁹. Действовавшая в Казахстане группа Омарова и муллы Туспекова ставила задачу создания независимого казахского государства³¹⁰.

В период 1942 — 1943 гг. в тылу СССР продолжался значительный рост бандповстанческого движения, особенно в ряде регионов Северного Кавказа*: числа бандповстанческих формирований — до 8,3 раза (Ставропольский край), числа участников — до 35,2 раза (Кабардинская АССР)**. Следовательно, после ухода фронта на запад бандповстанческое движение усилилось.

Наиболее яркими проявления националистической активности бандповстанческих групп на Северном Кавказе были во второй половине 1942 г., в ожидании прихода гитлеровцев и во время их максимального продвижения на Кавказ. В Адыгее, Карачае, Кабарде, ЧИАССР были выявлены факты недружественного отношения к Красной Армии и партизанам, открытых антисоветских высказываний, пожеланий «чтобы пришли немцы», скупки

* См. Приложение. Таблица 6.

** См. Приложение. Таблица 5.

оружия³¹¹. В августе 1942 г. группа М. Шерипова численностью 200 чел. разгромила советские и партийные учреждения в с. Химой (райцентр Шатоевского района ЧИАССР) и сельсоветы в селах Цеси и Дзумсой, пополнив свои ряды местным населением. При нападении на с. Итум-кале повстанцы были разбиты. В ноябре 1942 г. М. Шерипов был убит³¹². В августе 1942 г. произошло выступление группы И. Магомадова (ликвидировано в октябре 1942 г.)³¹³. НСПКБ под руководством Х. Исраилова в июне 1943 г. провела собрание, на котором было принято решение поднять восстание в случае нового наступления гитлеровцев на Кавказ летом 1943 г.³¹⁴. Определенная часть национальных партийно-советских кадров ЧИАССР перед ожидаемым вступлением гитлеровцев бросала работу, переходила на нелегальное положение, присоединялась к повстанческим элементам. Среди них были профессор Института языка и литературы А. Авторханов (впоследствии видный деятель антисоветской эмиграции), председатель Леспромсовета ЧИАССР, 1-й секретарь Итум-Калинского РК ВКП(б), нарком просвещения ЧИАССР³¹⁵, начальник Старо-Юртовского райотдела НКВД, замначальника Галанчожского райотдела НКВД, прокурор Галанчожского района³¹⁶ и другие.

В январе 1943 г. в Учкулановском районе Карачаевской АО произошло восстание против советской власти, в котором приняло участие до 400 чел.³¹⁷. По словам одного из депортированных карачаевцев, при освобождении Красной Армией территории Карачаевской АО «карачаевцы вооружились и все время держали оборону», а также «перестреляли» советских партизан³¹⁸. В Дагестанской АССР

в сентябре 1942 г. повстанческая группа двое суток осаждала райцентр Шаури³¹⁹.

На территории Калмыцкой АССР к началу 1943 г., по оценке ГУББ, создалось «напряженное положение». Было отмечено массовое дезертирство из 110-й калмыцкой дивизии, при этом часть дезертиров создала бандповстанческие группы³²⁰. В конце 1942 г. в неоккупированных улусах Калмыкии действовали такие группы численностью до 150—200 чел.³²¹. С мая 1943 г. началась работа по ликвидации бандповстанческих групп, в результате чего к августу 1943 г. удалось ликвидировать 23 группы в составе 786 чел. Засланная гитлеровцами на территорию республики диверсионная группа Б. Огдонова (командир созданного гитлеровцами «Калмыцкого легиона») была также разгромлена³²².

Рост антисоветской повстанческой деятельности в 1942 г. был отмечен в Азербайджанской ССР. В частности, в 1942 г. в Агдашском районе была раскрыта попытка создать повстанческую организацию из числа местных дезертиров и уклоняющихся от мобилизации, в Закатальском районе была ликвидирована молодежная антисоветская организация «Антисовет Ташкиляти», готовившая совместно с одной из повстанческих групп антисоветское выступление «в пользу гитлеровцев» перед ожидаемым вторжением их в Азербайджан³²³.

Гитлеровцы сами искали выход на повстанцев. В августе—сентябре 1942 г. на территорию Азербайджана было заброшено 6 групп парашютистов (всего 31 чел.). Все задержанные парашютисты оказались бывшими военнослужащими Красной Армии, попавшими в плен и завербованными гит-

леровской разведкой. Они имели задание «организовать бандповстанческие группы и другие контрреволюционные антисоветские формирования для ведения подрывной профашистской работы на территории Азербайджанской ССР»³²⁴. В ЧИАССР гитлеровские агенты установили связь с рядом повстанческих групп³²⁵, совместно с которыми они готовили восстания в ряде районов республики, но были разгромлены³²⁶. В данном аспекте представляется важным проследить связь роста или снижения бандповстанческого движения с количеством агентов, заброшенных гитлеровцами в тыл СССР. Исходя из того, что территория ЧИАССР была поделена в начале 1944 г. между Грозненской областью (при этом к ней была присоединена часть Ставропольского края), СОАССР, Дагестанской АССР и Грузинской ССР, представляется невозможным на основании имеющихся данных выявить точное число агентов, заброшенных именно на территорию ЧИАССР. Однако общее число ликвидированных на территории этих четырех регионов агентов в 1943 г. уменьшилось (61 чел.) по сравнению с 1942 г. (101 чел.). Уменьшилось оно и на территории Азербайджана*. Поэтому можно сделать вывод об отсутствии прямой связи между числом заброшенных гитлеровских агентов и деятельностью бандповстанцев в ЧИАССР, рост которой отмечен в 1943 г. по отношению к 1942 г. Число жертв повстанческих проявлений также возросло в 1943 г. по сравнению с 1942 г. Потери НКВД—НКГБ и Красной Армии в операциях по борьбе с повстанцами были значительными и в 1942 г., и в 1943 г.³²⁷.

* См. Приложение. Таблица 7.

Следует отметить, что антисоветское повстанческое движение на Северном Кавказе и в других тыловых регионах СССР не приобрело характера общенациональной борьбы против советской власти. Тем не менее сепаратистские и националистические взгляды части представителей некоторых народов Северного Кавказа, их стремление оказать помощь гитлеровцам впоследствии повлияли на принятие решения о депортации этих народов.

«ХОТЯ РОССИЯ ВЫИГРАЕТ ВОЙНУ, МЫ БОРЬБЫ СВОЕЙ НЕ ПРЕКРАТИМ»

*Антисоветское движение: Западная Украина,
Западная Белоруссия, Прибалтика*

К осени 1944 г. советскому руководству стало ясно, что сопротивление восстановлению советской власти на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике оказалось намного более серьезным, чем можно было ожидать от «недобитых» гитлеровских пособников и диверсантов³²⁸.

Хотя советская пропаганда утверждала, что «украинский народ остался верен союзу с великим братским единокровным русским народом и другими народами нашей Советской родины», это явно не относилось к большей части населения Западной Украины. Член военной миссии Народно-освободительной армии Югославии генерал М. Джилас, побывавший на Западной Украине сразу после ее освобождения, отмечал, что местное население не скрывало свое «пассивное отношение» к советским победам³²⁹. Мы же отметим, что отношение большей части населения Западной Украины к со-

ветской власти и Красной Армии было не просто пассивным, а открыто враждебным. Враждебность проявлялась не только в массовом уклонении от участия в организуемых советской властью мероприятиях (например, митингах по случаю советских праздников), но и вооруженных выступлениях, когда население в качестве оружия брало вилы, лопаты, колья, а женщины ложились на дорогу, чтобы преградить путь советским автомашинам. Во Львовской и Дрогобычской областях большинство мужского населения перед приходом Красной Армии ушло «в леса и горы», чему способствовала гитлеровская и оуновская политобработка об «ужасах ссылки в Сибирь» и других репрессиях со стороны советской власти³³⁰.

Украинская повстанческая армия при приближении Красной Армии в феврале 1944 г. ушла в подполье. План УПА состоял в том, чтобы избежать сражений с советскими войсками, «пропустив» их на запад, а затем, оказавшись в тылу Красной Армии, начать активные действия. УПА держала связь с гитлеровцами, предоставляя им информацию о дислокации советских войск в обмен на снабжение вооружением³³¹.

Деятельность украинских повстанцев строилась на указаниях Организации украинских националистов о борьбе «за свободную Украину», «против немцев и большевистской Москвы»: «Хотя Россия выиграет войну и разобьет немцев, но мы борьбы своей не прекратим, пока не создадим великой соборной державной Украины». Среди гражданского населения оуновцы вели активную агитацию о неподчинении советской власти. ОУН имела разветвленную подпольную сеть: в рамках начав-

шейся в 1946 г. чекистской операции «Берлога» на территории СССР было выявлено 14 окружных, 37 надрайонных и 120 районных отделений («проводов») ОУН.

Деятельность повстанцев была распространена во всех регионах Западной Украины и Северной Буковины, а также в регионах, территориально прилегавших к Западной Украине — Каменец-Подольской и Винницкой областях. Чем ближе к западной границе СССР, тем сильнее было развито повстанческое движение. На Восточной Украине, где население, по мнению некоторых исследователей, в отличие от «галичан» (население Западной Украины), не страдало «комплексом национальной неполноценности»³³², ОУН и УПА не смогли найти много сторонников. Тем не менее и там они создали подпольные структуры — в 1943 г. на востоке Украины советские чекисты выявили 26 групп ОУН в составе 226 чел.

В Западной Белоруссии и Виленском крае (восточная часть Литвы), где поляки составляли значительную часть населения, развила свою деятельность подпольная военная организация польского правительства в изгнании — «Армия крайова» (АК). Группы аковцев ставили себе задачу борьбы с советской властью и Польским национальным комитетом освобождения*, с целью воссоздания Польши в «старых» границах (с включением Западной Украины, Западной Белоруссии и Виленского края). Аковцы нападали на советские тылы, совершали убийства советских служащих, организовывали диверсии на железной дороге, пытались сорвать мо-

* Просоветское временное правительство Польши.

билизацию в Красную Армию и дезорганизовать деятельность советских учреждений. Деятельность «польского подполья» проявилась и на Западной Украине. В ночь с 21 на 22 ноября 1944 г. во Львове на стенах домов и учреждений были расклеены лозунги на польском языке: «Польский город Львов был и будет польским». На здании Львовского горсовета был вывешен польский флаг. Развернуть более активную повстанческую деятельность на Западной Украине полякам не давали их враги — украинские повстанцы³³³.

К началу августа 1944 г. было разоружено 7934 члена «Армии крайовой». Однако деятельность АК и «польского подполья» была окончательно подорвана только состоявшейся в 1946 г. акцией по «обмену населением» между СССР и Польшей. Эта акция встретила сопротивление среди поляков, которые верили, что СССР под давлением «западных демократий» будет вынужден признать «старую» границу Польши. Тем не менее переселение было осуществлено — к маю 1946 г. из Украины, Белоруссии и Литвы в Польшу выехали 1016 тыс. поляков и было записано на выезд еще 713 тыс. чел., из Польши в СССР въехали 379 тыс. украинцев, 33 тыс. белорусов и было записано на выезд еще 30 тыс. чел.

К моменту освобождения Литвы на ее территории действовали националистические группы «Литовский национальный фронт», «Независимая Литва», «Железный волк», «Гедиминас» и «Литовская освободительная армия», которая была самой многочисленной и имела в своем составе вооруженные отряды «Ванагай». Эти группы боролись за восстановление независимости Литвы. Ряд литовских «отрядов самообороны» проявил себя уже при

вступлении Красной Армии в Литву летом 1944 г., оказав советским войскам вооруженное сопротивление. Деятельность литовских повстанческих групп активизировалась в сентябре 1944 г., по-утихла зимой 1944/45 г. и возобновилась с наступлением весны. К апрелю 1945 г. органами НКВД и НКГБ было арестовано 9 тыс. чел., основную массу которых составляли участники повстанческих формирований. В апреле — мае 1945 г. повстанческие проявления имели место в большинстве уездов республики. Кроме вооруженных выступлений, повстанцы занимались распространением антисоветских объявлений и призывов к населению, особенно при проведении в жизнь военного займа и в период весеннего сева. В июне 1945 г. в Литве действовали 142 повстанческих группы (6246 чел.), в том числе 11 польских (1198 чел.).

В некоторой мере развитию деятельности повстанцев в Литве способствовали факты грабежей и прочих «бесчинств» со стороны некоторых военнослужащих Красной Армии. Первый секретарь компартии Литвы А. Снечкус указывал советскому командованию, что красноармейцы относились к Литве «как к фашистской Германии», а также утверждал, что «если грабеж и бесчинства будут продолжаться, то у нас и последние симпатии к Красной Армии пропадут»³³⁴. Не оспаривая утверждения лидера литовских коммунистов, отметим, что отношение советских солдат к Литве как «союзнице Гитлера» имело под собой основание, принимая во внимание привилегированное положение прибалтийских народов во время оккупации, размах их сотрудничества с гитлеровцами и сопротивления при вступлении Красной Армии.

На территории Латвии начальный период освобождения и восстановления советской власти проходил сравнительно спокойно. В этот период повстанцы налаживали между собой связь. К декабрю 1944 г. повстанческая сеть была сформирована. В январе 1945 г. подпольный центр созвал совещание повстанцев, на котором были назначены руководители повстанческих групп по уездам, было дано задание о дальнейшей организации таких групп на местах. К февралю 1945 г. повстанцы распространили свою деятельность на территорию 6 уездов Латвии, при этом были отмечены 3—4 крупных центра повстанческих групп (450—500 чел.). В конце 1944 г. — начале 1945 г. органы НКГБ Латвийской ССР раскрыли деятельность ряда подпольных антисоветских организаций, в т.ч. «Латвияс Сарги» («Стражи Латвии») и «Майский флаг». Было арестовано 6700 участников таких организаций.

С апреля 1945 г. территориальная сфера проявлений повстанческой активности в Латвии расширилась — теперь она охватывала 9 уездов республики (из 19). При этом уголовная составляющая в деятельности повстанцев, где она была, сошла на нет, и осталась только политическая. Органы прокуратуры сообщали, что «если раньше убийство советско-партийного актива сопровождалось ограблением, то сейчас наблюдаются факты убийства без разорения хозяйства, а только со специальной целью совершения террористических актов». Активизация деятельности повстанцев объяснялась как летним периодом, так и тем, что после капитуляции немецких войск в Курляндии в лесах скрылась часть солдат и почти весь командный состав Латвийского легиона СС и «власовских» час-

тей. Советское командование питало надежды на скорую легализацию повстанцев, которые оказались в таких группах «случайно». Действительно, в первом полугодии 1945 г. добровольно «вышли из лесов» 1500 повстанцев³³⁵.

В освобожденных районах Эстонии до весны 1945 г. существенных повстанческих проявлений не было, что объясняется ожиданием эстонцами безболезненного восстановления независимости своей республики от СССР. Уверенность в этом была так сильна, что настроения среди местного населения были даже положительными по отношению к советской власти. Советские органы отмечали, что эстонское население «очень довольное» наличием советских эстонских национальных частей, при этом многие люди выражали надежду, что Эстонский корпус Красной Армии станет ядром будущей армии независимой Эстонии. В лесах скрывались только отдельные группы участников эстонской националистической организации «Омакайтсе» и солдаты гитлеровских эстонских частей. Вплоть до конца войны у антисоветских повстанческих групп Эстонии преобладала выжидательная, «оборонительная» тактика³³⁶.

Затем в их деятельности наступил новый этап, обусловленный тем, что надежды на признание независимости Эстонии, как и на войну «западных демократий» с СССР, не сбылись. К началу мая 1945 г. на территории республики антисоветская деятельность стала активизироваться. Отмечались нападения на работников совпартактива, а также массовое распространение листовок с требованиями к населению «не пользоваться землей и инвентарем, отобранным у кулаков, и не состоять в сельском

советском активе». 1 мая 1945 г. в производстве органов НКГБ Эстонской ССР находились дела «по контрреволюционным преступлениям» на 3896 чел. Значительную помощь повстанцам в Эс-

«Лесные братья»

тонии («лесным братьям») оказывали подпольные группы, действовавшие в городах и крупных поселках («городские братья»), которые снабжали «лесных» документами, медикаментами и сообщали им о предполагаемых облавах и арестах. В эту деятельность были вовлечены организации школьной молодежи, которые зачастую прикрывались комсомолом³³⁷.

Повстанческое движение в Молдавии, где оккупация усилила позиции Румынии и укрепила идею присоединения Бессарабии к Румынии, выразилось в 1944 г. в создании антисоветских групп, совершении терактов, саботаже хлебозаготовок, однако к 1945 г. оно сошло на нет³³⁸.

Антисоветские повстанцы на западных территориях СССР использовали различные формы борьбы. Во-первых, открытые боестолкновения с частями Красной Армии и НКВД, в том числе нападения на военные транспорты и партизанские отряды (в начальный период освобождения от гитлеровцев). Во-вторых, нападения на села и райцентры, при совершении которых повстанцы использова-

ли форму НКВД и Красной Армии, что позволяло им вводить в заблуждение советские гарнизоны и местных жителей. В-третьих, противодействие мобилизации в Красную Армию в виде «возврата» призывников с призывных пунктов и проведения собраний жителей с предупреждением, что «если кто пойдет в Красную Армию, то все их родственники будут уничтожены». В-четвертых, индивидуальный террор, который часто сопрягался с нападениями на села и райцентры.

Основной целевой группой для террора были сельский актив (председатели и члены сельсоветов, другие активисты), работники советских, партийных и комсомольских органов, гражданских учреждений (в частности, сберкасс), сотрудники НКВД и НКГБ, военнослужащие Красной Армии, демобилизованные военнослужащие Красной Армии из числа местных жителей, бойцы истребительных отрядов, крестьяне, получившие землю от советской власти. Справедливости ради следует отметить, что повстанцы, в частности члены УПА, не всегда убивали военнослужащих Красной Армии, когда имели такую возможность. В частности, в апреле 1944 г. группа УПА разоружила и затем отпустила 10 красноармейцев. Очевидно, часть повстанцев УПА руководствовались неким «Планом действий», экземпляр которого был обнаружен советскими органами: «Красноармейцев разоружать и отпускать, а офицеров направлять в штаб... Коммунистов и советский актив уничтожать на месте»³³⁹.

Антисоветские повстанцы на западных территориях СССР совершали вопиющие преступления, в частности убийство жен и малолетних детей советских работников, семей сельских активистов,

родственников бойцов истребительных отрядов, в том числе малолетних. В апреле 1945 г. литовские повстанцы убили крестьянина И. Стражинскиса, его жену и дочь всего лишь за то, что «их родственник работает в истребительном батальоне»³⁴⁰.

В опасности находились семьи советских военнослужащих. В декабре 1944 г. во Львовской области была убита семья украинца военнослужащего, добровольно ушедшего в Красную Армию, — мать, жена и трехлетний ребенок. Террору подвергались родственники тех, кто добровольно покинул повстанческое движение, а также простые граждане, заподозренные в связях с «Советами». На телах убитых селян повстанцы оставляли записки «Смерть сексотам»³⁴¹. Цель таких акций понятна — запугивание населения, предотвращение оказания помощи советским органам в борьбе с повстанцами, а также месть тем, кто служил советской власти. Однако она не может служить оправданием жестокости и бесчеловечности повстанческих акций по убийству мирного населения.

В конце войны УПА изменила свою тактику относительно борьбы с поляками, пойдя на сотрудничество с «польским подпольем» ради совместной борьбы против Советского Союза. В то же время УПА препятствовала переселению украинцев из Польши в рамках «обмена населением»³⁴².

Известны факты зверств повстанцев над схваченными ими людьми, в частности на Украине и в Литве. В ноябре 1944 г. украинские повстанцы напали на дороге на секретаря Лисецкого райкома Станиславской области и еще нескольких советских работников. Председатель райкома был захвачен и зверски замучен в лесу — у него были «отре-

заны уши и нос, а глаза вынуты из орбит». В апреле 1945 г. литовские повстанцы захватили в лесу работников НКВД (литовцев и русских по национальности), которых подвергли «зверским пыткам, им обрезали уши, перебили позвончики, выкололи глаза, а затем расстреляли». У некоторых погибших имелись следы пыток на костре³⁴³.

От рук повстанцев погибли в 1944 г.: 4912 чел. на территории Украины, 582 чел. — Литвы, 221 чел. — Белоруссии, 62 чел. — Эстонии, 43 чел. — Латвии, в I полугодии 1945 г.: 4080 чел. — на Украине, 1047 чел. — в Литве, 357 чел. — в Белоруссии, 239 чел. — в Латвии, 110 чел. — в Эстонии. Был также отмечен рост потерь НКВД, НКГБ и войсковых частей при проведении операций по борьбе с повстанцами в 1945 г. по отношению к 1944 г.

Жертвами повстанцев были люди в основном

этой же национальности. Например, в данных об убитых в Литве повстанцами парторботниках, активистах, милиционерах в подавляющем большинстве встречаются литовские фамилии. Очевидно, что лицами этой же национальности, что и повстанцы, было подавляющее большинство, если не все, из числа

Листовка УПА

убитых ими сельских активистов, членов истребительных батальонов, семей красноармейцев из числа местного населения. Деятельность повстанцев оказывала значительное воздействие на местное население, которое пребывало в запуганном состоянии. В Волынской области (Украина) в 7 сельсоветах председатели не работали ввиду «боязни бандитов». В июне 1945 г. в отдельных уездах Латвии повстанческие группировки буквально «парализовали» мирное население.

Повстанцы проводили собственную мобилизацию местного населения. В частности, в октябре 1944 г. УПА объявила мобилизацию призывников 1927—1928 годов рождения, разослав повестки о явке допризывников на сборный пункт, где с ними было проведено совещание, а затем они были отпущены. В течение октября — ноября 1944 г. западноукраинские повстанцы систематически осуществляли увод призывников из учебного пункта военкомата в лес.

В первой половине 1945 г. по отношению к 1944 г. был отмечен рост числа повстанческих групп и участников в них на территории Прибалтики в 2,8 раза, Западной Белоруссии — в 1,2 раза. На Западной Украине их число существенно не изменилось. По данным НКВД, к концу войны на территории Западной Украины численность повстанцев составляла как минимум 117 тыс. чел., в Западной Белоруссии — 5 тыс. чел., Литве — 17 тыс. чел., Латвии — 1,5 тыс. чел., Эстонии — 1,2 тыс. чел.³⁴⁴. Возможно, что реальное число повстанцев в Прибалтике было намного больше — до 30 тыс. литовцев, 15 тыс. латышей, 10 тыс. эстонцев³⁴⁵.

Повстанческое движение на западных территориях СССР не зависело от помощи гитлеровцев, т.к. в мае — июне 1945 г., когда гитлеровцы по объективным причинам уже не могли оказывать помощь повстанцам, на Западной Украине и в Литве был отмечен рост числа повстанческих проявлений.

Борьба советских органов с повстанцами вначале шла проблематично. В начале осени 1944 г. эта деятельность не давала результата, «ввиду отсутствия необходимой для этой борьбы вооруженной силы». В дальнейшем необходимые воинские ресурсы были выделены, а также были разработаны эффективные методы осуществления борьбы с повстанцами.

В качестве методов социальной мобилизации населения на противодействие повстанцам использовалось проведение совещаний советского и партийного актива, сотрудников НКВД и НКГБ, командиров войсковых частей, работников потребкооперации, интеллигенции, крестьян. В райцентры и села были направлены представители местного партийного, советского и комсомольского актива, активистов из числа рабочих, служащих и интеллигенции, в том числе беспартийных. При сельсоветах были созданы постоянно действующие комиссии по борьбе с повстанцами и группы самозащиты.

Была осуществлена депортация семей участников повстанческих формирований с целью лишить повстанцев их социально-экономической базы, в т.ч. снабжения продовольствием, одеждой и пр. Из западных областей Украины в 1944 г. было выселено 4744 семьи (13 320 чел.), за I полугодие 1945 г. — 5395 семей (12 773 чел.). Уже в октябре

1944 г. отмечалось, что выселение семей активных повстанцев привело к значительному улучшению обстановки. Снизить поддержку повстанцев со стороны их сообщников в селах и городах позволили аресты «бандпособников»: за первое полугодие 1945 г. на Западной Украине были арестованы 5717 чел., в Литве — 1241 чел., в Эстонии — 103 чел. Как мера устрашения были проведены показательные судебные процессы и публичные казни, в частности в наиболее неблагополучных в повстанческом отношении уездах Латвии. Выявлению повстанцев служила перепись населения (была проведена на Западной Украине в январе — феврале 1945 г.).

В качестве военных методов использовались облавы, блокада населенных пунктов и лесных массивов с целью разрушения связи между повстанцами («лесом») и их сообщниками («селом»), расквартирование постоянных гарнизонов НКВД в селах и райцентрах, спецоперации в населенных пунктах (обыски, прочесывание местности около населенных пунктов), организация «случайных точек» (замаскированные под вид «лесорубов» или «крестьян на полевых работах» базы НКВД для постоянного наблюдения за местностью). В этой работе советским чекистам помогала сеть агентуры и информаторов.

В деятельности по борьбе с повстанческим движением иногда допускались серьезные перегибы. Например, 17 ноября 1944 г. оперативная группа милиции, прибыв в село Красиёво Тернопольской области, без достаточных к тому оснований открыла стрельбу и начала в разных концах села под-

жигать дома, в результате чего было уничтожено 117 крестьянских хозяйств, в том числе 14 хозяйств семей военнослужащих Красной Армии, убито 6 мирных жителей, в том числе отец красноармейца. 9 января 1945 г. в селе Чайковичи Дрогобычской области в доме некоего Тимковича группой УПА был убит участковый инспектор милиции. Вины хозяина дома в этом не было, т.к. повстанцы проникли в его дом под видом членов истребительного батальона. Тем не менее на следующий день группа сотрудников НКВД под руководством начальника милиции, прибыв в село, без суда и следствия расстреляла Тимковича, сожгла 9 дворов, в том числе 3 дома семей военнослужащих Красной Армии, и присвоила часть их имущества. По таким фактам 22 марта 1945 г. ЦК Компартии Украины принял постановление «О фактах грубых нарушений законности в западных областях УССР», согласно которому предписывалось обеспечить строгое соблюдение законности при осуществлении мер борьбы с повстанческим движением.

Возвращение советской власти было негативно воспринято определенной частью или даже большинством прибалтийского населения³⁴⁶, поэтому как антисоветские повстанческие силы, так и антисоветски настроенная часть мирного населения Литвы, Латвии и Эстонии возлагали надежды на помощь «западных демократий» (в первую очередь США и Великобритании), особенно после окончания войны с Германией. Повстанцы ждали войны «западных демократий» с СССР, прямую военную помощь от них или как минимум того, что США и Великобритания окажут давление на советское руководство с целью принудить его признать незави-

симость республик Прибалтики на основании «Атлантической хартии»³⁴⁷.

В Литве в мае 1945 г. распространялись слухи, что с 1 июня того же года «начнется борьба за освобождение независимой Литвы из-под ига коммунистов и жидов». Слухи обещали «непременный отход Советов под давлением с Запада» и даже то, что Красная Армия «уже уходит». Весной и летом 1945 г. в Литве ходили слухи, что США и Великобритания объявили войну СССР. В Эстонии, как считает ряд исследователей, большинство населения считало советскую власть «временным явлением». Есть мнение, что даже эстонские коммунисты надеялись на некоторую автономию³⁴⁸.

Основанием для таких ожиданий была неопределенная позиция руководства «западных демократий». В общественно-политических кругах Запада активно муссировался вопрос о «прибалтийской проблеме». Госдепартамент США продолжал официально признавать дипломатический корпус независимых до 1940 г. Литвы, Латвии и Эстонии, а правительство Великобритании занимало неопределенную позицию. Однако в результате «западные демократии» не оказали ни политической поддержки, ни открытой военной помощи антисоветским повстанцам в СССР. Это разрушило надежды антисоветских повстанцев в Прибалтике на восстановление независимости Литвы, Латвии и Эстонии, затруднило деятельность повстанцев и способствовало бегству части населения этих республик на Запад. По оценкам прибалтийских исследователей, уже во втором полугодии 1944 г. минимум 250 тыс. человек бежали из республик Прибалтики в Швецию, Финляндию и другие страны.

Жители западных территорий СССР преобладали среди «невозвращенцев» из числа перемещенных лиц: из оставшегося к 1 января 1952 г. на Западе 451 561 гражданина СССР 50% составляли представители народов Прибалтики, 32% — украинцы, 2,2% — белорусы³⁴⁹.

Кроме того, что антисоветское повстанческое движение являлось сильным дестабилизирующим фактором в политическом плане, оно оттягивало на себя значительные людские и военные ресурсы СССР: к марту 1944 г. только на борьбу с УПА было брошено 38 тыс. военнослужащих НКВД и 4 тыс. военнослужащих погранвойск по охране тыла, в конце 1944 г. в Белоруссию было направлено 18 890, в Литву — 6020 военнослужащих НКВД.

Антисоветское повстанческое движение, сформировавшееся на западных территориях СССР в конце Великой Отечественной войны, продолжалось в республиках Прибалтики до 1949 г. (сведения о небольших повстанческих группах и повстанцах-одиночках появлялись до середины 1950-х гг.), на Западной Украине — до середины 1950-х гг.³⁵⁰.

События, связанные с деятельностью антисоветского повстанческого движения, оказывают серьезное воздействие на внешнюю и внутреннюю политику Латвии, Литвы, Украины и Эстонии, а также являются дестабилизирующим фактором во внутривнутриполитической жизни этих стран. Общеизвестны факты реабилитации коллаборационистов и активных пособников гитлеровцев под видом «борцов за независимость». На Украине предпринимаются усилия по «примирению» советских ветеранов, с одной стороны, и бойцов УПА, эсэсовцев и гитлеровских коллаборационистов, с другой

стороны. В Прибалтике ветераны Красной Армии и советского партизанского движения подвергаются прямым преследованиям, вплоть до уголовного, сносятся памятники советским воинам, павшим в борьбе с гитлеризмом, и даже советская символика поставлена вне закона. Вхождение республик Прибалтики в СССР в 1940 г. объявлено «советской оккупацией», что прямо связано с желанием взыскать с России фантастического размера компенсации за «ущерб», якобы причиненный за годы «оккупации»: например, в 2008 г. Литва предъявила России требование выплатить за «оккупацию» 28 млрд долл. С этой же проблемой связана политика прибалтийских стран по дискриминации и вытеснению русскоязычного населения, противоречащая всем нормам международного права.

ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ

«ДЕСЯТКИ ТЫСЯЧ ДИВЕРСАНТОВ И ШПИОНОВ»

Депортация советских немцев и финнов

Депортации народов имели место в СССР еще до войны. В 1936—1937 гг. с целью «очищения» приграничной полосы СССР было проведено выселение польских и немецких хозяйств из Украины, этнических корейцев с Дальнего Востока. В 1939—1941 гг. была осуществлена депортация поляков-«осадников»* и членов семей «контрреволюционного и националистического элемента» с территории Западной Украины и Западной Белоруссии. 14 мая 1941 г. было принято решение о выселении «социально чуждого элемента» из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии, в том числе бывших жандармов, членов «контрреволюционных организаций», крупных помещиков, торговцев и пр., на основании которого в мае — июне 1941 г. с этих территорий было выселено 85 716 чел. В «добровольно-принудительном порядке» в Германию было репатриировано немецкое население терри-

* Осадники — граждане Польши, в основном участники советско-польской войны 1920 г., получившие земельные наделы на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии, отошедших Польше по Рижскому мирному договору (1921).

торий, вошедших в состав СССР в 1939—1940 гг., в том числе 86 тыс. чел. с Западной Украины и 124 тыс. чел. из Молдавии.

Первой жертвой депортаций военного времени в СССР стали этнические немцы, большинство которых проживало в АССР немцев Поволжья (АССРНП), Саратовской, Сталинградской областях и других регионах европейской части СССР. С первых дней войны немцы Поволжья вместе с другими народами страны ковали победу над врагом. В годы войны некоторые из них (П. Миллер, М. Гаккель, Р. Клейн и др.) за совершенные подвиги получили звание Героя Советского Союза³⁵¹. Обком ВКП(б) проводил митинги, на которых представители советских немцев выступали с патриотическими обращениями, и сообщал, что «с каждым днем растет патриотизм трудящихся масс». 15 июля 1941 г. «Правда» писала: «В дни Отечественной войны трудящиеся Республики немцев Поволжья живут едиными чувствами со всем советским народом. Тысячи трудящихся республики с оружием в руках пошли бороться против бешеного германского фашизма».

Однако с самого начала войны проявилась тенденция рассматривать советских немцев как нелояльный контингент. Несмотря на то что от населения АССРНП поступило 2500 заявлений с просьбой отправить добровольцами на фронт, военкоматы отказывали советским немцам в призыве, что вызвало открытое недовольство среди немецкой молодежи.

В июле 1941 г. советское руководство принимает решение о депортации советских немцев. Основанием для этой меры послужили как умозритель-

ные опасения о возможном массовом переходе советских немцев на сторону врага, так и донесения с фронта об обстреле немецким населением отступающих войск Красной Армии³⁵². В конце июля 1941 г. в ходе негласного визита Л.П. Берии и В.М. Молотова в АССРНП была проведена подготовительная работа по депортации. Сама операция была отложена на конец лета, очевидно, из-за необходимости дожидаться уборки урожая.

26 августа 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) официально приняло решение о депортации немцев Поволжья. 28 августа 1941 г. был издан соответствующий Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором говорилось, что среди немецкого населения Поволжья «имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья». Немецкое население было обвинено в том, что оно не сообщало «о наличии такого большого количества диверсантов и шпионов» и, следовательно, скрывало их в своей среде. С целью предотвращения «карательных мер против всего немецкого населения Поволжья» было решено переселить немцев в Новосибирскую, Омскую области, Алтайский край, Казахскую ССР и другие районы страны. Выселение производилось не целыми колхозами, а в уже существующие колхозы группами хозяйств³⁵³, что, очевидно, преследовало цель распыления советских немцев среди других народов.

8 сентября 1941 г. вышло распоряжение Государственного комитета обороны об изъятии немцев из армии, на основании которого в 1942—

1945 гг. была проведена демобилизация всех военнослужащих немецкой национальности (всего 33 516 чел.)³⁵⁴. 5 сентября 1941 г. на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «Об административном устройстве территории бывшей Республики немцев Поволжья» последняя была поделена между Саратовской и Сталинградской областями.

В течение периода с августа по октябрь 1941 г. были приняты решения о депортации немцев из Москвы, Московской, Ростовской, Тульской, Запорожской, Сталинской, Ворошиловградской, Воронежской областей, Краснодарского и Орджоникидзевского краев, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР, Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР. НКВД СССР рапортовал, что к 25 декабря 1941 г. было депортировано 856 168 чел. немецкой национальности, в т.ч. из бывшей АССРНП — 446 480 чел., Саратовской области — 46 706 чел., Сталинградской области — 26 345 чел. Однако на деле выселение затянулось до февраля — марта 1942 г.³⁵⁵.

29 августа 1941 г. было принято решение о переселении из пригородов Ленинграда немецкого и финского населения в количестве 96 тыс. чел. Операцию полностью завершить не удалось, так как железнодорожное сообщение с Ленинградом было прервано. В результате было выселено 2,5 тыс. финнов (и еще 9 тыс. в марте 1943 г. из кольца блокады). 3 апреля 1942 г. ГКО принял решение об изъятии из армии лиц финской национальности и направлении их в рабочие колонны НКВД.

В дополнение, в 1941—1942 гг. была проведена депортация «иностранных подданных и лиц, при-

знанных социально опасными», а также лиц немецкой и румынской национальности, крымских татар и греков с территории Краснодарского края и Ростовской области.

28 августа 1941 г. в составе НКВД СССР был создан Отдел спецпереселений, в задачу которому ставилась разработка и реализация мероприятий по переселению жителей немецкой национальности в глубинные районы страны. Депортированные получили особый правовой статус «спецпереселенцев». Каждый спецпереселенец был обязан строго соблюдать установленный режим и подчиняться распоряжениям спецкомендатуры НКВД, не имел права без разрешения НКВД отлучаться за пределы района расселения (самовольная отлучка рассматривалась как побег и влекла суровую ответственность).

На основании постановлений ГКО от 10 января 1942 г. и 14 февраля 1942 г. все немцы-переселенцы мужского пола в возрасте от 17 до 50 лет, годные к физическому труду, были мобилизованы в рабочие колонны НКВД и Наркомата путей сообщения. С 7 октября 1942 г. мобилизации в рабочие колонны на все время войны дополнительно подлежали немцы — мужчины в возрасте 15—16 лет и 51—55 лет включительно, годные к физическому труду, и женщины в возрасте 16—45 лет включительно, кроме беременных и имевших детей в возрасте до 3 лет. Мобилизованные были отправлены на предприятия Наркомугля и Наркомнефти. За неявку на сборный пункт или самовольное оставление работы была установлена уголовная ответственность³⁵⁶. Хотя, по воспоминаниям современников, массовых проявлений ненависти к депортированным немцам

не было³⁵⁷, их положение усугублялось самой их национальной принадлежностью. Слово «немец» уже с начала войны приобрело негативный, ругательный оттенок. Клич «Убей немца!», брошенный И. Эренбургом, кое-кем переносился на депортированных немцев³⁵⁸.

Таким образом, депортации народов в период с июня 1941 г. по июнь 1942 г. с моральной и политической точки зрения являлись «наказанием» народов, титульных для стран-агрессоров. Со стратегической точки зрения депортации преследовали превентивную цель — предотвращение массового перехода граждан немецкой, финской и других национальностей на сторону врага, организации ими восстаний и диверсий в тылу.

Действительно, в странах Европы этнические немцы в планах гитлеровцев играли роль «пятой колонны». Они были хорошо организованы, «заграничная организация» НСДАП вела среди них усиленную националистическую пропаганду³⁵⁹. Однако по объективным причинам гитлеровцы физически не могли вести такую деятельность на территории СССР, поэтому возможность массовой принадлежности советских немцев к «пятой колонне» была маловероятной. Даже принимая во внимание то, что подавляющая часть (350 тыс. чел.) оказавшихся под оккупацией советских граждан — этнических немцев — приняла статус «фольксдойче»³⁶⁰, следует принимать во внимание, что часто главным мотивом такого шага были не симпатии к национал-социализму, а более чем существенные льготы на получение продуктов питания, одежды и мебели.

«ПО УКАЗКЕ НЕМЦЕВ СОЗДАВАЛИ ДИВЕРСИОННЫЕ БАНДЫ...»

Депортация народов Кавказа и Крыма

В конце 1943 г. в СССР начался новый виток депортаций народов. Как уже говорилось, положение на Северном Кавказе было тяжелым еще до начала войны — в этом регионе, особенно на территории Чечено-Ингушской АССР, многочисленными были проявления антисоветского повстанческого движения. По некоторым данным, еще в 1940 г. Генштаб Красной Армии предлагал принять в отношении населения ряда регионов Северного Кавказа «специальные меры» в виде депортации³⁶¹.

С целью борьбы с разросшимся после оккупации повстанческим движением в апреле 1943 г. из Карачаевской АО было выселено 673 члена семей «бандглаварей и активных бандитов». Однако этой меры советскому руководству показалось недостаточно. 12 октября 1943 г. был издан Указ Президиума ВС СССР и 14 октября 1943 г. — Постановление СНК СССР о выселении всего карачаевского народа в Казахскую и Киргизскую ССР. Эта мера была основана на утверждении, что «в период оккупации многие карачаевцы вели себя предательски, а после изгнания оккупантов противодействуют проводимым советской властью мероприятиям, скрывают от органов власти врагов и заброшенных немцами агентов, оказывают им помощь». 27 декабря 1943 г. Карачаевская АО была ликвидирована, а ее территория частично осталась в составе Ставропольского края, частично передана в состав Краснодарского края и Грузинской ССР. Всего

было депортировано 59 506 карачаевцев, при этом 2543 карачаевца демобилизованы из армии³²⁴.

В декабре 1943 г. Президиум ВС СССР и Политбюро ЦК ВКП(б) приняли решение «о ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР». Калмыки, в т.ч. из сопредельных с Калмыцкой АССР регионов, подлежали депортации в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области. Основанием для депортации было обвинение калмыцкого народа в бандитизме и сотрудничестве с гитлеровцами, в т.ч. сдаче в плен части воинов 110-й калмыцкой кавалерийской дивизии. Основанием для депортации стало обвинение калмыцкого народа в сотрудничестве с гитлеровскими оккупантами и «бандповстанческой» деятельности. Однако в Красную Армию в период Великой Отечественной войны было мобилизовано от 28 до 30 тыс. калмыков (19—20% всей численности народа), из которых от 16 до 17 тыс. погибли³⁶³. Численность же военных коллаборационистов из числа калмыков была минимум в 4 раза меньше — от 3,5 до 7 тыс. чел.³⁶⁴. Число всех жителей Калмыкии (не только калмыков по национальности), сотрудничавших с гитлеровцами в гражданской сфере и впоследствии ушедших вместе с оккупантами, составляло около 3,5 тыс. чел.³⁶⁵. Таким образом, для утверждений о «массовом коллаборационизме» среди калмыков оснований не было. Бандитизм на территории Калмыцкой АССР также не был из ряда вон выходящим: за 1943 г. в этом регионе было зарегистрировано 16 «бандпроявлений», в то время как в Ставропольском крае за этот же период — 160, в Дагестанской АССР — 112 «бандпроявлений»³⁶⁶.

Некоторые исследователи видят причину депортации калмыков в «давней неприязни» И.В. Сталина к калмыцкому народу³⁶⁷, обосновывая такое мнение его словами, сказанными в апреле 1923 г.: «Стоит допустить маленькую ошибку в отношении маленькой области калмыков, которые связаны с Тибетом и Китаем, и это отзовется гораздо хуже на нашей работе, чем ошибка в отношении Украины». На наш взгляд, отрицательного отношения к калмыцкому народу в этом высказывании не обнаруживается. Напротив, здесь подчеркивается значимость калмыцкого народа, что подтверждают другие слова Сталина: «Восточные народы... важны для революции, прежде всего»³⁶⁸. Такая позиция советского руководства была воспринята в среде калмыцкого народа. Бывший управделами СНК Калмыцкой АССР С.-Г.М. Манджиев говорил о депортации калмыков: «Эта мера явилась неожиданностью, ибо калмыцкий народ в восточной политике правительства играет важную роль как народ восточной расы»³⁶⁹.

Принимая во внимание отсутствие у советского руководства предубеждения по отношению к калмыцкому народу, следует согласиться с мнением о скоропалительности и спонтанности решения о депортации калмыков. За две с небольшим недели до их выселения (8 декабря 1943 г.) было принято специальное постановление правительства, имевшее противоположное назначение, — о выделении средств для восстановления Калмыцкой АССР и оказания помощи калмыцкому народу³⁷⁰.

К 3 января 1944 г. было депортировано 93 139 калмыков, а также арестовано 750 чел. из числа «банд-пособников, пособников оккупантов, антисовет-

ских элементов». 4105 калмыков было «изъято» из армии³⁷¹. Депортация вызвала непонимание со стороны основной массы калмыцкого населения и руководства республики. В январе 1944 г. бывший зампреда СНК Калмыцкой АССР Д. Гахаев писал Сталину о том, что «абсолютное большинство сознательной части калмыцкого народа предано советской власти», поэтому «непонятно, почему Вы решили выселить всех калмыков, включая невинных? Разве нельзя было выселить и послать на принудительную работу 10—15 тысяч виновных?»³⁷².

Следующими жертвами депортации стали чеченцы и ингуши. Решение о депортации этих народов, по некоторым данным, было принято 11 февраля 1943 г., однако Сталин и другие руководители государства высказались за то, чтобы подождать с этим шагом до изгнания гитлеровцев³⁷³. В октябре 1943 г. в ЧИАССР для изучения ситуации ездил замнаркома внутренних дел Б.З. Кобулов. В декабре 1943 г. были начаты подготовительные работы по депортации. 20 февраля 1944 г. в Грозный прибыл Берия, который 22 февраля 1944 г. встретился с руководством республики и высшими духовными лидерами, предупредил их об операции, намеченной на раннее утро 23 февраля 1944 г., и предложил провести необходимую работу среди населения. В результате было выселено 520 055 чеченцев и ингушей, а также арестовано 2016 чел. Во время депортации некоторые жители высокогорных аулов ЧИАССР смогли ускользнуть из сетей НКВД. Их обнаружение и депортация продолжались до лета 1944 г., а отдельные повстанческие проявления в горах Чечни, Ингушетии и Восточной Осетии регистрировались вплоть до 1947 г.

7 марта 1944 г. Президиум ВС СССР издал указ «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории», на основании которого был образован Грозненский округ (с 22 марта 1944 г. — Грозненская область), часть территории бывшей ЧИАССР отошла к Грузинской ССР, Северо-Осетинской и Дагестанской АССР. 29 апреля 1944 г. в районах Чечено-Ингушетии, отошедших к СОАССР, ингушские названия районов были заменены осетинскими. 19 июня 1944 г. Грозненский обком ЦК ВКП(б) принял решение о переименовании районов и районных центров и других населенных пунктов области (чеченские и ингушские названия были заменены русскоязычными)³⁷⁴. На территорию бывшей ЧИАССР были переселены мигранты — русские, украинцы, аварцы, даргинцы и осетины. В январе 1945 г. председатель СНК Дагестанской АССР А. Даниялов в докладной записке сообщил, что присоединение к ДАССР 6 районов бывшей ЧИАССР «было воспринято народами Дагестана как мероприятие, имеющее большое значение для республики», так как это позволило решить проблему малоземелья и перенаселенности в горах ДАССР. При этом желающих переселиться оказалось в несколько раз больше, чем нужно. Северо-Осетинский обком сообщил Сталину 20 июня 1944 г., что республикой «быстро осваиваются новые районы», отошедшие от бывшей ЧИАССР. Однако в целом на территорию бывшей ЧИАССР удалось переселить население, составлявшее только 40% от числа депортированного³⁷⁵.

Планы по депортации балкарского народа в наказание за «предательство» и «неспособность за-

щитить от немцев Эльбрус» родились у Берии в январе 1944 г. 2 марта 1944 г. Берия во время визита в Нальчик сообщил главе Кабардино-Балкарской АССР З.Д. Кумехову (кабардинец по национальности) о намерении выселить балкарцев, а их земли передать Грузии, чтобы та могла иметь «оборонительный рубеж» на северных склонах Северного Кавказа. Территориальные потери Кабарде предполагалось «компенсировать» землями Карачая и Черкесии³⁷⁶. Очевидно, такой «оборонительный рубеж» предполагался на случай, если бы какой-либо враг вновь подошел к Кавказскому хребту с севера, как это сделали гитлеровцы осенью 1942 г.

8—9 марта 1944 г. была проведена операция по выселению, было депортировано 44 415 балкарцев. Однако официально этот шаг был оформлен только 8 апреля 1944 г., когда Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиум ВС СССР издали решение «О переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР». Территория КБАССР, прилегающая к Эльбрусу, была передана Грузинской ССР. Другие земли балкарцев были переданы малоземельным колхозам Кабарды.

В мае — июне 1944 г. угроза нависла и над кабардинцами: 20 мая 1944 г. Берия запросил у Сталина разрешение выселить из Кабарды 2467 «немецких ставленников и предателей». В обоснование этой меры Берия предоставлял Сталину информацию о заброшке на Кавказ гитлеровцами агентов из числа кабардинцев в июле — августе 1944 г.³⁷⁷. Однако депортации кабардинского народа не последовало.

Как уже отмечалось, коллаборационизм был весьма распространен среди крымско-татарского

населения. В период оккупации Крыма оккупанты совместно с коллаборационистами уничтожили около 92 тыс. чел. из числа местного населения (10% населения Крымской АССР). Хотя на начало 1944 г. среди 3800 партизан Крыма было много крымских татар, считалось, что большинство из них были бывшими полицейскими, перешедшими к партизанам лишь за несколько дней до прихода Красной Армии. В то время как в материалах ЦШПД говорилось, что «разговоры о том, что крымские татары — враги советской власти» — это клевета, к апрелю 1944 г. руководство Крымского обкома ВКП(б) прямо обвиняло крымско-татарский народ «в пособничестве немцам», а в других документах отмечалось, что крымские татары «не приветствуют возвращение Красной Армии»³⁷⁸.

2 апреля и 11 мая 1944 г. Государственный комитет обороны издал постановления о выселении крымских татар из Крымской АССР в Узбекскую ССР, 29 мая 1944 г. — из Краснодарского края и Ростовской области в Марийскую АССР, Горьковскую, Ивановскую, Костромскую, Молотовскую и Свердловскую области РСФСР. Операция по депортации крымских татар была проведена с 18 по 21 мая 1944 г. 2 июня 1944 г. Берия предложил Сталину выселить с территории Крымской АССР проживавших там болгар, греков и армян. К 4 июля 1944 г. из Крыма было выселено 183 155 крымских татар, 12 422 болгарина, 15 040 греков, 9621 армянин, 1119 немцев, 3652 «иноподданных», а также «изъято» 7833 чел. «антисоветского элемента». 12 декабря 1944 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б) в Крыму были переименованы 8 райцентров и

районов с татарскими и 3 — с немецкими названиями³⁷⁹. Советская пропаганда предпринимала усилия, чтобы доказать, что Крым — это исконно русская земля, т.к. «русские владели Крымом» со времен Киевской Руси³⁸⁰.

31 июля 1944 г. Государственный комитет обороны издал постановление «О выселении из пограничной полосы Грузинской ССР турок, курдов и хемшинов» (в Казахскую, Киргизскую и Узбекскую ССР). В обосновании этой меры отмечалась «связь населения родственными отношениями с жителями Турции, проявление эмиграционных настроений, занятие контрабандой, шпионаж». С 20 сентября по 15 ноября 1944 г. было депортировано 91 095 представителей этих этнических групп, а на их место заселено 70 тыс. хозяйств из малоземельных районов Грузии.

16 июня 1944 г. состоялась первая после 1941 г. депортация из Прибалтики — было выселено 323 члена семей «бандглаварей и активных бандитов» из Литвы, а также 320 главарей и членов повстанческих групп. В ночь с 5 на 6 февраля 1945 г. были выселены 673 немца и лица без гражданства из Риги, которые были отправлены эшелонами в Коми АССР «для трудового использования». Массовая депортация из Прибалтики была проведена в 1948 г. (операция «Весна»).

Депортация семей «оуновцев» планировалась уже с начала 1944 г., еще до освобождения территории Западной Украины. К концу июля 1944 г. было депортировано 10 517 чел. В Молдавии с 1944 г. началось выявление и ликвидация «вражеских элементов» (кулаков, бывших помещиков, торговцев,

политических деятелей и членов их семей). Депортация таких «элементов» была проведена в июле 1949 г.

Депортации подверглись приверженцы секты «Истинно-православные христиане» из Воронежской, Рязанской и Орловской областей. Основанием для этой меры было то, что наиболее активные из них перешли на нелегальное положение, остальные — не платили налогов, не принимали советских документов, не отпускали детей в школу³⁸¹.

Переселенные финскими оккупантами в Финляндию ингерманландцы не были возвращены в места исконного проживания (Ленинградская область). 19 ноября 1944 г. было издано постановление Государственного комитета обороны о переселении их в другие регионы России³⁸².

Всего за годы Великой Отечественной войны с исконных мест проживания в СССР было переселено: немцев — 949 829 чел., чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев — 608 749 чел., калмы-

Депортация латышей. Июнь 1941 г.

ков — 91 919 чел., крымских татар, болгар, греков и армян — 228 392 чел., турок-месхетинцев, курдов и хемшинов — 94 955 чел., «немецких пособников» и фольксдойче — 5914 чел. В последние годы войны и после нее было депортировано: членов семей оуновцев — 100 310 чел. (1944—1947 гг.), членов секты «Истинно-православные христиане» — 1502 чел. (1945 г.), членов семей повстанцев из Литвы — 49 331 чел. (1945—1948 гг.)³⁸³.

Положение депортированных («спецпереселенцев») на новых местах проживания было тяжелым. Депортация привела к резкому росту смертности среди репрессированных народов: в 1944—1946 гг. умерло 23,7% чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев, 19,6% крымских татар, греков, болгар и армян, 17,4% калмыков, 14,6% турок-месхетинцев, курдов и хемшинов³⁸⁴.

Население районов, в которые осуществлялось выселение, в частности Казахской ССР, первоначально относилось с пониманием значимости этой меры в целях «внутренней безопасности в условиях военного времени». В то же время в ряде регионов, например в Киргизской ССР, отмечалось грубое отношение к депортированным, недоверие, оскорбления в их адрес, отказ в предоставлении необходимой помощи, хотя «основная масса депортированных работала добросовестно»³⁸⁵.

Закономерно, что депортированные народы восприняли насильственное переселение резко негативно. Среди чеченцев и ингушей были распространены антирусские и антисоветские настроения, бегство из мест поселения, переход на нелегальное положение, среди калмыков — антирусские и повстанческие настроения³⁸⁶. Советское руководство

опасалось возобновления повстанческой активности среди депортированных народов. В 1945 г. НКВД Казахской ССР издал для служебного пользования ориентировку по бандповстанческому движению в Чечено-Ингушской АССР³⁸⁷. Среди депортированных велась агентурная работа с целью предотвращения повстанческих выступлений. Уже к июню 1944 г. только в Казахстане из числа депортированных было арестовано 204 чел. за «антисоветскую деятельность», бандитизм и «терроризацию местного населения». С усилением повстанческих и иных уголовных проявлений в среде депортированных изменилось к ним и отношение со стороны населения Казахстана, которое открыто высказывалось: «К нам прибыли бандиты»³⁸⁸.

Среди прочих негативных аспектов депортации народов — массовое задействование для этой цели военнослужащих, техники, железнодорожных составов, которые были нужны на фронте. В акциях по депортации приняли участие 227 212 военнослужащих войск НКВД, а также 98 325 сотрудников органов госбезопасности и милиции.

Депортации народов внесли нестабильность в национальные отношения в СССР, породив среди массы населения Советского Союза слухи о возможной депортации других народов, в частности карелов, эстонцев и даже украинцев (вспомним выступление Хрущева на XX съезде КПСС). В Киргизии ходили слухи, что взамен ввезенных на территорию республики депортированных все «европейское» население Киргизии переселят на Кавказ³⁸⁹.

Последствием депортации народов было не только их помещение в непривычную среду обита-

ния, но и распыление среди коренного населения Казахстана, Средней Азии, Сибири и других регионов, ликвидация национально-территориальных образований, стирание этнонимов, передача исконных мест проживания другим народам. Перекраивание этнической и административной карты страны привело к негативным последствиям, проявляющимся до сих пор (осетино-ингушский конфликт, крымско-татарская, турко-месхетинская и другие проблемы).

Истинные причины депортаций народов СССР до сих пор не имеют единой трактовки. Советское руководство официально обосновывало депортацию следующим образом (на примере чеченцев и крымских татар): «Многие чеченцы и крымские татары по наущению немецких агентов вступали в организованные немцами добровольческие отряды и вместе с немецкими войсками вели вооруженную борьбу против частей Красной Армии, а также по указке немцев создавали диверсионные банды для борьбы с советской властью в тылу, причем основная масса населения Чечено-Ингушской и Крымской АССР не оказывала противодействия этим предателям Родины»³⁹⁰.

Современные исследователи в качестве причин депортаций указывают, во-первых, политические, в том числе устрашение присоединенных к СССР в 1939—1940 гг. народов; во-вторых, возмездие главному противнику и его союзникам в связи с началом войны (депортация этнических немцев, финнов и др.); в-третьих, наказание за «пособничество» врагу во время оккупации (депортация народов Северного Кавказа и Крыма); в-четвертых,

«превентивные меры» — избавление ряда народов от «соблазна совершения предательства»; в-пятых, военно-стратегические меры³⁹¹.

По мнению ряда исследователей, депортации народов имели своей целью решение национального вопроса, так как они были направлены на «запланированную ликвидацию многонационального состава империи, ассимиляцию малых народов в российском этническом море», создание «некоего интернационального, т.е. межнационально единого народа, названного Сталиным "новой, социалистической нацией"» с целью «всех сравнять, смешать, сnivelировать и создать единую, а значит, покорную общность». Усматриваются также «прогрузинские настроения» Сталина и Берии, которые хотели «предоставить Грузии приоритетную роль на Кавказе, заселить грузинами земли депортированных народов»³⁹².

По нашему мнению, депортации народов имели целью возмездие главному противнику и его союзникам, развязавшим войну (этнические немцы, финны и др.), наказание за «пособничество» врагу во время оккупации (народы Северного Кавказа и Крыма), а в целом носили военно-стратегический характер.

В частности, следует принять во внимание «турецкий фактор», который был на слуху уже в период депортаций. В среде депортированных было широко распространено мнение, что их выселили, «боясь нападения Турции» (чеченцы и ингуши, март 1944 г.), или даже потому, что Турция уже «начала войну против СССР» (турки-мехетинцы, декабрь 1944 г.)³⁹³.

Заключенный 18 июня 1941 г. договор о ненападении между Турцией и Германией способствовал достижению Турцией ее основной внешнеполитической цели — сохранению положения вне войны. 25 июня 1941 г. Турция объявила нейтралитет в советско-германской войне. Однако ее политика на начальном этапе войны определялась не столько договорами и обязательствами, сколько положением на советско-германском фронте. Уже в сентябре 1941 г. Германию посетил один из лидеров пантюркистского движения генерал К. Нури-Паша, который неофициально информировал гитлеровское руководство о притязаниях Турции на Кавказ, Крым, Среднюю Азию, а также Ирак, Иран и Сирию. В 1942 г. Германии практически удалось склонить Турцию на свою сторону. В августе 1942 г. руководители Турции информировали Берлин о своей заинтересованности в судьбе ряда советских территорий и о своем желании принять участие в решении этого вопроса. Турция сосредоточила у границ СССР 26 дивизий³⁹⁴.

Однако в сентябре 1942 г. турецкое правительство стало высказывать разочарование ходом боев на Северном Кавказе и под Сталинградом. Президент Турции М.И. Инёню, открывая 1 ноября 1942 г. заседание меджлиса, заявил, что Турция будет по-прежнему соблюдать строгий нейтралитет. Хотя позиция правящих кругов Турции до конца ноября 1942 г. еще вызывала у советского правительства серьезные опасения, после разгрома гитлеровцев под Сталинградом вопрос о вступлении Турции в войну на стороне Германии более не возникал. В первой половине 1943 г. нейтралитет Тур-

ции стал склоняться в пользу союзников. Весной и летом 1944 г. правящие круги Турции пытались всеми мерами продемонстрировать лояльность в отношении СССР³⁹⁵. Таким образом, в период депортаций народов Кавказа и Крыма, по нашему мнению, угроза вступления Турции в войну на стороне Германии уже перестала быть актуальной и не могла быть прямой причиной принятия решений о депортациях.

Однако депортация народов Кавказа и Крыма могла быть обусловлена не только «турецкой угрозой», но и любой другой гипотетической угрозой стране с южного направления, так как советское руководство могло считать некоторые национальные группы врожденно враждебными к СССР. Поэтому оно депортировало население, которому не доверяло, с границы и стратегических зон СССР, что устраняло угрозу повстанчества на этих территориях и сводило на нет возможность шпионажа и саботажа в среде этого населения.

Спорным вопросом является такая причина депортаций народов, как извлечение экономической пользы. По мнению одних исследователей, депортации «предоставили советскому правительству рабочую силу для развития экономики Сибири, Казахстана, Центральной Азии и других слабо населенных территорий»³⁹⁶. Другие исследователи не согласны с этим мнением, считая, что советское руководство после «кулацкой ссылки» осознало, что «труд спецпереселенцев не столь экономически эффективен, как труд заключенных»³⁹⁷. По нашему мнению, извлечение экономической пользы из депортаций народов очевидно (направление депортированных в «трудовые колонны» и пр.), но оно

не могло быть основной причиной осуществления депортаций.

Обоснованность депортаций народов в некотором аспекте также является спорным вопросом. Известно, что современное право не признает коллективного наказания. Поэтому с юридической точки зрения наказание группы лиц за преступление, которое совершила часть членов этой группы, является неправомерным. Наказание по признаку этнической принадлежности вовсе является преступлением против человечности³⁹⁸. Однако в отношении депортированных народов Кавказа публицист И.В. Пыхалов призывает рассматривать данный вопрос в контексте региональной специфики, так как «родившиеся и выросшие на Кавказе Сталин и Берия совершенно правильно понимали психологию горцев с ее принципами круговой поруки и коллективной ответственности всего рода за преступление, совершенное его членом». С этим вопросом тесно связано обоснование рядом исследователей «коллективного наказания» народов как «меньшего зла» в виде альтернативы тотальным репрессиям в отношении конкретных коллаборационистов. Известный публицист С.Г. Кара-Мурза считает, что такие репрессии вылились бы в этноцид. В качестве примера приводятся крымско-татарский и чеченский народы, значительная часть мужчин из числа которых могла подвергнуться обвинению в бандитизме и предательстве и получить наказание в виде смертной казни или длительного заключения. Поэтому, по мнению С.Г. Кара-Мурзы, депортация как «тип наказания, тяжелый для всех, был спасением от гибели для большей части мужчин, а значит, для этноса». Аналогичной точки

зрения придерживается И.В. Пыхалов, утверждая, что «с точки зрения формальной законности кара, постигшая в 1944 г. чеченцев и ингушей, была гораздо мягче той, что полагалась им согласно Уголовному кодексу» за массовое дезертирство, бандитизм, укрывательство диверсантов. И.В. Пыхалов считает, что депортацию народов можно определить как «гуманное беззаконие»³⁹⁹. На наш взгляд, тезис о депортациях народов как о более мягкой альтернативе тотальным репрессиям, равнозначным этноциду, можно рассматривать только гипотетически. Как известно, «история не терпит сослагательного наклонения».

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

«НИ ЖАЛОСТИ, НИ СОСТРАДАНИЯ»

*Гитлеровская национальная политика
на оккупированной территории СССР*

В первые месяцы войны на оккупированной территории Советского Союза оказалось население численностью до 68 млн чел., что, принимая во внимание численность населения СССР на июнь 1941 г. (196,7 млн чел.), составляло 34,6% населения страны. В первый период Великой Отечественной войны численность населения СССР, находившегося под оккупацией, постоянно оставалась значительной и даже возрастала в отдельные периоды войны (декабрь 1941 г. — 39,1%, март 1942 г. — 36,5%, ноябрь 1942 г. — 41,9%).

Как известно, отличие Великой Отечественной войны от других войн, в которых приходилось принимать участие нашей стране, состояло в том, что агрессор имел не только захватнические планы в отношении территории и ресурсов СССР, но ставил своей конечной целью геноцид народов Советского Союза, о которых А. Гитлер говорил так: «Население, которое принадлежит ко всем расам, одни названия которых мерзко произнести, а внешний вид у них такой, что их можно убивать, не чувствуя ни жалости, ни сострадания»⁴⁰⁰.

Согласно «Генеральному плану "Ост"», разработанному руководством СС⁴⁰¹, вся территория Советского Союза до Урала в той или иной степени

подлежала «германизации». В течение 30 лет после окончания войны планировалось выселить 65% населения Западной Украины, 75% — Белоруссии, более 50% — Литвы, до 50% — Латвии, менее 50% — Эстонии. На освободившихся землях должны были поселиться 10 млн немцев⁴⁰². Оставшиеся на оккупированных территориях местные жители должны были быть постепенно онемечены⁴⁰³. Еврейское население СССР планировалось уничтожить полностью. На территории Кавказа и республик Центральной Азии немцы планировали создать буферные квазигосударства, где, взамен на обеспечение охраны территории рейха от внешних посягательств, предполагалось провести «эксперимент» с предоставлением населению определенных прав⁴⁰⁴. Гитлеровцы рассчитывали на то, что народы Кавказа и казаки будут на их стороне⁴⁰⁵.

Ближайшие цели германской политики предполагали максимальную экономическую эксплуатацию населения оккупированных территорий. В частности, по отношению к украинцам была поставлена задача: «Если ими хорошо руководить и направлять их, то они являются послушной рабочей силой»⁴⁰⁶. Чтобы создать условия для бесперебойной эксплуатации, гитлеровцы скрывали свои планы послевоенного устройства мира. Декларация Гитлера от 22 июня 1941 г., в которой он обозначил причины и цели войны, начатой против СССР, ни слова не говорила о запланированном уничтожении государственности и геноциде народов СССР. Целью войны Гитлер лицемерно и лживо провозгласил наказание «иудейско-англосаксонских поджигателей войны и их помощников, а также евреев и московского большевистского центра»⁴⁰⁷.

Гитлеровская пропаганда стремилась дезинформировать и дезориентировать народы СССР, убеждая их в том, что война ведется «против коммунистов и их начальников-жидов, а не против народов российских»⁴⁰⁸. Массовым тиражом был выпущен плакат «Гитлер-освободитель». Солдаты и офицеры вермахта получили указание разъяснять населению, что они «пришли не как завоеватели, а как освободители». При этом рекомендовалось «не касаться вопросов "будущего устройства" в завоеванных областях». Широко использовалась антикоммунистическая («новая жизнь без каторжных колхозов, без потогонной стахановщины и социалистических соревнований»), антикапиталистическая («без капиталистов, без помещиков») и антисемитская риторика. Гитлеровская пропаганда пыталась убедить советских людей в том, что эта война является «отечественной» не для них, а для «жидов... потому что их отечество там, где они держат власть в своих руках»⁴⁰⁹. Выпущенная гитлеровской пропагандой в начале 1942 г. пресловутая брошюра «Der Untermensch» («Недочеловек») при всей своей антисемитской и антикоммунистической сущности не была прямо направлена против славянских народов, а в целом выставляла их как жертв «Недочеловека» (некий собирательный образ) в лице «коммунистическо-еврейской» власти⁴¹⁰.

Одним из главных идеологических орудий гитлеровцев являлось разжигание национальной розни между народами, при этом особенно поощрялась русофобия. Проводя идеологическую обработку украинцев, гитлеровцы утверждали, что главные враги украинцев — это «москалы», что

«украинцы выше русских», так как они пережили «живительное влияние арийской расы в Средние века». Для военнопленных украинцев устанавливался особый, более льготный режим, чем для русских. Часть их была в начале войны освобождена из плена и отпущена домой. Для Украины был выпущен плакат с портретом гетмана П.П. Скоропадского, а также использовались национальные символы — желто-голубой флаг и трезубец. В директиве «Об отношении войск к украинцам» говорилось: «Для каждого солдата вытекает обязанность обращаться с украинцами корректно и не как с врагами, если не проявляют враждебного отношения к немецкой армии»⁴¹¹.

Белорусам гитлеровская пропаганда стремилась доказать, что их враги — это русские, «которые эксплуатировали белорусов», а также поляки и евреи. Поэтому «счастливое будущее Белоруссии», согласно гитлеровской пропаганде, могло быть «только под защитой Германии» и при условии участия белорусов в «борьбе против Москвы» в лице советского партизанского движения. Оккупационные власти полностью запретили в Белоруссии употребление русского языка, а белорусский язык пытались перевести на латиницу. В гитлеровской методической разработке о преподавании истории в белорусской школе говорилось, что «изучение истории Белоруссии должно продемонстрировать тесную связь и помощь, которую оказывали белорусам немцы, и отсутствие единой тенденции в развитии Белоруссии и России»⁴¹².

Пропаганда велась гитлеровцами через издаваемые ими на языках народов СССР газеты и другие печатные издания. По состоянию на 14 ию-

ля 1942 г., в оккупированных районах СССР издавалось 133 газеты на украинском, латышском, русском, эстонском, литовском, польском, белорусском и татарском языках. В Киеве гитлеровцы издали большим тиражом брошюры «Правда о прошлом Украины», «Еврейство и его роль в Восточной Европе», «История борьбы с еврейским коммунизмом». В Латвии была издана книга «Жуткий год» (о «советской оккупации» 1940—1941 гг.). Гитлеровцы распространяли свои пропагандистские материалы также на неоккупированной территории СССР — только в период с 22 июня по 31 октября 1941 г. они сбросили на советскую территорию 400 млн экз. листовок⁴¹³.

Гитлеровцы открывали всевозможные антисоветские выставки и «музеи». В Прибалтике были организованы выставки на тему «Жертвы красного террора», с помощью которых оккупанты пытались внушить местному населению, что они «спасли» прибалтийские народы от «большевистских зверств» и «массовой высылки в Сибирь». В Житомире были созданы «украинский музей» и «архив». Гитлеровцы широко использовали в целях пропаганды музыкальные, театральные и прочие художественные коллективы, в частности украинские, которые организовывали концерты с исполнением песен на украинском языке и сцен из произведений Тараса Шевченко. Эти концерты сеяли ненависть к русским, пропагандировали антисемитизм. В Белоруссии пропаганда велась через созданные гитлеровцами «Белорусские народные дома». С пропагандистской целью были организованы экскурсии в Германию для ряда представителей местного населения⁴¹⁴.

О сути пропаганды, которую оккупанты пытались донести до русского населения, можно судить по статье «Правда о Германии», опубликованной в витебской газете «Новый путь» от 15 августа 1942 г.: «Немцы не бросили население на произвол судьбы. В городе — всеми возможными средствами помогли налаживать жизнь. И деревню не обидели, не выкачали из нее все до последней нитки. А весной ликвидировали ненавистные колхозы. Всем желающим русским рабочим немцы дали возможность получить работу в Германии. Большевики бешутся от мысли, что много уже русских людей освобождены от их ига и вместе с народами всей Европы куют теперь оружие, которое окончательно сметет кровавый большевизм с лица земли»⁴¹⁵.

Советская разведка отмечала, что оккупанты широко использовали националистическую пропаганду для убеждения населения в прочности и близости к нему «нового порядка». Гитлеровские радио, газеты и журналы надели на себя маску «глубоко национальных органов», выражавших интересы местного населения, часто пользовались народными пословицами и поговорками, публиковали народные песни, статьи о фольклоре, «возрождении национального самосознания», истории и краеведении. Примером такой пропагандистской деятельности может служить выпущенный гитлеровцами в конце 1941 г. на русском языке «Народный календарь на 1942 г. Спутник сельского хозяина». Содержание этого «Календаря» таково: биография Гитлера, портреты и биографии других нацистских вождей; «Календарь на каждый месяц» с памяtnыми датами нацистов и датами рождения

русских писателей, композиторов и пр.; «Церковный календарь»; «Крестьянин в национал-социалистической Германии» (славословия германскому укладу жизни и нацистским порядкам); «Советы по ведению хозяйства»; «Русское искусство» (биографии дореволюционных писателей, композиторов, литературные тексты, статья о русском театре и пр.); самоучитель немецкого языка. Видно, что гитлеровская пропаганда стремилась не дать русскому человеку задуматься о политической сути происходящего, а обратить его устремления на мещанский быт «мелкого хозяйчика». При этом создавались условия, исключавшие возможность всякого общения населения с советскими партизанами⁴¹⁶.

Гитлеровской пропаганде косвенным образом способствовали противоречия советской пропаганды довоенного периода: если в 1933—1939 гг. гитлеровская Германия выставлялась как «враг», то в 1939—1940 гг. отношение к ней поменялось чуть ли не до именованя ее «верным союзником». Такие колебания идеологии порождали растерянность советских граждан в отношении к гитлеровцам в начальный период войны⁴¹⁷.

В административном плане гитлеровцы предусматривали раздел европейской части СССР на пять административных областей под гражданским управлением («рейхскомиссариатов»): «Остланд», «Украина», «Московия», «Кавказ» и «Туркестан». На практике оккупанты успели создать два рейхскомиссариата — «Украина» (бóльшая часть Украинской ССР и южная часть Белорусской ССР) и «Остланд» (Прибалтика и центральная часть Белорусской ССР). Территория Молдавской ССР и часть Украины (Северная Буковина и земли меж-

ду Днестром и Южным Бугом) были оккупированы Румынией.

Оккупированная территория РСФСР оставалась под военным управлением. На ней не было создано централизованных органов «самоуправления». Гитлер рассматривал русский народ в качестве главного врага Германии и поэтому не желал предоставлять ему никакой «автономии». Деятелям русской эмиграции, которые, как видный деятель РОВС А.А. фон Лампе, предложили гитлеровцам свои услуги в антибольшевистской деятельности на территории России, было указано «сохранять спокойствие, не обращаться с проектами, воздерживаться от критики и комментариев». Эмигранты для себя объясняли это тем, что иная политика дала бы советскому руководству возможность вести пропаганду, что «с немцами идут "помещики" и "офицерье"»⁴¹⁸. Однако это было обусловлено нежеланием Гитлера привлекать к себе на службу «русских националистов».

Единственный факт наличия самоуправляемой русской гражданской и военной администрации был допущен на территории нескольких районов Курской и Орловской областей, с центром в поселке Локоть («Локотской особый округ», или «Локотская республика»). В ноябре 1941 г. «Локотской республике» во главе с волостным бургомистром К.П. Воскобойником гитлеровские власти предоставили полное самоуправление, взамен чего местные жители должны были защищать себя и тыл 2-й танковой армии вермахта от партизан. Контроль над деятельностью руководства «Локотской республики» осуществлялся через подразделение абвера, размещенное в пос. Локоть. Руководство

«Локотской республики» ликвидировало колхозы, имущество и инвентарь которых были розданы крестьянам. Крестьяне получили земельные наделы и были обложены налогами меньшими, чем при советской власти. «Локотская республика» имела театр, больницы, выпускала газеты⁴¹⁹.

25 ноября 1941 г. был опубликован манифест созданной руководством «Локотской республики» «Народной социалистической партии России "Викинг" ("Витязь")», в котором она брала на себя обязательство «создать правительство, которое обеспечит спокойствие, порядок и все условия для процветания мирного труда». Программа партии «Витязь» состояла из 12 статей, в том числе пункта, призывавшего к беспощадному уничтожению евреев и комиссаров, хотя провозглашалась амнистия всем комсомольцам и рядовым членам партии, а также тем «комиссарам», которые будут с оружием в руках бороться против «сталинского режима». В декабре 1941 г., с санкции германского командования, руководство «Локотской республики» приступило к созданию добровольческих полицейских отрядов, в основном из числа бывших военнослужащих Красной Армии. Советское руководство понимало политическую опасность «Локотской республики». В январе 1942 г. НКВД удалось уничтожить Воскобойника. Его место занял Б.В. Каминский⁴²⁰.

19 июня 1942 г. территория «Локотской республики» была расширена до пределов шести районов Орловской области и двух районов Курской области. В июне 1942 г. Каминский был назначен гитлеровцами командующим созданной в пределах округа полиции, которая получила название «Русская

освободительная народная армия» (РОНА). К концу декабря 1942 г. РОНА состояла из 13 батальонов общей численностью до 10 тыс. чел. Когда фронт докатился до «Локотской республики», большая часть ее населения ушла с гитлеровцами на запад. Остатки РОНА (4—6 тыс. чел.) были передислоцированы в Белоруссию, затем в Польшу. Один из ее полков активно участвовал в подавлении Варшавского восстания в августе 1944 г. Тогда же Каминский был убит либо гитлеровцами за неповиновение гитлеровскому командованию, либо польскими повстанцами. После войны органы госбезопасности СССР планомерно выявили большинство руководителей структур «Локотской республики», которые затем понесли наказание⁴²¹.

На оккупированной территории Карело-Финской ССР была установлена администрация Финляндии. К моменту прихода финских оккупантов на этой территории оставалось 40 тыс. чел. советского населения, из них 24 тыс. — карелы. Цель вступления в войну с СССР (26 июня 1941 г.) руководитель финского государства маршал К.-Г. Маннергейм обозначил как «крестовый поход» за «освобождение земель карелов». Поэтому финская оккупационная администрация, имея в планах будущее вхождение территории КФССР в состав Финляндии, стремилась привлечь карельское население на свою сторону. Для карелов бесплатно отпускались продукты питания, а финская пропаганда стремилась доказать им справедливость притязаний Финляндии на Кольский полуостров и Карельский перешеек. Проводилась активная «финнизация» карелов, при этом всячески подчеркивалось, что русское население в Карелии не име-

ет никаких корней и не имеет права проживать на ее территории. В донесениях советской разведки указывалось, что финская пропаганда стремилась всеми способами расхвалить все финское и очернить «все русское, все большевистское». Для обеспечения финского влияния каждая карельская семья, например, обязана была приглашать для новорожденного в качестве крестного финна, который перед государством отвечал «за правильное воспитание ребенка»⁴²².

Финские оккупанты широко использовали политику разобщения карельского и русского народов. Школы были открыты только для карельского населения. Бóльшая часть русского населения, включая русских, депортированных в Карелию финскими оккупантами из Ленинградской области (всего 20 тыс. чел.), была помещена в концлагеря. Оставшееся русское население подверглось выселению. Освобожденные от русского населения районы заселялись финнами и карелами из глубинных районов Финляндии, а также финнами, репатриированными в 1940 г. На 3 июня 1942 г. таких переселенцев было 178 тыс. чел. По отношению к оставшейся части русского населения были применены дискриминационные меры — паспорта другого цвета, более раннее наступление комендантского часа и пр. По воспоминаниям тех, кто пережил финскую оккупацию, финны проявили себя как «жестокие, антирусски настроенные нацисты», для которых русские «не были людьми»⁴²³.

От идеи создания централизованного «самоуправления» на Украине гитлеровскому руководству пришлось отказаться из-за опасений, что оно под влиянием украинских националистов может пе-

рерасти в нечто большее, что противоречило бы захватническим планам Германии. На оккупированной территории Украины во время оккупации развили свою деятельность оба крыла «Организации украинских националистов» (ОУН) — «бандеровцы» (ОУН-Б) и «мельниковцы» (ОУН-М). На территорию Украины вслед за гитлеровцами проникло от 3 до 5 тыс. членов ОУН. Специальная группа ОУН-Б достигла Львова, где 30 июня 1941 г. было объявлено о создании «Украинского правительства» во главе с Я. Стецько, о чем 2 июля 1941 г. был официально уведомлен МИД Германии. Провозглашение «независимости» Украины стало неприятным сюрпризом для германских властей, так как такой ход событий категорически не входил в их планы. С. Бандера, Я. Стецько и другие деятели ОУН-Б были арестованы (по данным украинских эмигрантских историков — в июле 1941 г., по советским данным — в сентябре 1941 г.). Деятельность ОУН-Б была поставлена под запрет. В ноябре 1941 г. был издан приказ об аресте и ликвидации членов ОУН-Б. Тогда же был разогнан «Украинский национальный совет», созданный А. Мельником, и ОУН-М также ушла в подполье. Подпольные группы ОУН продолжали действовать в основном в западной части Украины. Население Восточной Украины существенной поддержки ОУН не оказывало⁴²⁴.

Несмотря на подавление попытки провозглашения независимости Украины, сами гитлеровцы продолжали спекулировать на идее создания «самостоятельного украинского государства под главенством Германии». Они использовали в пропаганде сведения о создании украинских воинских

частей, которые якобы вели активные боевые действия «против русских и большевиков». Распространялись лживые слухи о сформированных в составе вермахта украинских корпусах, дивизиях и армиях⁴²⁵.

В качестве эксперимента по созданию временной самоуправляемой украинской администрации на территории Полесья была создана т.н. «Олевская республика», в которой власть на себя принял деятель украинского национального движения В.Д. Боровец, взявший псевдоним «Тарас Бульба». С разрешения вермахта он создал местную легковооруженную милицию под названием «Полеская сечь — Украинская повстанческая армия». Вместе с гитлеровскими карателями «бульбовцы» боролись против партизан и небольших красноармейских подразделений, оставшихся в лесах после отхода советских войск. Однако в ноябре 1941 г. для гитлеровского командования пришло время установить на территории, контролируемой «Сечью», свою гражданскую администрацию. Они приказали Боровцу распустить «Сечь» и все местные органы власти. В ответ он ушел в лес с отрядом в 100 человек и начал партизанскую борьбу как против гитлеровцев, так и против советских партизан. К концу 1942 г. отряды «бульбовцев» насчитывали до 5 тыс. человек⁴²⁶.

На территории Украины, оккупированной Румынией, румынская администрация проводила национальную политику, которая в корне отличалась от германской. Румынское руководство было уверено в том, что победа Германии приведет к созданию независимой Украины, которая потребует себе оккупированную Румынией территорию. По-

этому румынские власти сделали ставку на поддержку русского населения. Русский язык был признан официальным языком наравне с румынским и немецким. В Одессе был открыт русский театр, издавалась русскоязычная пресса. Практически открыто действовали русские националистические группы, в частности монархический «Союз русских офицеров», взявший девиз «Украины никогда не было, нет и не будет». Любая украинская национальная деятельность, даже в культурной среде, подавлялась⁴²⁷.

Национальная ситуация на оккупированной территории Крымской АССР характеризовалась прежде всего этнической пестротой: по довоенным данным, русские здесь составляли 49,6%, крымские татары — 19,4%, украинцы — 13,7%, евреи — 5,8%, немцы — 4,5%, греки — 1,8%, болгары — 1,4%, армяне — 1,1% населения. Поэтому националистические тенденции в Крыму проявились в своем многообразии. Еще до оккупации Крыма гитлеровцы разбрасывали на его территории листовки с призывом к крымским татарам «решить вопрос о их самостоятельности». Реакция со стороны крымско-татарских националистических деятелей не заставила себя ждать. 11 ноября 1941 г. в ряде населенных пунктов Крыма были сформированы «мусульманские комитеты». На базе этих комитетов 23 ноября 1941 г. в Симферополе был создан «Крымский комитет» с широко развитой деятельностью по всей территории полуострова. Целью деятельности «Комитета» являлось создание крымско-татарского государства под протекторатом Германии. По замыслу его основателей, он должен был принять на себя руководство жизнью всех крымских татар,

взамен оказывая поддержку интересам германской армии и администрации. Комитет издавал газету «Азат Кърым» («Свободный Крым») и журнал «Ана-Юрт» («Родина-мать»). Гитлеровцы, в свою очередь, проявляли по отношению к крымским татарам лояльность, переходящую в заискивание⁴²⁸.

Армянские националистические деятели Крыма также создали свои «комитеты». В декабре 1941 г. и январе 1942 г. в Симферополь прибыл ряд эмигрантов — деятелей партии «Дашнакцутюн» — во главе с Д. Канаяном («генерал Дро»), который, по данным советской разведки, «ставил армянам задачу вместе с немцами принять участие в "освобождении" Армении» с целью создания «Великой Армении под протекторатом немцев». Аналогичную деятельность развили в Крыму болгарские националисты во главе с полицмейстером Симферополя Федовым. Хотя создать «болгарский комитет» не удалось, были созданы болгарские полицейские отряды, которые, по данным НКВД, «отличались жестокой расправой с советскими элементами». Кроме того, на оккупированной территории Крыма действовали русские организации — «Партия истинно-русских людей» и филиал НТСНП, а также украинская организация «Украинско-немецкий комитет»⁴²⁹.

На оккупированной территории Белоруссии организация центрального органа «самоуправления» на первом этапе войны была отложена, так как, согласно заявлению ведомства генерального комиссара Белоруссии, только «немногие белорусы оказались пригодны для сотрудничества с немецкой администрацией». Попытки вернувшихся в Белоруссию политэмигрантов добиться от гитле-

*Г. Гиммлер посещает оккупированную территорию СССР.
Поселок Новинки около Минска.
15 августа 1941 г.*

ровской администрации самоопределения ни к чему не привели. В октябре 1941 г. гитлеровцы создали «Белорусскую народную самопомощь» (БНС) — организацию из местного населения, которая занималась вопросами просвещения, благотворительности и пр., а также способствовала борьбе с партизанами⁴³⁰.

Деятельность польских подпольных организаций в западных областях Украины, Белоруссии и на Виленщине координировалась

Делегацией польского эмигрантского правительства (с 1939 г. находилось в Лондоне), военным органом которой была «Армия крайова» (АК). До середины 1943 г. польское движение сопротивления действовало разрозненными группами, так как АК приняла тактику «вооружаться, организовываться и выжидать»⁴³¹.

Политика германских властей по отношению к народам Прибалтики — литовцам, латышам, эстонцам — существенно отличалась от политики в отношении славянских народов. Программный документ, определявший гитлеровскую политику на оккупированной территории СССР («Зеленая

папка Геринга»), гласил: «Германским органам целесообразно опираться на литовцев, латышей и эстонцев». Гитлеровские власти строили свою политику на использовании противоречий между прибалтийскими народами и местным русским населением. По сообщениям советской разведки, они натравливали прибалтийские народы на русских, историю прибалтов изображая как непрерывную борьбу с русскими, которые «закабалили прибалтов, а немцы во все века помогали прибалтам избежать русского рабства». В частности, в Латвии гитлеровская пропаганда была направлена на то, чтобы приглушить историческую вражду латышского народа к немецким захватчикам. Гитлеровцы пытались внушить латышам, что их с немцами связывает «общность судьбы», призывали забыть предыдущие «недоразумения» между латышами и немцами и установить «тесную дружбу». Целью пропаганды гитлеровцев в Прибалтике было вызвать у прибалтов чувство ненависти и страха по отношению к русским и Красной Армии. Кроме этого, гитлеровцы разжигали антисемитизм, указывая на якобы еврейское происхождение всех вождей СССР⁴³².

Однако о предоставлении государственности для народов Прибалтики речи не шло. Согласно инструкции гитлеровского министра «восточных территорий» А. Розенберга для рейхскомиссариата «Остланд» от 24 июля 1941 г., необходимо было «препятствовать любым поползновениям на создание Эстонского, Латвийского и Литовского государств, независимых от Германии», и формирование «независимых национальных армий». Разрешено было лишь создание муниципальных ад-

министратий во главе с представителями местного населения, а также местных представительных органов власти в больших городах⁴³³.

Попытки политических деятелей Литвы и Эстонии создать свои национальные правительства были подавлены. 23 июня 1941 г. литовские политические деятели создали «временное правительство», главой которого был назначен бывший посол Литвы в Берлине К. Шкирпа, который в то время находился в Германии. По каунасскому радио было объявлено о восстановлении независимости. «Правительство» провозгласило восстановление административной структуры бывшей Литовской республики и начало назначать персонал на государственные посты. Однако Шкирпа не получил от гитлеровских властей разрешения вернуться на родину. 8 августа 1941 г. «литовское правительство» было распущено⁴³⁴.

В конце июля 1941 г. группа политических деятелей Эстонии во главе с последним довоенным премьер-министром Ю. Улуотсом представила германскому командованию меморандум с ходатайством о восстановлении независимости Эстонии. Взамен было обещано оказать Германии помощь в борьбе против СССР. Ответа на это предложение не последовало. Неофициально гитлеровцы рекомендовали в дальнейшем не обращаться с подобными заявлениями. Создание эстонского правительства так и не было провозглашено⁴³⁵.

18 ноября 1941 г. Розенберг издал указ о создании местного самоуправления в Латвии, Литве и Эстонии. Согласно этому указу, за германскими генеральными комиссарами была полностью сохранена верховная власть и право надзора за деятель-

ностью центральных органов «самоуправления» и вмешательства в нее. Назначение должностных лиц органов «самоуправления» на прямую производилось или как минимум утверждалось германскими властями. Тем не менее созданное на территории Прибалтики «самоуправление» дало литовцам, латышам и эстонцам такой уровень административной автономии, в котором бы-

А. Розенберг

ло отказано всем другим народам на оккупированной территории СССР. Предоставление автономии позволило гитлеровцам снизить уровень недовольства среди прибалтийского населения, чья поддержка для «антибольшевистской борьбы» была необходима. Наличие «самоуправления» в Прибалтике позволило гитлеровцам осуществлять свои требования через местные органы, маскируя сам факт оккупации⁴³⁶.

В Литве «самоуправление» («Литовский государственный совет»), который функционировал как совещательный орган при германском генеральном комиссаре, возглавил бывший начальник литовского генерального штаба П. Кубилюнас, который в 1934 г. был приговорен в Литве к смертной казни за попытку государственного переворота. В Латвии роль руководителя органов «самоуправ-

ления» («Генеральный директорат») принял на себя генерал бывшей латвийской армии О. Данкерс. В Эстонии «самоуправление» («Директорат») возглавил Х. Мязэ, лидер организации «Союз участников войны за независимость Эстонии» («Вапсы»). Эта партия профашистского толка находилась в Эстонии в подполье с 1934 г. и рассматривалась как эстонский эквивалент НСДАП⁴³⁷.

После оккупации Прибалтийских республик на их территории активизировалась деятельность прежних и был создан ряд новых националистических организаций. В Литве развили деятельность группы «Фронта литовских активистов». В декабре 1941 г. по инициативе офицеров бывшей литовской армии возникла «Армия освобождения Литвы» (ЛЛА). Деятельность ЛЛА в период гитлеровской оккупации сводилась в основном к вербовке новых участников, созданию вооруженных отрядов и идеологической подготовке населения в антисоветском, националистическом духе. Оккупанты использовали всплеск националистических настроений в Литве в своих целях. Например, в августе 1942 г. они организовали в Каунасе собрание бывших депутатов Литовского народного сейма, на котором те выступили с антисоветскими речами⁴³⁸.

В Латвии члены организации «Айзсарги» («Охранники») принимали активное участие в формировании полицейских отрядов, которые использовались против партизан в Латвии, РСФСР, Украине, Белоруссии, Польше и Югославии. Также они сформировали костяк латвийской вспомогательной полиции и двух латышских дивизий СС, вербовались в диверсанты для заброски в тыл Красной Армии. Латвийские коллаборационисты принима-

ли активное участие в уничтожении еврейского населения. Только за первый месяц оккупации в Латвии было уничтожено 30 тыс. евреев⁴³⁹.

В Эстонии развила свою деятельность организация «Омакайтсе» («Самозащита»), члены которой принимали участие в карательных акциях, обеспечивали охрану тюрем, концлагерей, важных объектов. «Омакайтсе» была создана по образцу эстонской довоенной профашистской организации «Кайтселийт», германской «СА» и финского «Шюцкора». К концу 1941 г. в «Омакайтсе» состояло 43 757 чел.⁴⁴⁰.

Таким образом, национальная политика гитлеровцев на оккупированной территории СССР в период с июня 1941 г. по июнь 1942 г. была направлена на извлечение максимальных экономических и политических дивидендов из вынужденного сосуществования с населением оккупированной территории СССР до момента окончания войны. Национальная политика других стран-оккупантов — Финляндии и Румынии — базировалась на их собственных целях в отношении оккупированных ими территорий. Финские оккупанты были нацелены на интеграцию Карелии в финское государство и выдавливание русского населения. Румынские оккупанты, наоборот, поддерживали русский национальный фактор с целью подавления украинского национализма.

Несмотря на первоначальную эйфорию среди части населения оккупированных территорий СССР, связанную с крушением советского строя и ожиданием позитивных перемен, уже на первом этапе войны отмечалось растущее отрицательное отношение основной массы населения к оккупан-

там. Такие же настроения были заметны в среде русской эмиграции. Многие авторитетные в эмигрантской среде лица выступили с антигитлеровскими заявлениями или отказались подписать антисоветские воззвания (например, А.И. Деникин, В.А. Маклаков, архиепископ РПЦЗ Евлогий и великий князь Владимир).

В то же время среди представителей населения оккупированных территорий нашлось немало коллаборационистов. К началу 1942 г. 60 421 чел. из числа советских граждан работали при оккупантах в качестве мелких чиновников, старост, «полицаяв». Определенную часть среди них составляли люди, «скомпрометировавшие» себя при советской власти⁴⁴¹.

Антисоветские политические силы оккупированных территорий СССР, которые добивались независимости для своих народов, на первом этапе войны потерпели неудачу, так как их деятельность входила в кардинальное противоречие с долгосрочными планами гитлеровских оккупантов.

«ПРЕВРАТИТЬ ВОСТОЧНЫЙ ПОХОД В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ»

*Упущенные возможности гитлеровской
национальной политики?*

Несмотря на категорическое неприятие Гитлером идеи любой «автономии» для оккупированных русских территорий, разными кругами рейха выдвигались идеи о формировании марионеточного «русского правительства», особенно в случае успеха летнего наступления вермахта в

1942 г. (предполагалось, в частности, что создание такого «правительства» изменит отношение Болгарии к войне). В марте 1942 г. в недрах вермахта был разработан меморандум, в котором говорилось, что «должна быть выдвинута идея национальной России, свободной от большевизма». Одновременно был начат поиск «вождя», который повел бы русский народ на «борьбу против большевизма, за новую Россию»⁴⁴².

12 июля 1942 г. в гитлеровском плену оказался А.А. Власов, советский генерал-лейтенант, командующий 2-й армией РККА. Власов мог рассматриваться гитлеровцами как один из влиятельных в среде Красной Армии генералов, так как он был в числе военачальников, руководивших обороной Москвы⁴⁴³. Приставленный к Власову капитан германской армии В. Штрик-Штрикфельдт смог убе-

А.А. Власов и солдат РОА

дить генерала стать политическим вдохновителем русских коллаборационистов⁴⁴⁴.

3 августа 1942 г. Власов и командующий РННА* В.И. Боярский подписали меморандум, в котором провозглашались идеи «борьбы с большевизмом за новую Россию». Тогда же состоялась поездка Власова по оккупированным районам СССР и встречи его с населением. В сентябре 1942 г. Власов приступил к созданию «Русского комитета», предназначавшегося на роль главного политического органа русских коллаборационистов. 27 декабря 1942 г. было издано «Обращение Русского комитета к бойцам и командирам Красной Армии, ко всему Русскому народу и другим народам Советского Союза» («Смоленская декларация»), в которой говорилось не только о том, что «большевизм — враг русского народа», но и использовалась «антикапиталистическая» риторика («союзники Сталина — английские и американские капиталисты — предали русский народ»). Сообщалось, что цели «Русского комитета» — это «свержение Сталина и его клики, уничтожение большевизма; заключение почетного мира с Германией; создание, в содружестве с Германией и другими народами Европы, Новой России без большевиков и капиталистов». Обращение призывало советских воинов «переходить на сторону действующей в союзе с Германией Русской освободительной армии»⁴⁴⁵.

На заседании «Русского комитета» 18–19 января 1943 г. было принято решение о создании «Русской

* Одно из наиболее известных русских коллаборационистских подразделений, созданных гитлеровцами. См. главу VIII, раздел «"Хиви", "Шума", РОА и другие».

освободительной армии», образовании «батальонов пропаганды», выпуске газеты «Доброволец» и проведении «мобилизации военнообязанных на территории оккупированных областей»⁴⁴⁶. Тем не менее работа «Русского комитета» не пошла далее пропаганды среди военнопленных и населения оккупированных территорий. «Русской освободительной армии» (РОА) как единого целого создано не было — лишь только рассеянные по тылу и фронту гитлеровские воинские части с контингентом из русских коллаборационистов получили с пропагандистской целью общее наименование «РОА».

В марте 1943 г. Власов издал «открытое письмо», озаглавленное «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом», которое было опубликовано в газетах, издававшихся гитлеровцами на оккупированной территории, а также в виде плакатов и листовок. В апреле — мае 1943 г. Власов совершил вторую поездку по оккупированным областям СССР, во время которой он выступал перед населением с призывами «к борьбе со сталинским режимом» в рядах РОА. Во время этой поездки Власов утверждал, что «сейчас русские националисты являются гостями немцев, а после войны мы будем рады видеть немцев своими гостями». В своих выступлениях перед народом, а также в беседах с крупными военными деятелями и политиками Германии Власов критиковал германскую оккупационную политику, а также «настойчиво пытался изобразить неисчерпаемые людские резервы Советского Союза», колоссальные «результаты действий партизан», утверждая, что «Германия не может победить Россию», и «Россия может быть побеждена только

русскими». Власов выдвинул идею создания под его командованием антибольшевистской армии численностью 400 тыс. чел., с доведением этого числа в течение года до 1 млн чел. Гитлеровцы отмечали, что среди гражданского населения оккупированной территории СССР Власов нашел «многочисленных сторонников», которые возлагали на него и его движение «большие надежды». Перешедшие грань дозволенного выступления Власова вызвали неудовольствие гитлеровского руководства. Был отдан приказ прервать поездку и вернуть Власова в Берлин, где 8 июня 1943 г. он был помещен под домашний арест⁴⁴⁷.

Особенно резкую негативную реакцию деятельность Власова вызвала в СС. В сентябре 1943 г. канцелярия рейхсфюрера СС определила высказывания Власова как «чудовищные», а его самого назвала «неблагонадежным славянином, который хочет перекочевать из лагеря большевиков в лагерь русских националистов». Поле деятельности Власова и «Русского комитета» было сильно урезано, и вплоть до ноября 1944 г. под строгим надзором гитлеровцев они занимались в основном работой в центрах пропаганды в Берлине и Дабендорфе. Одновременно велась вербовка в ряды сторонников Власова других военнопленных военачальников Красной Армии. В то же время русским эмигрантам было отказано как в участии в создании РОА, так и во вступлении в ряды русских частей СС⁴⁴⁸.

Несмотря на фактическое бездействие «Русского комитета», широкое пропагандистское использование гитлеровцами имени Власова и мифической РОА продолжалось. В «Инструкции для войск

Восточного фронта о Власовском движении» от 22 декабря 1943 г. указывалось, что на вопросы населения оккупированных территорий СССР о Власове и РОА необходимо было отвечать следующим образом: «Власов является русским патриотом. Он выставляет требование, чтобы русский народ, обманутый большевизмом и направленный им по неверному пути, перешел на сторону Европы. Позицию Власова и существование "Русской освободительной армии" следует рассматривать как опасное и серьезное оружие против большевизма. Основное здесь то, что теперь русский призывает русского к борьбе против большевизма»⁴⁴⁹.

Появление на политической арене Власова являлось одним из свидетельств общего изменения направленности гитлеровской пропаганды, произошедшего к 1943 г. С целью привлечь население оккупированных территорий на свою сторону в политическом и военном плане гитлеровская пропаганда сделала попытку предложить населению от имени «политических организаций» русского, украинского, белорусского и других народов некую «положительную программу», которая бы обещала «блага всему без исключения населению». Гитлеровская пропаганда теперь ставила народы СССР в отношении к немцам как «равноправные», именovala их «союзниками в борьбе», имеющими свои «армии» (разрозненные формирования из представителей народов СССР в составе вермахта), «политические учреждения» («Русский комитет», местное самоуправление) и т.д. Таким образом, если в 1941 г. коллаборационистские лозунги адресовались отдельным народам СССР, с акцентом на русофобию и сепаратизм «нерусских наро-

дов», то с конца 1942 г., ввиду поражений на фронте и перемен в советской национальной политике, которая выдвинула русский национальный фактор на первый план, гитлеровцы были вынуждены обратиться к «русскому фактору» с целью мотивации русского народа на борьбу против советской власти.

На волне понимания изменившейся не в лучшую для Германии сторону ситуации в недрах абвера в ноябре 1943 г. была создана разработка «О необходимости превращения Восточного похода в гражданскую войну» (т.н. «Директива Райнхардта»). В ней прямо указывалось на крах надежд гитлеровцев на поддержку их населением Советского Союза и говорилось о полном разочаровании населения оккупированных территорий гитлеровской политикой и его поддержке Красной Армии и партизан. В связи с этим в разработке предлагалось «использовать возможность дать народу помимо Сталина то, за что этот народ борется», т.е. создать некое «русское правительство» и заключить с ним «мир в границах 1939 г.». Однако эти предложения не были поддержаны⁴⁵⁰, и им не суждено было осуществиться вплоть до создания гитлеровцами «Комитета освобождения народов России» в ноябре 1944 г., когда этот шаг ничего решить уже не мог.

Реального изменения гитлеровской национальной политики не произошло и в отношении других народов СССР, что показала реакция гитлеровского руководства на выдвинутые рядом политических кругов оккупированных территорий предложения о предоставлении этим территориям реальной автономии, в частности Латвии в конце 1942 г.

и Эстонии в 1943 г. К февралю 1944 г. вопрос о суверенитете поднимал даже прежде во всем лояльный гитлеровцам глава эстонского «самоуправления» Х. Мяэ, однако и это не получило отклика в рейхе⁴⁵¹.

С декабря 1942 г. подошел к концу период заигрывания гитлеровцев с крымскими татарами. Когда в мае 1943 г. «Крымский комитет» подготовил меморандум Гитлеру о создании крымско-татарского государства под протекторатом Германии, формировании татарской армии, очистке Крыма от представителей других национальностей, этому документу вообще не был дан ход⁴⁵². Настроения крымско-татарского населения становились менее дружественными по отношению к гитлеровцам, так как оно начало понимать, «что несут ему немцы»⁴⁵³.

Хотя гитлеровские власти создали на оккупированной территории СССР национальные организации, которые вели политическую работу среди населения, оккупанты использовали услуги только лояльных к Германии деятелей. Советская разведка отмечала, что гитлеровцы «прогнали тех из них, кто слишком много шумел или мечтал об "автономии"». С целью мотивации общественного мнения населения оккупированных территорий гитлеровская пропаганда пыталась работать с молодежью оккупированных территорий СССР. Во второй половине 1942 г. в Берлине при министерстве по делам «восточных территорий» был создан отдел по работе среди молодежи и управление «Гитлерюгенд» по оккупированным «восточным областям». Были созданы отделения «Гитлерюгенд» в Прибалтике и на Украине. В русских областях гитлеровцы

также пытались создать молодежные организации для «восстановления разрушенных городов»⁴⁵⁴.

Гитлеровская пропаганда реагировала на изменения политики в СССР, пытаясь дискредитировать ее положительные аспекты. В феврале 1943 г. в Могилеве была распространена брошюра, якобы сброшенная с советских самолетов «в связи с предстоящим 19-м съездом партии». Эта брошюра содержала следующую «программу»: «Государство должно именоваться не СССР, а "Россия"; должна быть ликвидирована диктатура евреев и Сталина; ВКП(б) должна лишиться положения правящей партии; колхозы должны быть заменены столыпинской системой; Церковь должна пользоваться поддержкой государства; Красная Армия должна быть реорганизована по образцу царской армии». Также распространялись антисоветские листовки провокационного характера, имевшие подпись «Члены ЦК, верные Ленину». В марте 1943 г. были распространены листовки-воззвания от имени «Народной Русской Армии», в которых сообщалось «об отказе от большевистской программы; о преобразовании Красной Армии в русскую армию с возвратом к погонам, белым офицерам и походным попом; о репрессиях по приказу НКВД № 445 против семей пленных красноармейцев и оставшихся на оккупированной территории». Главное разведуправление РККА сообщало, что «население частично верит этой пропаганде, а пленные... боятся убежать из плена»⁴⁵⁵.

Как уже говорилось, гитлеровцы использовали в своей пропаганде такой прием, как организация «кампании протестов» против отдельных шагов

советского руководства. Советская разведка сообщала, что радиостанции Таллина, Риги и Каунаса «изо дня в день передают воззвания эстонских, латвийских и литовских гитлеровцев, организуют митинги, где под видом рабочих выступают агенты гестапо». В рамках «кампании протестов» в шведской прессе появились публикации о том, что Германия якобы готова предоставить Эстонии «независимость», но для этого «нужно эстонцам проявить на деле готовность защищать Германию и ее "новый порядок"»⁴⁵⁶.

Советские органы отмечали, что гитлеровцам не удалось «привлечь на свою сторону широкие народные массы», «вызвать сколько-нибудь значительную вражду между советскими народами», а также «создать себе социальную опору ни в городе, ни в деревне». Например, что касается Прибалтики, советские органы считали, что к коллаборационизму там склонились только маргинальные или чуждые местному населению элементы. Секретарь ЦК КП(б) Латвии по пропаганде А. Пельше докладывал, что предателями Латвии «является лишь кучка репатриированных еще до войны в Германию полулатышей-полунемцев, не имеющих никакой опоры в народе, поддерживаемых исключительно немецкими штыками». Тем не менее советскому руководству приходилось признавать, что «гитлеровцам все же удалось оказать влияние пропагандой на часть населения», которая пошла «на службу к немцам старостами, переводчиками, полицейскими и т.д.», а также добровольно поехала на работу в Германию. По данным Курского обкома ВКП(б), в апреле 1943 г. на территории Кур-

ской области «сражалось вместе с немцами против Красной Армии более 1000 человек молодежи из нашей области». Сюда же был отнесен тот факт, «что многие наши девушки связались с немцами и стали им служить». Все это, по признанию советских властей, говорило о том, что гитлеровцам «удалось достигнуть некоторых результатов в своей политической работе среди отсталой части молодежи оккупированных районов»⁴⁵⁷.

Летом 1942 г. при наступлении гитлеровцев на юге России их путь лежал через земли донских и кубанских казаков. Часть казачьего населения «с радостью встречала немцев», ожидая, что гитлеровцы как минимум отменят колхозы и позволят казакам вновь выбирать своих собственных атаманов, а в идеале — дадут им полную автономию и будут относиться к ним как к союзникам. Для таких настроений были определенные основания. Как уже указывалось ранее, гитлеровцы проводили особую политику по отношению к казакам, выделяя их среди других этнических групп Советского Союза. Теперь, при оккупации казачьих земель, эта политика получила конкретное наполнение. Гитлеровская пропаганда утверждала, что «германское государство видит в казаках дружественный народ», поэтому казакам было обещано «независимое управление, свободное развитие их культурных и экономических сил, уничтожение коллективной системы (колхозов. — Ф.С.)», а также то, что «для них снова будут открыты церкви; религия, обычаи и традиции снова вступят в силу»⁴⁵⁸.

Особым фактором, способствовавшим развитию коллаборационизма среди казаков, было сотрудничество с гитлеровцами ряда известных пред-

ставителей казачьей эмиграции, в частности бывших белых генералов П.Н. Краснова и А.Г. Шкуро. Краснов подготовил «Особую грамоту», которая была опубликована 10 ноября 1942 г. за подписью Кейтеля и Розенберга. В этом пропагандистском заявлении указывалось, что «за оказанную немецким войскам помощь во время войны германское правительство признает ка-

П.Н. Краснов

заков своим союзником и обещает после победы над СССР вернуть им землю, личную собственность и бывшие привилегии, а на время войны устроить казаков на временное поселение на свободных землях, имеющих в распоряжении у немецких властей». Широко были распространены на оккупированных территориях, населенных казаками, письма и воззвания, изданные Красновым (в частности, в октябре 1942 г. — письмо «Наше спасение — идти вместе с Германией»). Краснов поддержал создание «Казацкой националистической партии» в Праге, которая признала Гитлера в качестве «верховного диктатора казацкой нации». Вообще, политика гитлеровцев по привлечению эмигрантов из казаков в корне отличалась от их политики противодействия привлечению русских эмигрантов⁴⁵⁹.

Деятельность П.Н. Краснова была противоречивой. С одной стороны, очевидно, он был патриотом России, противопоставляя ее Советскому Союзу и утверждая, что «сейчас нет России, но есть кровавый СССР, стремящийся добить и последних сынов России, ее казаков». С другой стороны, ряд его шагов был недопустимым для русского патриота, что красноречиво подметил русский эмигрант Д.И. Мейснер: «Генерал отправился на Дон, вырядившись в немецкую форму. И это русский военачальник, донской атаман!». Подобное поведение Краснова не приняли многие видные деятели белой эмиграции, например А.И. Деникин⁴⁶⁰.

В районах, населенных казаками, гитлеровцы провели эксперимент по установлению независимой казачьей гражданской администрации — в октябре 1942 г. на Кубани под начальством атамана Т.Н. Доманова был создан самоуправляемый округ

Гитлеровские казаки. Второй слева — А.Г. Шкуро, третий слева — Г. фон Панныц

с населением ок. 160 тыс. чел., в котором были восстановлены дореволюционные порядки, отменена коллективная система сельского хозяйства. Муссировались планы по созданию «Великой Казаккии», марионеточного государства на территории от Центральной Украины до реки Самара, ядром которого предполагалось сделать «округ Доманова». Этим планам не суждено было сбыться из-за отступления гитлеровцев с Кубани и Дона в начале 1943 г. Тогда же прекратил свое существование «округ Доманова»⁴⁶¹.

В распространении германского влияния на Ближний и Средний Восток особая ставка гитлеровцами делалась на тюркские и кавказские народы, которые должны были населять периферию будущей германской колониальной империи. Во время оккупации Северного Кавказа гитлеровская пропаганда подчеркивала, что «с кавказскими народами у Гитлера особая дружба», поэтому «он прислал свои войска с единственной целью — освободить кавказцев от еврейско-большевистского ига». В расчете на оккупацию Закавказья в сентябре 1942 г. гитлеровцы распространяли там листовки, в которых говорилось: «Ваши родные сыны, ранее служившие в Красной Армии, которых вы считаете погибшими, включились в ряды непобедимой немецкой армии, которая несет вам освобождение от большевистско-еврейского угнетения. Мы ведем борьбу не с кавказскими народами, а с большевиками. Радушно встречайте ваших солдат!»⁴⁶².

Хотя оккупация национально-территориальных образований Северного Кавказа (Адыгеи, Карачая, Черкесии, большей части Кабардино-Балкарии и

Калмыкии, части Северной Осетии и Чечено-Ингушетии) была относительно непродолжительной (август 1942 г. — январь 1943 г.), на этих территориях успели развить свою деятельность т.н. «национальные комитеты», которые были созданы с целью создания у населения оккупированных территорий иллюзии участия в вопросах решения своей судьбы. Еще до вторжения на Кавказ на территории рейха были организованы национальные комитеты «Туркестан», «Азербайджанский штаб», «Северокавказский штаб», «Идель-Урал». С осени 1942 г. в Ставрополе работало созданное гитлеровцами «грузинское правительство» во главе с белым генералом С. Чавчавадзе. В Адыгее действовали присланные гитлеровцами эмигранты Кабехов и Маздов⁴⁶³.

На территории Карачая гитлеровское командование развернуло широкую агитационную работу среди населения, которая велась через созданный 3 августа 1942 г. «Карачаевский национальный комитет» (КНК). КНК принял активное участие в подавлении деятельности советских партизан. По словам некоего депортированного карачаевца, «все карачаевцы были очень рады» гитлеровцам, которые распустили колхозы и карачаевцев «не обижали». В знак благодарности, по некоторым данным, жители аула Теберда послали Гитлеру золотое седло и подковы⁴⁶⁴.

В Нальчике было создано «Представительство интересов Кабардино-Балкарии», которое занималось организацией национального легиона и карательных отрядов. Балкарские националистические деятели планировали отделение Балкарии от Кабарды и объединение ее с Карачаем под про-

тектором Турции. Эту деятельность возглавляли эмигранты Шокманов и Кемметов, к которым примкнула часть бывших совпартработников. При отступлении гитлеровцев с территории Кабардино-Балкарии отряды балкарских коллаборационистов нападали на воинские части Красной Армии, в частности в Черекском и Чегемском районах⁴⁶⁵.

В период оккупации Калмыкии местные националисты вели антисоветскую агитацию. Ситуация на территории этой республики способствовала гитлеровской пропаганде тем, что к моменту оккупации Калмыкии на ее территории не было ни одного советского партизанского отряда или подпольной группы. Гитлеровцы смогли создать вооруженные отряды из числа калмыков. На середину декабря 1942 г. оккупированные районы юга Калмыкии контролировали исключительно гитлеровские калмыцкие легионы. Их присутствие создавало у калмыцкого населения впечатление полной «автономии». Гитлеровцы заигрывали с калмыками, в том числе обещали выселить из Калмыкии весной 1943 г. все русское население⁴⁶⁶.

По отношению к народам Кавказа гитлеровцы проводили достаточно либеральную политику, раздавая обещания ликвидировать колхозы, открыть мечети, уплатить за реквизированные товары. Доверие кавказских народов предполагалось завоевать «образцовым поведением» гитлеровских солдат, особенно по отношению к женщинам. Однако массового перехода народов Северного Кавказа на сторону гитлеровцев не произошло, что признавало и немецкое командование. Патриотические настроения оказались в целом сильнее и старых обид, и недовольства советской политикой⁴⁶⁷.

Рейхскомиссар Украины Э. Кох

К рубежу 1942—1943 гг. разочарование политикой гитлеровцев среди украинских националистов достигло такой степени, что гитлеровские власти отмечали даже их «сближение с бандами большевистского происхождения». В связи с этим Э. Кох подчеркивал, что хотя «не может измениться и не изменится политика германского руководства», даже если «она и разочаро-

вывала украинских националистов», необходимо было воспрепятствовать тому, чтобы у населения «появлялось бы ощущение несправедливого обращения с ним»⁴⁶⁸.

В начале 1943 г. недовольство оккупационным режимом стало расти в Прибалтике, одной из причин чего был фактический отказ гитлеровцев в проведении реприватизации — из довоенных собственников только 25% в Латвии и Эстонии и 4% в Литве получили свою собственность, национализированную советской властью, назад. Однако были и другие причины — жесткая политика оккупантов, отсутствие реального самоуправления. Секретарь ЦК КП(б) Латвии по пропаганде А. Пельше в докладной записке от 2 марта 1943 г. отмечал рост антигитлеровских настроений в Латвии и,

явно преувеличивая, даже отмечал, что «в последнее время наши партизанские отряды встречают не только исключительно теплый прием и помощь населения, но все шире и шире оно устремляется в ряды активных борцов против немецких захватчиков»⁴⁶⁹.

Кроме советских партизан, на оккупированной территории росло несоветское, национальное движение сопротивления. Наиболее ярко эти тенденции проявились на территории Украины, где с весны 1942 г. ОУН-Б избрала новую тактику — создание небольших боевых групп («бойовок»), которые в начале 1943 г. стали сколачиваться в «Украинскую повстанческую армию» (УПА), первые отряды которой были созданы в Полесье и на Волыни. В течение лета 1943 г. ОУН-Б силой принудила примкнуть к себе вооруженные формирования двух своих главных конкурентов — ОУН-М и «Тараса Бульбы». Небольшая часть отрядов «Бульбы» осталась независимой от УПА, получив название «Украинская народно-революционная армия». Однако в 1944 г. она также слилась с УПА, продолжая действовать на территории Брестской и Пинской областей Белоруссии после их освобождения Красной Армией⁴⁷⁰.

С лета 1943 г. отряды УПА начали проводить рейды с Волыни и Полесья в центральные области Украины, где под влиянием УПА были созданы местные партизанские отряды националистов. Летом 1943 г., в связи с рейдом на территорию Галиции соединения советских партизан под командованием С.А. Ковпака, а также в связи с привлечением гитлеровцами украинской молодежи в дивизию СС «Галиция», руководство ОУН решило форси-

ровать создание своих военных формирований на территории Галиции. Здесь они получили название «Украинская народная самооборона», а с декабря 1943 г. — «УПА-Запад». К осени 1943 г., по оценке гитлеровцев, в УПА состояло около 40 тыс. чел., по данным ОУН-Б — 100 тыс. чел.⁴⁷¹.

25 августа 1943 г. на 3-м чрезвычайном съезде ОУН, в связи с предстоящим приходом Красной Армии, была поставлена задача: «Оккупацию большевиками украинских земель встречаем плановой активной борьбой во всех формах, которые ведут к развалу государственного аппарата московского империализма». Была выпущена листовка «За что борется УПА», составленная на основе программы ОУН-Б. Подполье ОУН взяло на себя важнейшие функции поддержки УПА: контрразведку, подготовку резервов (в каждом селе создавались «отряды кустовой самообороны»), связь, медицинское обеспечение. В ноябре 1943 г. были созданы Главное командование и Главный военный штаб УПА. Командующим УПА был назначен Р. Шухевич. УПА делилась на три «генеральных военных округа» — «Юг», «Север» и «Запад». Поскольку на Волыни и в Полесье УПА главным образом приходилось иметь дело с солдатами венгерской армии, которые охраняли железные и шоссейные дороги, УПА заключила секретный договор о перемирии с венгерским командованием. Главной целью УПА были советские партизаны — действовавшие в этом регионе подразделения под командованием А.Н. Сабурова, А.Ф. Федорова, В.А. Бегмы и др. В 1943 г. УПА вступала в боестолкновения с соединением Ковпака. В Галиции советские партизаны

в целом встретили враждебный прием со стороны местного населения⁴⁷².

УПА претворяла в жизнь политику геноцида по отношению к полякам, которые составляли до 21% населения Западной Украины, призывая уничтожать их как «колонистов». Многие поляки на Украине были вынуждены перейти на сторону советских партизан, чтобы не погибнуть от рук УПА. В августе 1943 г. только на Волыни действовали 4 польских партизанских отряда просоветской ориентации⁴⁷³.

22–23 ноября 1943 г. по инициативе ОУН-Б была проведена «Конференция поработощенных народов Восточной Европы и Азии», в которой приняли участие 39 делегатов, представлявших 13 народов СССР (украинцы, азербайджанцы, армяне, осетины, башкиры, кабардинцы, казахи, белорусы, черкесы, чувашаи и др.). Конференция приняла обращение «к угнетенным народам Восточной Европы и Азии», в котором содержался призыв бороться против «германского» и «сталинского империализма». В этот период ОУН-Б делала ставку на раскол многонационального СССР. В оуновских листовках постоянно подчеркивалась идея сотрудничества «угнетенных народов». Считается, что в формированиях УПА, помимо украинских, были азербайджанские, узбекские, грузинские и татарские отряды (от 1 до 2 тыс. чел.). Эмиссары с Западной Украины действовали во многих советских республиках. В свою очередь, местные националисты посылали к ним своих представителей⁴⁷⁴.

Осенью 1943 г. поднялась новая волна гитлеровских репрессий против украинских национали-

стов, когда в Варшаве были арестованы Боровец и его помощник О. Штуль. 26 января 1944 г. были арестованы деятели ОУН-М А. Мельник и Д. Адриевский — возможно, из-за попыток установить контакты с украинской диаспорой в странах Запада. К октябрю 1944 г., когда Украина была освобождена Красной Армией, все они были выпущены из-под ареста.

В Литве основу несоветского сопротивления составляли две организации: католический «Литовский фронт» и светский «Союз борцов за свободу», которые публиковали подпольные газеты и поддерживали связь с внешним миром. Ожидая, что западные союзники придут к ним на помощь, в конце 1943 г. различные силы литовского сопротивления объединились и сформировали «Верховный комитет освобождения Литвы», который смог наладить издание подпольной прессы и организовать небольшие военизированные отряды. Комитет действовал как центр литовского сопротивления до лета 1944 г., когда гитлеровцы провели массовые аресты его членов, после чего деятельность комитета угасла.

В Латвии несоветское сопротивление с августа 1943 г. возглавил «Латвийский центральный совет» (ЛЦС), представлявший 4 ведущие политические партии довоенной Латвии. Участники ЛЦС надеялись, что «конец войны оставит и Германию, и СССР ослабленными, позволяя Латвии восстановить свою независимость при поддержке Запада». ЛЦС имел контакт с Западом, издавал газету. Осенью 1944 г. лидеры ЛЦС были арестованы гитлеровцами и вывезены в Германию.

В Эстонии центральной фигурой движения сопротивления стал Ю. Улуотс, вокруг которого эс-

тонские националисты объединились в т.н. «Комитет актуальной истории». Наряду с ним существовал ряд более мелких групп сопротивления, поддерживавших связь с дипломатами бывшей Эстонской Республики в Финляндии и Швеции.

Несоветское сопротивление в Прибалтике сознательно не инициировало вооруженное сопротивление гитлеровцам, которое, как считалось, «только помогло бы Советскому Союзу». Целью несоветского сопротивления был саботаж германских оккупационных мер и создание национальных политических органов, могущих представлять интересы прибалтийских наций после войны. Среди проявившихся в Прибалтике пассивных форм сопротивления было бегство эстонцев от гитлеровской военной службы в Финляндии (считается, что таких было до 5 тыс. чел.), а также уклонение от трудовой мобилизации. Например, в Литве в начале 1942 г. было заполнено только 5% от первоначальной квоты мобилизованных на работу (100 тыс. чел.). Тем не менее к июлю 1944 г. гитлеровцам удалось вывезти на работу в Германию 75 тыс. литовцев, 35 тыс. латышей и 15 тыс. эстонцев⁴⁷⁵.

В реализации своих устремлений участники несоветского сопротивления возлагали надежды на помощь стран Запада, в соответствии с «Атлантической хартией» 1941 г., которая провозглашала невозможность послевоенных территориальных изменений, не находящихся «в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов», а также уважение к праву «всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить», и стремление «к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, ко-

торые были лишены этого насильственным путем». Надежда на помощь Запада была столь ярко выраженной, что в июле 1943 г. руководство эстонской политической полиции издало циркуляр о борьбе с англофилами⁴⁷⁶.

Таким образом, в период с июня 1942 г. по январь 1944 г. произошли некоторые изменения в национальной политике гитлеровцев, особенно в плане использования ими «русского фактора» (создание «Русского комитета» во главе с Власовым). Однако эффективность таких усилий была невелика, так как она имела серьезные ограничители. Во-первых, внутренние — противодействие со стороны ортодоксальных нацистов, которые не хотели менять политику, в то время как влияние тех деятелей, которые действительно хотели добиться перемен в германской политике по отношению к народам СССР, было незначительным. Во-вторых, внешние — отторжение гитлеровских оккупантов со стороны населения оккупированных территорий, в том числе со стороны многих из тех, кто ждал их как «освободителей». В донесениях советской разведки отмечалось, что к октябрю 1942 г. «даже антисоветские элементы, которые ждали прихода немцев, уже обьелись немецкой власти, немцы им противники»⁴⁷⁷, они «выражают недовольство к оккупантам»⁴⁷⁸. К декабрю 1943 г. даже в Эстонии настроения стали «все более антинемецкими»⁴⁷⁹. Таким образом, большинство населения оккупированной территории связывало свои надежды с изгнанием гитлеровских захватчиков. Та часть населения, которая связывала свои надежды с приходом Красной Армии и советской власти, в то же время ожидала изменений режима после войны

(в частности, ходили слухи, что Сталин якобы обещал, что после разгрома Германии будут распущены колхозы)⁴⁸⁰.

На западных территориях СССР местные националистические круги осознали, во-первых, что гитлеровцы не собираются предоставлять независимость, во-вторых, что в войне наступил перелом не в пользу Германии. Поэтому произошла переориентация националистических кругов на сотрудничество со странами Запада. Тактика гитлеровцев по заигрыванию с народами Кавказа и Крыма лежала в общем русле их политики по отношению к «восточным» народам (аналогичные тенденции проявились в поддержке гитлеровцами индийских повстанцев С.Ч. Боса и Б.Р. Гудассмаля в их борьбе против Великобритании). Однако после перелома в войне она уже не могла принести плодов.

«ДОПУСКАТЬ, НО НЕ СОДЕЙСТВОВАТЬ»

Гитлеровская религиозная политика на оккупированной территории СССР

На оккупированной территории СССР произошел бурный всплеск религиозного сознания. Для верующих, которые в западных регионах СССР составляли подавляющее большинство населения, приход гитлеровцев означал возобновление религиозной свободы, возможность открыть храмы, совершать богослужения и обряды, более не опасаясь антирелигиозных гонений. Ряд священников в первые месяцы войны помогал гитлеровцам. О размахе возобновления религиозной жизни на оккупированной территории можно су-

доть по тому, что только в одном городе Житомире к 1 ноября 1941 г. открылось 54 церкви. В Одессе румынские власти намеревались выстроить большой православный храм и даже объявили конкурс на архитектурный проект. С помпой был вновь открыт собор Св. Владимира в Киеве. Усилили деятельность религиозные активисты, которые пытались возродить религиозность среди населения, в том числе путем введения обязательного крещения детей. В этих условиях естественным было проявление верующими в первые дни и недели оккупации чувства благодарности германской армии за «возвращение религиозной свободы»⁴⁸¹.

Гитлеровская религиозная политика на оккупированных территориях СССР базировалась на принципе «разделяй и властвуй». По словам Гитлера, необходимо было, «чтобы в каждой деревне была своя собственная секта со своими представлениями о Боге», что усилило бы «разъединяющие тенденции в русском пространстве». В первом же циркуляре РСХА от 2 июля 1941 г., определявшем религиозную политику, предписывалось «не препятствовать православной церкви укреплять влияние в массах», но «настаивать на принципах отделения Церкви от государства», «препятствовать возникновению единой Церкви и не мешать образованию сект». Приказ РСХА от 16 августа 1941 г. предписывал «допускать» религиозную жизнь, но «не содействовать» ей⁴⁸².

К середине 1942 г. гитлеровское Министерство «восточных территорий» склонилось к тому, что наиболее желательной ситуацией было бы создание противостояния между Московским патриархатом и сильными сепаратистскими националь-

ными православными церквями⁴⁸³, чему способствовал уже возникший на оккупированной территории СССР церковный раскол.

С началом оккупации в среде высшего духовенства на Украине возникли сепаратистские устремления. Летом 1941 г. глава структур Московского патриархата на территории рейхскомиссариата «Украина» архиепископ Волынский Алексей (Громадский) объявил о создании автономной Украинской православной церкви (УПЦ), которая тем не менее формально осталась в юрисдикции Московского патриархата. Однако часть иерархов и священнослужителей во главе с архиепископом Луцким Поликарпом (Сикорским), которая открыто приветствовала приход гитлеровцев, осталась недовольна таким решением. 8–10 февраля 1942 г. эти иерархи созвали в Пинске собор украинских епископов, на котором было объявлено о создании Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ), независимой от Московского патриархата. Архиепископ Поликарп был официально признан гитлеровцами главой Православной церкви на Украине. Раскол Церкви на Ук-

*Руины Успенского собора в Киеве,
1942 г.*

раине был связан не только с амбициями отдельных церковных иерархов, но и с тем, что политические взгляды украинского духовенства были весьма неоднородны. Одни симпатизировали советскому строю, другие разделяли взгляды националистов, третьи надеялись на то, что идеальное государственное устройство удастся смоделировать по германскому образцу⁴⁸⁴.

Гитлеровцы сначала склонялись к сотрудничеству с УАПЦ как с силой, выражавшей нужный им церковный сепаратизм, однако затем пересмотрели свою позицию из-за налаживания связей между УАПЦ и украинскими националистами. Курс политики гитлеровцев был смещен в сторону покровительства УПЦ. В частности, этой Церкви был передан главный храм Киева — собор Св. Владимира. Однако гитлеровцев не устроила «промосковская» ориентация УПЦ, поэтому в результате, как сообщала советская разведка, они «оставили в покое тех и других»⁴⁸⁵.

УПЦ, несмотря на некоторую «украинизацию» этой Церкви (перевод богослужений на украинский язык и пр.), не оказывала поддержки украинским националистам. Наоборот, на Восточной Украине священники и прихожане УПЦ помогали военнопленным красноармейцам — собирали для них продукты и зимнюю одежду. Вообще, положение обеих Церквей на Украине зависело от того, как был настроен бургомистр того или иного населенного пункта. Например, УАПЦ получила преференции в Киеве, где бургомистром был националист Л. Форостивский, а УПЦ — в Днепропетровске, где бургомистр был настроен «прорусски»⁴⁸⁶.

Избранный в марте 1942 г. экзархом Белоруссии митрополит Пантелеймон отказался от предложения гитлеровцев объявить автокефалию. Тогда движение за автокефализацию возглавил архиепископ Могилевский и Мстиславльский Филофей, который был поддержан в этом оккупационными властями. Митрополит Пантелеймон был отстранен от церковного управления и выслан в Минскую область. Захватив церковную власть в свои руки, в сентябре 1942 г. архиепископ Филофей созвал «Всебелорусский православный собор», на котором было провозглашено создание Белорусской автокефальной православной церкви (БАПЦ), но с оговоркой — только «после признания ее всеми каноническими церквями». Правомочным Собор не являлся, так как в нем приняли участие только отдельные представители Минской и Новогрудско-Барановичской епархий. Таким образом, провести автокефализацию Церкви в Белоруссии фактически не удалось. Несмотря на раскол Церкви на Украине и попытку его в Белоруссии, по оценкам священнослужителей, масса верующих «как была, так и осталась такими же православными», и практически не замечала разногласий среди церковных иерархов⁴⁸⁷.

Отдельно следует остановиться на деятельности экзарха Прибалтики митрополита Сергия (Воскресенского), который к моменту начала войны находился в Риге. При приближении гитлеровских войск он получил от советских властей указание эвакуироваться, однако от эвакуации уклонился и остался на оккупированной территории. В августе и сентябре 1941 г. он послал приветственные телеграммы Гитлеру. Несмотря на выраженный

антисоветский настрой, митрополит Сергей (Воскресенский) не допустил отрыва Православной церкви в Прибалтике от РПЦ. Не удалось предотвратить раскол только в Эстонии, где часть православных священников и паствы (в основном эстонцев по национальности) во главе с таллинским митрополитом Александром провозгласила отделение от Русской православной церкви (однако бо́льшая часть русских приходов в Эстонии осталась верна РПЦ)⁴⁸⁸.

В обмен на то, что гитлеровцы не стали принуждать Митрополита Сергея к автокефализации, они предложили ему возглавить «Православную миссию в освобожденных областях России» («Псковская духовная миссия») — эксперимент по возрождению церковной жизни, который был осуществлен на территории Ленинградской области и принес значительные результаты. Кроме возобновления церковной жизни и массового открытия храмов, на этой территории для ее жителей было установлено обязательное посещение церквей, а волостные и земские управы требовали от жителей справки об исповеди. Были проведены тысячи обрядов крещения детей и подростков, которые не были крещены при советской власти, а также проделана большая идеологическая работа по вовлечению молодежи в церковную жизнь⁴⁸⁹.

На территории Западной Украины около 50% населения составляли греко-католики (униаты). Украинская греко-католическая церковь (УГКЦ) оказывала поддержку украинским националистам. Еще до начала войны греко-католический священник И. Грынёх стал капелланом украинского отряда «Нахтигаль», созданного в структуре вермахта.

При провозглашении «независимости» Украины 30 июня 1941 г., глава УГКЦ митрополит А. Шептицкий издал послание, в котором призвал народ поддержать «украинское правительство». Хотя деятельность ОУН формально не имела религиозной основы, эта организация не отказывалась от сотрудничества с УГКЦ и УАПЦ. Священники и прихожане этих церквей принимали прямое участие в организационном и морально-идейном обеспечении деятельности ОУН. В вооруженных формированиях ОУН полевое духовенство было в основном из числа священнослужителей УГКЦ⁴⁹⁰.

В своих интересах германское руководство использовало ислам. В Крыму гитлеровцы разрешили широкое открытие мечетей. В идеологической обработке мусульман гитлеровцам оказывал помощь Великий муфтий Иерусалима аль-Хусейни, который неоднократно посещал лагеря мусульманских легионеров, где выступал с призывами к священной войне против «неверных» в союзе с Германией. В мае 1943 г. за свою деятельность муфтий аль-Хусейни получил звание группенфюрера СС⁴⁹¹.

Что касается положения католичества на оккупированной территории СССР, оно определялось мнением Розенберга и других идеологов германской политики о том, что католичество — это «главная опасность на востоке», поэтому Министерство «восточных территорий» пресекало деятельность католических миссионеров на оккупированной территории СССР⁴⁹².

Таким образом, первый период войны характеризовался расколом Православной церкви на оккупированной территории СССР. Оккупационные власти, не поддерживая открыто ни одну из цер-

ковных организаций, стремились контролировать деятельность каждой из них. Всякая несанкционированная деятельность православных архиереев пресекалась. В целом, несмотря на восстановление реальной свободы вероисповедания, на оккупированных территориях СССР во многом были оставлены в силе советские антирелигиозные законы, в частности, было запрещено преподавание Закона Божьего в школах⁴⁹³. Противоречивость религиозной политики гитлеровцев доказывает и тот факт, что, стремясь расколоть Православную церковь, они в то же время в целях отрыва населения от коммунистической идеологии способствовали возрождению и распространению религии — от массового распространения икон⁴⁹⁴ до поддержки работы «Псковской духовной миссии».

Во второй период войны религиозная политика гитлеровцев определялась уже упомянутой установкой «Допускать, но не содействовать». На оккупированной территории в общей сложности было восстановлено более 40% от дореволюционного количества церквей. По разным данным, их было от 7547 до 9400, а также почти 60 монастырей (45 на Украине, 6 в Белоруссии и 6—7 в РСФСР)⁴⁹⁵.

Новая политика советского руководства по отношению к Церкви проявилась и на оккупированной территории страны, где с 1943 г. советское командование и Московская патриархия перешли к согласованным действиям с целью расширить влияние на религиозную жизнь — в том числе путем распространения воззваний и обращений РПЦ. В результате в 1943—1944 гг. доля сторонников Московской патриархии среди клира оккупированных областей постоянно росла. Также многие сельские

священники, в частности в Белоруссии, стали согласовывать свои действия с партизанами. Открывшиеся на оккупированной территории храмы превратились в центры русского национального самосознания, проявления патриотических чувств. Вокруг них сплотилась значительная часть населения. В докладной записке секретаря Курского обкома ВКП(б) по пропаганде, датированной апрелем 1943 г., отмечалось, что «попытка немцев использовать церкви для фашистской пропаганды встретила решительное сопротивление со стороны местного населения». В Белоруссии проповеди главы церковных сепаратистов архиепископа Филофея «с резкими выпадами против Советского Союза», а также его выступления в периодической печати «с антирусскими статьями» и подобные выступления по радио «вызывали у большинства верующих чувство раздражения и неудовольствия»⁴⁹⁶.

Реакция гитлеровцев на изменения в советской религиозной политике состояла в том числе в усилении действий по разобщению РПЦ и отколовшейся от нее части украинского православия. Однако усилия германского Министерства «восточных территорий» по созданию объединенной Украинской православной церкви во главе с Патриархом не привели к успеху, в первую очередь, из-за противодействия этой инициативе со стороны руководства рейхскомиссариата «Украина». Поэтому положение всех церковных организаций на Украине продолжало оставаться противоречивым. В то время как из-за опасений попасть в немилость к гитлеровцам, иерархи вынуждены были выражать им свою лояльность, в частности в виде призыва населения к выезду в Германию на ра-

боту, их отношение к гитлеровцам стало меняться. Даже глава УАПЦ архиепископ Поликарп гневно протестовал против атак гитлеровцев на священников и brutального обращения с населением. Глава УГКЦ митрополит А. Шептицкий, который вначале принял гитлеровцев как освободителей, разочаровался в них, особенно из-за уничтожения евреев. Он был встревожен вовлечением украинской полиции в эти акции и даже направил Гиммлеру письмо с требованием прекратить эту практику. В отчетах германской полиции отмечалось, что к концу 1943 г. он стал считать нацизм бóльшим злом, чем коммунизм⁴⁹⁷. Тем не менее в 1944 г. митрополит Шептицкий приветствовал создание дивизии СС «Галиция», главным капелланом которой был назначен один из священников УГКЦ.

Пропагандистский плакат дивизии СС «Галиция»

В честь создания дивизии греко-католический епископ И. Слипый провел службу в соборе Св. Юра во Львове⁴⁹⁸.

В то же время продолжалась борьба УАПЦ с УПЦ, которая делалась руками боевиков ОУН. Оуновцы заставляли духовенство совершать службы на украинском языке и убивали тех священников, которые не разделяли националистические взгляды. 7 мая 1943 г. украинскими националистами был убит глава УПЦ архиепископ Алексей. В конце лета 1943 г. группой ОУН был захвачен и казнен владими́ро-во́лыньский епископ УПЦ Эммануил, якобы из-за того, что он выдавал гитлеровцам членов националистического подполья. Вполне возможно, что истинной причиной расправы было то, что ранее он перешел из дружественной оуновцам УАПЦ в УПЦ⁴⁹⁹.

Во второй период войны на территории Белоруссии и Прибалтики продолжали свою деятельность церковные сепаратисты. Архиепископ Филофей и его соратники проводили «белорусизацию церковной жизни» и агитировали против Московской патриархии, стремясь к «замене всех настоятелей и благочинных "москалей" белорусами». Они ввели обязательность белорусского языка в проповеди, поставили священников из Западной Белоруссии на лучшие приходы в Восточной Белоруссии, сеяли вражду между священниками Западной и Восточной Белоруссии. В ноябре 1943 г. глава отколовшейся от РПЦ Эстонской православной церкви митрополит Александр выступил с речью, в которой сказал, что «эстонский народ никогда не принадлежал к составу Советского Союза и не хочет принадлежать к его составу», подчеркнув, что

«нас не введет в заблуждение... то, что Сталин провозгласил свободу религии», потому что в СССР «невозможна и в настоящее время недействительна свобода религии»⁵⁰⁰.

Таким образом, в целом во второй период войны гитлеровцы стали терять свои позиции в религиозной жизни, которые они завоевали в начале войны с объявлением религиозной свободы, хотя сами по себе последствия «религиозного возрождения» на оккупированной территории были довольно велики. Несомненно, что оно оказало заметное влияние на изменение религиозной политики советского руководства в годы войны⁵⁰¹. В религиозной жизни оккупированных территорий проявились те политические тенденции, которые преобладали на этих территориях в годы оккупации, особенно в плане развития националистических и сепаратистских устремлений. В частности, на Украине противостояние ОУН и «Москвы» нашло отражение в преследовании оуновцами священнослужителей, которые не были настроены националистически.

В заключительный период войны новая религиозная политика Советского правительства, в том числе интронизация Московского Патриарха, воспринималась на оккупированной территории СССР как своеобразный «церковный НЭП». Это заставило гитлеровское руководство внести новые коррективы в политику по отношению к Православной церкви. В качестве мер контрпропаганды была допущена заметная активизация церковной жизни. Министерство «восточных территорий» совместно с РСХА способствовало проведению в первой половине 1944 г. целой серии конференций украинских, белорусских и прибалтийских право-

славных архиереев. Однако предложения о создании единой Церкви на оккупированных территориях СССР в качестве противовеса Московской патриархии или хотя бы о проведении общей конференции всех православных архиереев в Берлине были категорически отвергнуты священнослужителями⁵⁰². Министерство «восточных территорий» готовило выпуск книги «Правда о религии в России» — ответ на вышедшую в 1942 г. под таким же названием книгу Московского патриархата. Книгу планировалось издать в Женеве в конце сентября 1944 г. тиражом 40 000 экз., но и это осуществлено не было.

Менялись настроения антисоветски настроенного духовенства. В 1943 г. белорусский архиепископ Филофей через партизанских агентов просил передать Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Сергию привет, сообщил, что «все его решения [о расколе Православной церкви] исходили не от него», а также «заявил о готовности сотрудничать». В мае 1944 г., несмотря на противодействие главы Белорусской центральной рады Р. Островского, Митрополит Пантелеймон инициировал признание решений церковного собора августа 1942 г. (о выходе Белорусской церкви из состава РПЦ) недействительным. В то же время он высказывался резко против большевизма, которому хотел противопоставить «православную веру и мораль». Экзарх Прибалтики митрополит Сергей (Воскресенский), несмотря на давление гитлеровцев, отказался признать избрание Московского патриарха неканоническим. 29 апреля 1944 г. митрополит Сергей был убит — его машина на шоссе Вильнюс—Каунас была расстреляна мотоцикли-

стами в немецкой форме. Исследователи расходятся во мнении, кто стоял за этим покушением, так как митрополит мог быть равно неуютен как гитлеровцам, так и советскому руководству. Рядовые священники, сохранившие верность РПЦ и признавшие легитимность избранного патриарха Сергия, подвергались преследованию со стороны гитлеровцев⁵⁰³.

При освобождении Украины и Белоруссии Красной Армией иерархи и многие священники УПЦ, УАПЦ и Белорусского экзархата РПЦ ушли вместе с гитлеровцами. Клер УПЦ и Белорусского экзархата РПЦ в эмиграции присоединился к Русской Православной церкви за границей, что подчеркивает их общерусские, а не сепаратистские церковные настроения⁵⁰⁴.

Итак, несмотря на серьезные послабления в пользу религии со стороны гитлеровских оккупантов, их политика была крайне противоречивой. В целом она была враждебна православию. Известно много примеров намеренного сжигания и разграбления православных храмов, депортации и убийств священнослужителей⁵⁰⁵. В то же время гитлеровцы в своих целях допустили возрождение церковной жизни на оккупированной территории, что с самого начала войны было замечено советским руководством и оказало определенное влияние на изменение его религиозной политики. В то же время следует согласиться с мнением, что политика гитлеровцев, направленная на огульную пропаганду религии, не могла оказать значительного влияния на воинов Красной Армии, так как состоявшая в ее рядах молодежь в большинстве своем была воспитана на атеистической пропаганде⁵⁰⁶.

Ориентация на быструю победу в войне с СССР делала для руководства Германии ненужной разработку программы военного сотрудничества с народами Советского Союза. В планы гитлеровцев не входило какое-либо поощрение формирования на территории СССР местных вооруженных сил, даже союзных Германии. По приказу Гитлера в оккупированных областях «никто другой, кроме самих немцев», не имел права носить оружие⁵⁰⁷.

Однако определенная часть полевого командования вермахта понимала, что из-за ограниченности ресурсов живой силы с каждым днем все острее будет вставать проблема пополнения фронтовых частей и тыловых подразделений, особенно ввиду необходимости борьбы с советскими партизанами, деятельность которых отмечалась уже 24 июня 1941 г. По этой причине командование частей вермахта начало самостоятельно привлекать представителей народов Советского Союза для охраны тыла, участия в боевых операциях на фронте и обслуживания вермахта в прифронтовых районах. Летом 1941 г. была освобождена часть советских военнопленных из числа этнических немцев, украинцев, эстонцев, латышей и литовцев, некоторые из них были оставлены в вермахте на положении «добровольных помощников» («Хиви», от «Hilfswilliger»), работавших в качестве конюхов, водителей, поваров, проводников, переводчиков и порученцев⁵⁰⁸.

По приказу Гиммлера в конце июля 1941 г. была начата кампания по вербовке мирного населения

на оккупированных территориях Прибалтики, Украины и Белоруссии в вооруженные вспомогательные силы, которые фигурировали под названиями «стража порядка», «служба порядка», «организация самозащиты», подчинялись командным инстанциям вермахта или СС и несли охранную службу, иногда участвуя в карательных операциях. 6 ноября 1941 г. по приказу Гиммлера все такие части были объединены во «Вспомогательную охранную службу полиции порядка» («Шума», от «Schutzmannschaft der Ordnungspolizei») ⁵⁰⁹.

К службе во вспомогательных охранных командах привлекались «особо надежные жители», о которых было известно, что они «боролись с большевизмом или настроены антибольшевистски». Давались указания «привлекать к этому столько людей, сколько необходимо», но при этом должны были «принципиально исключаться члены коммунистической партии, активисты и сочувствующие коммунизму», а также приверженцы ОУН и уголовные преступники. На практике во вспомогательную полицию часто попадали члены националистических организаций (в основном в Прибалтике), дезертиры из Красной Армии, элементы, старавшиеся захватить имущество репрессированных гитлеровцами советских граждан, получить хорошие квартиры, а также те, кто стремился избежать трудовой мобилизации. Согласно показаниям военнопленных из числа латышских legionеров, на службу к гитлеровцам они «шли охотно, так как хорошо платят и кормят», но на фронт идти не хотели, рассчитывая, что их отправят на полицейские должности в тылу. Из опросов военнопленных латышей и просмотра захваченной почтовой корреспонденции

штаб Западного фронта РККА сделал вывод, что только незначительная часть латышских легионеров была настроена в гитлеровском духе, основная же их масса «пошла в батальон, боясь быть отправленными в Германию или утнанными на оборонные работы в прифронтовую полосу». Созданные гитлеровцами полицейские и охранные батальоны использовались ими для разжигания национальной вражды. Для этого украинских полицейских направляли в Белоруссию, литовцев и эстонцев на Украину и т.д.⁵¹⁰.

Численность вспомогательной полиции на Украине была установлена в размере 1% от числа жителей данного населенного пункта. К концу августа 1942 г. во вспомогательной полиции на Украине служили 150 тыс. чел. На территории России, в частности в Орджоникидзевском крае, была установлена норма в одного полицейского на 200 жителей, в Белоруссии — одного полицейского на 100 жителей в сельской местности и на 300 жителей — в городах. На Украине и в Белоруссии вспомогательные полицейские формирования, предназначенные для борьбы с партизанами, функционировали под едиными названиями «Украинская народная самооборона» (УНС) и «Белорусская краевая самооборона» (БКС) соответственно. В июне 1942 г. БКС была преобразована в «Белорусский охранный корпус», состоявший из шести батальонов. Члены отрядов вспомогательной полиции носили отличительные знаки. На оккупированной территории РСФСР это была белая нарукавная повязка, на Украине — желто-голубая нарукавная повязка со штампом немецкой комендатуры и иногда с изображением трезубца (в мае 1942 г. была заме-

нена нарукавным знаком и кокардой). В целях привлечения молодежи к службе в охранных подразделениях, по образцу «Гитлерюгенда» в Белоруссии был создан «Союз белорусской молодежи». Подобные организации были созданы также в Прибалтийских республиках⁵¹¹.

Первые идеи о создании регулярных русских вооруженных формирований на стороне Германии родились в среде белых эмигрантов. Во Франции Русский общевоинский союз (РОВС) уже в первые дни войны зарегистрировал более 1,5 тыс. русских офицеров-добровольцев. Однако на первом этапе войны эти начинания воплотиться в жизнь не могли, так как Гитлер издал приказ о недопущении русских эмигрантов, как «великорусских шовинистов», в оккупированные области. Они, по тексту приказа, были «опаснее для Германии, чем коммунисты». Тем не менее командование вермахта усиленно вербовало русских эмигрантов для использования в качестве переводчиков и диверсантов⁵¹².

В сентябре — декабре 1941 г. в Югославии из числа русских эмигрантов был сформирован «Русский охранный корпус» под командованием генерала М.Ф. Скородумова (позднее — генерала Б.А. Штейфона), который был направлен на борьбу с красными партизанами И.Б. Тито и несение полицейской службы в городах Сербии. К марту 1942 г. на территории Югославии был сформирован батальон СС «Варяг» численностью 2—2,5 тыс. чел. из числа русских эмигрантов и советских военнопленных, который также был брошен против югославских партизан⁵¹³.

К августу 1941 г. большинству высших чинов вермахта стало ясно, что война затягивается, поэто-

му идея о создании союзной для Германии «русской армии» приобрела большее звучание. В ноябре 1941 г. в штабе группы армий «Центр» был разработан план создания коллаборационистской «русской армии» численностью в 200 тыс. чел. (оценочное число «хиви» на тот момент). План был направлен Гитлеру. Ответа получено не было, а создатели плана в декабре 1941 г. получили выговор от командующего ОКВ В. Кейтеля. Мало того, из-за боязни вызвать гнев Гитлера, ОКВ отозвало с Восточного фронта почти всех добровольцев из числа русских эмигрантов⁵¹⁴.

В этой ситуации многие генералы и офицеры германской армии приняли самовольное решение вооружить «хиви» и создать из них вспомогательные подразделения с целью восполнения потерь тыловых частей в борьбе с партизанами. С октября 1941 г. началось формирование «казачьих сотен» из советских военнопленных. В ноябре 1941 г. группа армий «Центр», потери которой к этому времени составляли уже 18–20% всего личного состава, сформировала первые шесть вооруженных батальонов «хиви», которые получили название «восточные формирования», а на участке группы армий «Юг» тогда же возникли «казачьи сотни»⁵¹⁵.

Появление в составе вермахта формирований из числа советских граждан вызвало негодование Гитлера, поэтому 10 февраля 1942 г. он запретил их дальнейшее создание. Однако из-за того, что к апрелю 1942 г. потери германской армии на Восточном фронте увеличились до 35% личного состава, приказ фюрера командование пыталось обойти. Согласно приказу Генштаба ОКХ, набор «добровольцев» преследовал цель заменить ими в тылу не-

мецких солдат, которых предписывалось использовать в действующих частях. К концу апреля 1942 г. численность всех «восточных» соединений в германской армии была доведена до 200 тыс. чел.⁵¹⁶.

Как фактор успешного решения задачи по вербовке «добровольцев», использовались нечеловеческие условия содержания в лагерях военнопленных. По воспоминаниям военнопленных, вербовка проводилась следующим образом: «Сначала морят голодом... а потом опрашивают, "кто хочет лучше питаться". Из изъявивших желание "лучше питаться" отбирают тех, кто помоложе и покрепче физически, и заставляют под диктовку писать прошения. Получив такое "прошение", немцы начинают лучше кормить подавших прошения, содержат их отдельно, смягчают режим и т.д., и в это время обрабатывают их идеологически. В числе других пользуются и таким приемом, как заявление пленным: "Теперь если вы попадете в Красную Армию — то вас расстреляют, как изменников, так как мы копии ваших прошений послали в особые отделы частей Красной Армии, где вы служили до плена"». Гитлеровцы использовали в своих интересах и другие просчеты советской политики по отношению к военнопленным. В одном из документов, изданных командованием 2-й танковой армии вермахта 9 февраля 1942 г., говорилось: «Из захваченного [советского] приказа явствует, что все русские военнопленные, убежавшие из немецкого плена и вернувшиеся в Красную Армию, содержатся в специальных лагерях НКВД. Об этом следует в удобной форме сообщить всем военнопленным. Нужно указать на то обращение, которое ожидает их в руках НКВД»⁵¹⁷.

Характерными примерами вооруженных подразделений, сформированных из советских военнопленных, являются т.н. «Осинторфская бригада» и «Дружина». «Осинторфская бригада»*, созданная в мае 1942 г. и с июля 1942 г. получившая название «Русская национальная народная армия» (РННА), позиционировалась гитлеровской пропагандой как ядро «армии освободителей России от сталинского гнета». Командный состав РННА был набран из белоэмигрантов. С мая по декабрь 1942 г. РННА участвовала в операциях против партизан и советских войск на фронте. Однако ее личный состав оказался ненадежным. После одного из случаев массового перехода солдат на советскую сторону в августе 1942 г. эмигранты от руководства РННА были отстранены. Командование РННА было передано военнопленным офицерам Красной Армии — полковнику В.И. Боярскому и бригадно-му комиссару Г.Н. Жиленкову (до войны возглавлял Ростокинский райком ВКП(б) в Москве). К ноябрю 1942 г. они смогли довести численность РННА до 4 тыс. бойцов. Но их деятельность также окончилась неудачей — РННА была почти полностью разбита, а часть ее перешла на советскую сторону. В декабре 1942 г. РННА была расформирована, а ее остатки были включены побатальонно в различные дивизии вермахта на линии фронта⁵¹⁸.

«Дружина» была сформирована в апреле 1942 г. под командованием В.В. Гиля (бывший подполковник РККА, начальник штаба 29-й стрелковой дивизии, попал в плен летом 1941 г.) и дислоцирована в районе г. Невель Полоцкой области. После ряда

* Располагалась в пос. Осинторф Витебской области.

ее успешных действий против советских партизан была разрешена организация еще одного подобного отряда («Дружина-2»)⁵¹⁹.

Военнопленные, одетые в германское обмундирование, также включались в состав регулярных частей вермахта. По данным советской разведки, 707-я пехотная дивизия была на 40% укомплектована советскими военнопленными, пехотный полк, отправленный в октябре 1942 г. из Крыма во Францию, состоял на две трети из пленных красноармейцев и «добровольцев» из крымских татар. Русские «добровольцы» имелись в составе 1-го полка кавбригады СС. Летом 1942 г. в составе 5-й танковой дивизии вермахта сражалась рота русских «добровольцев». Военнопленные также вербовались в диверсионные группы для засылки в советский тыл⁵²⁰.

Особая политика проводилась гитлеровским руководством по отношению к казакам. Очевидно, в ее основе лежала надежда на то, что обиженное советской властью казачество легко примкнет к гитлеровцам. В июле 1941 г. гитлеровская пропаганда объявила, что казаки — это «не славяне, а германцы — потомки остготовов, которые в древности прошли через Украину и проникли в Крым». Гитлер одобрил прием казаков в вермахт. В августе 1941 г., после того как 436-й полк Красной Армии перешел на сторону врага, командир этого полка И. Кононов, донской казак, по указанию гитлеровцев сформировал и возглавил 5-й Донской казачий кавалерийский полк. Затем в вермахте были созданы другие кавалерийские казачьи сотни и полки⁵²¹.

Эксперимент по созданию украинских вооруженных частей в вермахте в первый период войны

был весьма краткосрочным. В начале 1941 г. глава абвера Ф. Канарис установил связь с лидерами ОУН, в результате чего была достигнута договоренность о вооруженном сотрудничестве Германии и ОУН в борьбе против СССР. Германский консул в Венгерском Закарпатье открыто содействовал лидеру ОУН-М А. Мельнику, который формировал там «украинскую национальную армию». К весне 1941 г. ОУН сформировала «Украинский легион» в составе 700 чел., который был разделен на 2 батальона, получивших наименования «Организация "Роланд"» и «Специальный отдел "Нахтигаль"». Эти воинские подразделения получили задачу, с началом вторжения немецких войск, выдвинуться на территорию Украины, впереди и сразу позади линии фронта, с целью поддержания безопасности прохождения немецких войск, разоружения подразделений Красной Армии и охраны транспортов с военнопленными. Эти задачи были выполнены, после чего надобность у гитлеровцев в этих отрядах отпала. В августе 1941 г. «Нахтигаль» и «Роланд» были разоружены, а военнослужащие этих подразделений были направлены на несение антипартизанской службы в Белоруссии. В 1941 г. в подразделениях вермахта в качестве разведчиков, парашютистов, диверсантов и переводчиков служили 15 тыс. этнических украинцев⁵²².

На оккупированной территории Западной Украины, Западной Белоруссии и Виленщины гитлеровцами были размещены польские полицейские батальоны, созданные как из местных жителей, так и переведенные из Генерал-губернаторства (т.н. «синяя полиция»). Деятельность этих отрядов была отмечена жестокими расправами с

мирным населением — украинцами, белорусами, литовцами⁵²³.

На оккупированной территории Прибалтики основу полицейских сил составляли местные жители. Литовские, латышские и эстонские батальоны полиции пользовались большим доверием со стороны гитлеровцев. В каждом из них был только 1 немецкий офицер-наблюдатель. В отличие от всех иных полицейских батальонов в них были введены немецкие звания. Продолжительность службы составляла 6 месяцев, но обычно этот срок продлевался. Комплектация производилась только на добровольной основе⁵²⁴.

В Литве в полицейские части влились антисоветские повстанческие группы. В Латвии полицейские отряды комплектовались, обучались и вооружались как армейские пехотные батальоны. В феврале 1942 г. в Латвии число полицейских достигло 14 тыс. чел. Два латышских полицейских батальона были отправлены на советско-германский фронт. Всего, по данным советской разведки, в 1941—1943 гг. на фронте было отмечено до шестнадцати латвийских и десяти литовских батальонов⁵²⁵.

Первое эстонское подразделение вермахта из 396 военнопленных и дезертиров было создано уже 31 июля 1941 г. В конце 1941 г. глава эстонского «самоуправления» Х. Мяэ заявил, что на Восточном фронте сражалось 12 600 эстонских добровольцев. Эстонские батальоны несли охранную и противопартизанскую службу в Ленинградской области, Белоруссии, а также в конце 1942 г. — начале 1943 г. участвовали в боевых действиях на фронте⁵²⁶.

Население республик Прибалтики приняло активное участие в создании местной политической

полицейской администрации Литовской Республики⁵²⁷.

Политика руководства Германии по отношению к «азиатским» народам Советского Союза была противоречивой, что коснулось и создания вооруженных формирований из представителей этих народов. Изначально сотрудничество с представителями этих народов не предполагалось. Согласно приказу РСХА от 17 июля 1941 г., следовало «азиатов отделять от солдат, имеющих европейский вид», так как «Германии не нужны азиаты, если даже они владеют немецким языком»⁵²⁸. Однако, ввиду того что блицкриг затянулся, германское руководство изменило свое мнение, осознавая необходимость заручиться поддержкой «азиатского» населения СССР для борьбы с партизанами в Крыму и осуществления намеченного на лето 1942 г. наступления на Кавказ.

Осенью 1941 г. в лагерях военнопленных стали отдельно собирать крымских татар, а затем — представителей других тюркских и кавказских народов СССР. К началу 1942 г. на оккупированной территории Крыма началась вербовка в крымско-татарские воинские подразделения. В обязанности этих отрядов входило выявление советско-партийного актива, пресечение деятельности партизан, охранная служба в тюрьмах и лагерях СД, лагерях военнопленных. За достаточно короткое время было рекрутировано 9255 чел. В феврале 1942 г. отдельные отряды были отправлены на фронт под Керчь. Гитлеровцы отмечали, что «применение та-

тарских рот в боевых действиях показывает, что они в основном действуют хорошо»⁵²⁹.

В татарских деревнях горно-лесной части Крыма были созданы отряды самообороны из числа жителей этих деревень. Они получали боевое оружие и принимали активное участие в карательных экспедициях против партизан. В июле 1942 г. все эти отряды были сведены в татарские батальоны «шума». К ноябрю 1942 г. было создано 8 таких батальонов. Крымско-татарские батальоны совершали карательные акции в отношении сел и поселков, которые взаимодействовали с партизанами. По данным на июнь 1942 г., было отмечено массовое дезертирство крымских татар из советских партизанских отрядов. Отмечалось, что «ни один из татарских населенных пунктов никакой помощи партизанам не оказывал и не оказывает», а татарское население «враждебно относится к партизанам», причина чего была не только в работе гитлеровской пропаганды, но и в том, что при создании советских партизанских отрядов в них не были включены «авторитетные фигуры» из числа крымских татар. Следует, однако, отметить, что были и такие крымско-татарские селения, которые лояльно относились к советским партизанам и сопротивлялись попыткам гитлеровцев принудить их к борьбе с партизанами⁵³⁰.

20 декабря 1941 г. Гитлер дал официальное согласие на создание в вермахте частей («легионов») из лиц неславянского происхождения. В своих политических целях гитлеровцы поделили все народы Кавказа и Центральной Азии на 2 группы: «кавказцы» и «туркестанцы». Цель создания «кавказ-

ских» и «туркестанских» легионов изначально была скорее политической, чем военной. Министр иностранных дел Германии И. Риббентроп 27 марта 1942 г. говорил: «Использование кавказских воинских частей германской армии произведет глубочайшее впечатление на эти народы, когда они еще узнают, что только им и туркестанцам фюрер оказал эту честь». Численность таких формирований изначально была установлена не больше 1000 чел. О политическом значении легионов говорит и то, что каждый из них был направлен на соответствующий участок фронта: «кавказские» — на Северный Кавказ, «туркестанские» — на Астраханское направление, с целью последующего их продвижения в Казахстан и Среднюю Азию. В специальных центрах, расположенных в Польше, с декабря 1941 г. по июнь 1942 г. были созданы 4 «восточных легиона»: «Туркестанский» (представители народов Центральной Азии), «Кавказско-магометанский» (азербайджанцы, дагестанцы, чеченцы и ингуши), «Грузинский» (грузины, осетины, абхазцы, адыгейцы, черкесы, кабардинцы, балкарцы и карачаевцы), «Армянский» (мноэтничный), а затем еще 2 «восточных легиона». Пункты формирования частей из военнопленных были открыты в различных местах, в том числе в Ромнах, Днепропетровске, Лохвине, Сталино, Могилеве, Симферополе⁵³¹.

По показаниям перебежчиков, вербовка военнопленных в легионы происходила следующим образом: «После девятимесячного пребывания в нечеловеческих условиях в лагере военнопленных... у всех оставшихся в живых 18 апреля [1942 г.]

отобрали ремни, под охраной погнали их на станцию, погрузили в товарные вагоны и заперли. Этим эшелонем они прибыли в Рембертов (около Варшавы)... Кормили здесь лучше». При формировании легиона у военнопленного не спрашивали его согласия, хотя находились и те, кто записался добровольно. Легионерам сказали, что они «получат права наравне с немецкими солдатами и должны будут бороться вместе с вермахтом против большевиков, а также, после освобождения Кавказа, бороться с партизанскими отрядами»⁵³².

Командирами легионов и подразделений были как немцы, так и представители «титульной» национальности легиона, либо оба на примерно

равном положении. Легионам дали флаги «национальных» цветов. С легионерами проводилась политобработка, в т.ч. путем распространения лживых сведений, что «Кавказ уже занят немцами», и скоро их отправят на «освобожденную родину», что «советская власть выселяет армян в Сибирь», «Советы расправляются с армянами так, как мы, немцы, с евреями». Кроме того, на легионеров сильно

*Гитлеровский плакат для народов
Кавказа*

влияло пребывание в других условиях, лучшее питание, и то, что не заставляли работать. Для легионеров организовывали экскурсии в Берлин, устраивали встречи с лидерами националистов, например, для армянских легионеров — с одним из лидеров партии «Дашнакцутюн» Д.М. Канаяном («генерал Дро»), который представлялся как член «Армянского комитета», состоявшего из «будущих правителей Армении». Легионеры принимали присягу «перед Богом и Адольфом Гитлером», давая обещание «бороться за дело фашизма против большевиков»⁵³³.

Представителям кавказских народов было обещано после взятия Кавказа предоставление самоуправления и наделение земель. Гитлеровцы готовили политический документ — «Прокламацию независимости для народов Кавказа». Эту работу вел МИД Германии, который в апреле 1942 г. созвал в Берлине совещание 40 представителей народов Кавказа. Но Гитлер посчитал, что эта работа зашла слишком далеко, и приказал ее прекратить⁵³⁴.

В апреле — мае 1942 г. в лагерях военнопленных была проведена «добровольно-принудительная» вербовка представителей народов Средней Азии в «Туркестанский легион». В задачу легиону ставилось уничтожение советской власти в Средней Азии и создание там мусульманского государства под эгидой Германии. Был установлен намаз один раз в неделю, а также введены должности мулл, которые иногда одновременно замещали должности командиров взводов. Активную роль в создании «Туркестанского легиона» играл эмигрант В. Каюм-хан, который возглавлял созданный гитлеровцами Туркестанский комитет⁵³⁵.

В августе 1942 г. «Кавказско-магометанский легион» был переименован в «Азербайджанский», а из представителей горских народов был создан «Северокавказский легион». Тогда же был создан «Волжско-татарский легион» (поволжские татары, башкиры, мордва, марийцы, чуваша и удмурты). К концу 1942 г. на фронт было отправлено в общей сложности 6 туркестанских, 2 азербайджанских, 3 северокавказских, 2 грузинских и 2 армянских легиона.

С 16 августа 1942 г., согласно директиве начальника ОКХ Ф. Гальдера, все воинские подразделения из представителей народов СССР получили наименование «восточные войска». Было выделено 4 группы таких подразделений: вспомогательный персонал («хиви»), гражданская полиция («шума»); части по борьбе с партизанами и боевые части. К началу 1943 г. в германской армии было 130—150 тыс., к июню 1943 г. — 220—320 тыс., к концу 1943 г. — 370 тыс. «восточных солдат», а также 150—250 тыс. «хиви»⁵³⁶.

Во второй половине 1942 г. сохранялся добровольный принцип комплектования таких подразделений под обещания о «выдаче кредитов и наделов земли», а также выдачи жалованья, пайков, «уравнения в правах с немцами». К концу 1942 г., в связи с ухудшением положения на фронте, в вермахте стал подниматься вопрос о форсировании процесса вербовки «добровольцев». На проведенной 18 декабря 1942 г. конференции начальников оперативных тылов войск и представителей центральных военных управлений Германии был сделан вывод, что «сложность создавшегося положения делает настоящим позитивное сотрудничество

во населения». Поэтому предлагалось дать населению оккупированных территорий СССР некоторые поблажки: ограниченное участие в решении управленческо-административных вопросов, ускоренное восстановление частной собственности, в особенности на землю, улучшение положения с питанием и свертывание принудительной депортации. За принятие таких мер выступали Розенберг и часть военных. Против выступили Гитлер и рейхскомиссар Украины Э. Кох⁵³⁷, поэтому предложение принято не было.

Тем не менее поражение под Сталинградом заставило гитлеровское руководство принять срочные меры к расширению масштаба использования людских ресурсов оккупированных советских

Гитлер и Геббельс 24 июня 1943 г., Бергхоф

территорий. В январе 1943 г. в рамках ОКХ было создано «Управление восточных войск» во главе с генерал-лейтенантом Х. Хельмигом. Была усилена пропаганда среди населения оккупированных территорий и военнопленных, которая строилась на указании Геббельса от 15 февраля 1943 г.: «Теперь подвергаться нашим атакам должны только Сталин и чудовищность большевистской системы, но не народы, которые ею поработочены». По приказу начальника Генштаба ОКХ К. Цейтлера от 29 апреля 1943 г. всем добровольно перешедшим на германскую сторону предоставлялась свобода выбора — остаться служить в вермахте или выбрать один из «национально-освободительных легионов». Наиболее значимым по численности и пропагандистскому воздействию «легионом» являлась РОА, за вступление в ряды которой на оккупированной территории СССР велась усиленная пропаганда. Целевой группой для нее были прежде всего «окруженцы», осевшие в деревнях, и красноармейцы, которые при отступлении Красной Армии через их родные места остались дома. Советские органы указывали, что «большинство этих людей были подвергнуты панике, подогреваемой немецкой пропагандой, многие разуверились в возможности победы Красной Армии»⁵³⁸.

Задачи гитлеровской пропаганды по вербовке содержатся в документе «Наставление о поведении по отношению к "добровольцам"»: «Сделать из "добровольцев" надежных союзников Германии, которые были бы кровно заинтересованы в исходе борьбы и вооружены против большевистской пропаганды», с целью «использования туземных

подразделений в борьбе с партизанами и на фронте». В пропаганде использовалась прежде всего антибольшевистская мотивация «добровольцев»: «Доброволец сражается на стороне немцев также и за будущее своего народа. Возврата к Сталину и большевистскому советскому режиму более не существует». Гитлеровская пропаганда пыталась внушить, что народы Советского Союза должны искупить свою вину перед человечеством, «смыть позор большевизма». Еще одним аспектом мотивации была возможность «вскочить в последний вагон»: «Дальнейшее положение [народов] в Европе будет определяться степенью их участия в борьбе. Народы Советского Союза не должны рассчитывать добиться свободы с помощью вооруженных сил Германии и ее союзников, если они сами не сделают решающий вклад в дело борьбы»⁵³⁹.

В Прибалтике вербовка добровольцев в боевые части началась раньше других оккупированных территорий СССР. К февралю 1943 г. на «добровольно-принудительной» основе был создан Латышский легион СС. В «Эстонский легион» СС, о создании которого было объявлено в августе 1942 г., к середине октября 1942 г. удалось набрать только 500 чел. После того как в ноябре 1942 г. была объявлена мобилизация мужчин 1925 г.р., к марту 1943 г. легион удалось сформировать, после чего он был отправлен на северный участок Восточного фронта, где в ноябре 1943 г. принял участие в боях под Невелем. В Литве набрать добровольцев в части СС не удалось, и усилия по вербовке были прекращены 17 марта 1943 г. Литовцы были провозглашены «недостойными носить форму СС»⁵⁴⁰.

Рост потерь вермахта во время Сталинградской битвы заставил гитлеровское руководство принять решение о проведении на оккупированной территории СССР принудительной мобилизации, которая началась в феврале — марте 1943 г. с предварительной регистрации мужчин в возрасте от 14—18 до 50—60 лет. Затем была объявлена обязательная мобилизация в полицию, которой подлежал каждый здоровый мужчина под угрозой подвергнуться расправе как «партизан» и спровоцировать репрессии в отношении своей семьи⁵⁴¹.

Сначала мобилизации подверглось мужское население прифронтовой полосы, затем была объявлена тотальная мобилизация на военную службу или трудовую повинность не только в прифронтовых, но и во всех остальных оккупированных областях. Возраст мобилизуемых варьировался. Например, в Невельском и Пустошкинском районах Калининской области* он был от 15 до 50 лет, в Белоруссии — от 17 до 45 лет, Эстонии — от 18 до 46 лет. В Латвии был объявлен призыв на военную службу десяти, в Литве — шести возрастов. Дополнительно в Эстонии в конце марта 1943 г. была объявлена мобилизация всех бывших офицеров эстонской армии⁵⁴².

Летом 1943 г. в Литве, с целью усиления мобилизационной пропаганды, была созвана «Вселитовская конференция» и при Директорате создан орган под названием «Тагуба» («Совет») — по аналогии с названием органа, который провозгласил независимость Литвы в 1918 г. Гитлеровцы надеялись, что создание такого органа, выступавшего как про-

* Ныне — Псковская область.

образ будущего «литовского правительства», могло облегчить мобилизацию, которая была вскоре объявлена. В октябре—ноябре 1943 г. была проведена новая мобилизация в Латвии и Эстонии. Эта мобилизация не дала ожидаемых результатов. В частности, в Эстонии удалось призвать в воинские части не более 2,5—3 тыс. чел.⁵⁴³.

В то же время за счет принудительной мобилизации гитлеровцам удалось сформировать многочисленную полицию. В течение всего хода войны гарнизоны немецких, а чаще венгерских, итальянских и прочих солдат имелись лишь в крупных городах и важных узловых пунктах, а во всех остальных местах дислоцировалась только местная полиция, подчинявшаяся немецкому коменданту. Полиция стала основной силой, при помощи которой гитлеровцы осуществляли террор и грабеж населения, а также борьбу против партизан⁵⁴⁴.

Сформированные гитлеровцами «добровольческие» части из числа коллаборационистов использовались для охраны железных дорог и военных объектов, в качестве различных вспомогательных и тыловых подразделений, в операциях непосредственно на фронте — часто в качестве прикрытия для отступавших немецких войск. Зимой 1942/43 г. в глубине оккупированной территории происходила замена некоторых гарнизонов «добровольческими» частями и отправка высвободившихся немецких частей на фронт. К лету 1943 г. обозы некоторых гитлеровских войск полностью обслуживались «добровольцами». Во многих строевых частях вермахта их командиры самочинно создавали отдельные «русские роты» с немецкими офицерами. Мобилизация населения

оккупированных территорий в боевые и вспомогательные части вермахта способствовала сокращению некомплекта личного состава. Если к 1 июня 1943 г. некомплект в вермахте составлял 620 тыс. чел., то к 1 июля 1943 г. путем сокращения штатов, реорганизации и привлечения «добровольцев» некомплект был снижен до 194 тыс. чел. С августа 1943 г. по штату в пехотной дивизии вермахта состояло 10,7 тыс. бойцов и 2 тыс. «добровольцев»⁵⁴⁵.

Некоторые «восточные формирования» (например, 804-й и 805-й азербайджанские, 879-й армянский батальоны) успешно действовали на фронте. Созданный гитлеровцами калмыцкий кавкорпус (1,5 тыс. чел.) уходил из Калмыкии последним, прикрывая отход частей вермахта⁵⁴⁶.

Военнослужащие ряда «восточных формирований» совершили тяжкие военные преступления. Сами гитлеровцы указывали в августе 1943 г. на зверства со стороны «восточных формирований» по отношению к мирному населению из-за «личной ненависти и жажды мести против НКВД». В Крыму в совхозе «Красный» преступники из 147-го и 152-го крымско-татарских батальонов соорудили печи, в которых круглосуточно сжигались живые люди. В Литве военные коллаборационисты убили около 40 тыс. чел. В Латвии гитлеровцы и их пособники истребили 313 798 мирных жителей, в т.ч. 39 835 детей, а также 330 032 советских военнопленных, угнали на работу в Германию 279 615 чел. В Эстонии гитлеровцы с помощью местной полиции расстреляли 58 167 мирных жителей, 64 тыс. советских военнопленных, пытками и истязаниями довели до смерти 3140 чел. Эстонские карательные полицейские батальоны и дру-

гие подразделения коллаборационистов оставили кровавый след на территории России, Белоруссии, Украины, Польши и самой Эстонии. Они участвовали в уничтожении вильнюсского гетто, сопровождали перевозимых из Вильнюса евреев в концлагеря Эстонии. Эстонская полиция и «Омакайтсе» ликвидировали сторонников советской власти (к которым зачастую причислялись все русские жители некоторых городов и сел), эстонцев, не разделявших праворадикальные взгляды, а также крестьян, получивших землю в ходе советской аграрной реформы 1940 г.⁵⁴⁷

Формирование воинских подразделений вермахта из казаков имело свои отличительные особенности — во-первых, в основном оно проходило на добровольной основе, во-вторых, пользовалось поддержкой политических коллаборационистов из числа казаков. Один из экспериментов по созданию воинских частей вермахта из казаков возглавил некий С.В. Павлов, который во время оккупации утвердился в качестве атамана в Новочеркасске, где сформировал полицию из местных коллаборационистов. Осенью 1942 г. было сформировано несколько казачьих сотен в Краснодарском крае. В феврале—марте 1943 г., после оставления Новочеркасска, Павлов основал «казачье управление» в Кривом Роге, где из числа беженцев сформировал 5 казачьих полков. Впоследствии отряд Павлова был направлен на борьбу с партизанами на Украине, в Белоруссии и Польше⁵⁴⁸.

В сентябре 1943 г. П.Н. Краснов был назначен главой Центрального казачьего управления вермахта. По словам русского эмигранта Д.И. Мейснера, было загадкой, «что заставило этого очень

опытного и, казалось, неглупого человека взяться за такое безнадежное дело в то время, когда поражение Германии было явно предрешено». Тем не менее Краснов вплотную занялся созданием казачьей дивизии, которая была сформирована под командованием Г. фон Паннвица в Млаве (Польша) в сентябре 1943 г. В ее составе было 18 тыс. чел., из них более 5 тыс. немцев. В октябре 1943 г. дивизия была отправлена в Югославию для участия в карательных операциях против партизан Тито⁵⁴⁹.

Несмотря на то, что ряд «восточных формирований» успешно действовал на стороне гитлеровцев, имело место дезертирство части «восточных добровольцев» и их переход на сторону Красной Армии. Уже в августе 1942 г. в докладных записках ЦШПД отмечалось, что «устойчивость этих формирований невысокая», «имеется много случаев, когда при первых же столкновениях с партизанами полицейские и каратели разбежались и частично переходили на сторону партизан», «имели место вооруженные выступления этих частей против немцев и их прихвостней», причем «отдельные группы и подразделения выполняли совместно с партизанами различные боевые задания и полностью переходили на сторону партизан». Аналогичные сведения содержатся в гитлеровских документах, датированных августом 1942 г. и октябрём 1943 г.⁵⁵⁰

Легионеры одного из грузинских батальонов, за исключением тех, кто пошел в легион добровольно, когда узнали, что «их готовят для борьбы против своих же братьев», обсуждали, как бы скорее попасть на фронт и там осуществить переход на сторону Красной Армии. Уже по пути на фронт сбегали с оружием 170 чел. В легионе была создана

тайная организация, которая готовила переход на сторону Красной Армии, но была раскрыта. Тем не менее 10 октября 1942 г. части легионеров удалось перейти на сторону Красной Армии. После этого легион был разоружен и помещен за проволочные ограждения. Большинство легионеров одного из армянских батальонов всерьез не думали, что им придется участвовать в боях против Красной Армии, но когда поняли, что это так, стали говорить о том, что «надо группами разбежаться из батальона». Этим настроениям способствовало враждебное отношение к легионерам со стороны населения оккупированных территорий СССР: легионеры в строю пели советские песни, а «женщины, услышав советскую песню, выбегали смотреть, но, увидев легионеров в немецкой форме, плакали и убегали». По дороге на фронт из армянского батальона сбежали около 100 чел. Массовый переход был назначен на 29 сентября 1942 г., но из-за предательства гитлеровцы арестовали часть легионеров, разоружили легион и реорганизовали его в дорожно-строительный батальон. Перейти на советскую сторону в ноябре 1942 г. удалось 39 легионерам. В январе 1943 г. остатки армянского батальона были отправлены во Францию и разбросаны мелкими подразделениями по немецким частям. В октябре 1942 г. из 3-го батальона Туркестанского легиона дезертировала значительная часть солдат и командиров, после чего батальон был расформирован⁵⁵¹.

Причина «неблагонадежности» гитлеровских формирований из советских граждан заключалась в том, что многие «добровольцы» пошли в эти формирования по мотивам спасения от голода и зверств, чинимых гитлеровцами в лагерях воен-

нопленных, страха быть расстрелянными, а некоторые лелеяли надежду при первой возможности сбежать к партизанам или перейти линию фронта. Гитлеровцы понимали это и, при всем их усердии в создании «восточных формирований», изначально относились к ним с недоверием. В ориентировке Главного штаба ОКХ указывалось, что нельзя «допускать добровольцев к местам, откуда могут быть получены данные о секретных процессах (например, в канцеляриях, на почтовых базах и т.д.)», а также «необходимо установить неслужебное наблюдение за добровольцами, их связями и сношениями». При отправке на фронт грузинским легионерам выдали винтовки советского производства без патронов. Патроны (по 5 штук) выдали только при подходе к фронту. Согласно показаниям перебежчиков из «Туркестанского легиона», гитлеровцы им «не особенно доверяли». Перебежчики отмечали, что гитлеровцы «боятся вводить в бой части», сформированные из военнопленных⁵⁵².

Особенно массовым дезертирство и переход легионеров стали после коренного перелома в войне — только с июня по декабрь 1943 г. на советскую сторону перешли около 10 тыс. чел. Число перешедших могло быть и бóльшим, так как многие «добровольцы» были запутаны гитлеровской пропагандой, утверждавшей, что «русские мучают пленных». В то же время у другой части «добровольцев» мотивация к переходу на советскую сторону была, наоборот, вызвана стремлением избежать кары со стороны Красной Армии и органов НКВД в случае поражения гитлеровцев. Советская разведка отмечала, что среди легионеров «участились случаи отказа от выполнения боевых

приказов и перехода на сторону партизан», при этом «особенное возмущение вызывает требование немцев о принесении присяги "на верность фюреру"». Политико-моральное состояние легионеров оценивалось как «низкое». Германское командование встало перед необходимостью разоружения некоторых «восточных частей» и применения репрессий. В частности, в феврале 1943 г. в Могилеве были разоружены несколько украинских отрядов, при этом 1350 чел. были лишены обмундирования и отправлены в лагеря для военнопленных, а 105 командиров закованы в цепи и посажены в тюрьму. В Латвии в октябре 1943 г. на сторону партизан перешла часть солдат 283-го русского батальона, в декабре 1943 г. — группа латышских легионеров⁵⁵³.

Один из наиболее резонансных фактов перехода «восточных частей» на советскую сторону — судьба уже упоминавшегося русского легиона «Дружина», который в марте 1943 г. был переформирован в «1-й русский национальный полк СС» под командованием В.В. Гиля. В июле 1943 г. личный состав полка был доведен до 3 тыс. чел., и он был пререименован в «1-ю русскую национальную бригаду», номинально вошедшую в состав РОА. Однако в августе 1943 г. бригада Гиля почти в полном составе перешла на сторону советских партизан. Причинами этого было, во-первых, личное разочарование Гиля его сотрудничеством с гитлеровцами, во-вторых, нарастание в бригаде антигитлеровских настроений, которые подкреплялись партизанской пропагандой. Гитлеровская же пропаганда называла Гиля «provокатором НКВД». Решением ЦК КП(б)Б перешедшая на советскую сто-

рону бригада была переименована в «Первую антифашистскую». Гиль (после перехода взял вторую фамилию «Родионов») получил звание полковника и был награжден орденом Красной Звезды. Бригада сражалась с гитлеровцами в Лепельском районе Витебской области. Гиль-Родионов погиб в мае 1944 г. в бою с карателями⁵⁵⁴.

Среди других фактов отметим переход в феврале 1943 г. на сторону партизан 825-го волжско-татарского батальона, дислоцировавшегося в Витебской области, в сентябре 1943 г. — переход на сторону Красной Армии в районе Оболони (Киев) туркестанского батальона в составе 360 чел. (перед переходом «легионеры» перебили 60 немецких офицеров и унтер-офицеров). В Крыму в октябре 1943 г. из I/73-го азербайджанского батальона бежали 60 чел., которые создали партизанский отряд. На сторону партизан также перешел 152-й крымско-татарский батальон. Командир 154-го крымско-татарского батальона был арестован гитлеровцами «как неблагонадежный». В 147-м крымско-татарском батальоне 76 чел. были расстреляны как «про-советский элемент». Около трети всех крымско-татарских батальонов были разоружены, остальные выведены в Румынию и преобразованы в подразделение СС. Также были разоружены 653-й, 668-й и 669-й «восточные» батальоны, 198-й армянский полк, 8-й туркестанский батальон и другие части. Отмечались также случаи расстрела гитлеровцами «добровольцев», которые отказались участвовать в карательных акциях против партизан⁵⁵⁵.

В сентябре 1943 г. Гитлер и Кейтель возложили на «восточные формирования» часть вины за поражение на советско-германском фронте, в част-

ности на Курской дуге. При этом была отмечена низкая боеспособность «легионов» и то, что дезертирство в некоторых из них доходило до 10% личного состава. На этих основаниях Гитлер приказал распустить «восточные формирования», а их бойцов направить на фабрики и шахты. Однако при всевозрастающем давлении Красной Армии разоружение этих частей было признано нецелесообразным. В результате в сентябре — октябре 1943 г. практически все «восточные формирования» были перемещены с Восточного фронта на Западный, однако формирование новых частей было прекращено⁵⁵⁶.

«АНТИСТАЛИНСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА»

Реальность или пропагандистский миф?

На заключительном этапе войны, в связи с освобождением Красной Армией оккупированной территории СССР, численность населения, находившегося под оккупацией, стремительно снижалась (на 1 января 1944 г. — 20,4%, на 22 июня 1944 г. — 10,5%, на 2 августа 1944 г. — 2,7% населения СССР). По этой же причине, к середине 1944 г. прекратилась деятельность гитлеровской оккупационной администрации и коллаборационистских органов «самоуправления». Основное внимание гитлеровского руководства теперь было направлено на расширение политического и военного коллаборационизма граждан СССР, оставшихся в «распоряжении» гитлеровцев. Кроме стремительно уменьшавшегося населения оккупированных территорий Советского Союза, ставка теперь мог-

ла быть сделана в основном на советских военнопленных, «остарбайтеров», бежавших от наступавшей Красной Армии противников советской власти и других перемещенных лиц.

1 января 1944 г. начальником Инспекции добровольческих войск вермахта был назначен генерал Э. Кестринг, который до 1941 г. был германским военным аташе в Москве. Под его руководством был усилен процесс вербовки в «восточные формирования», в результате чего к середине 1944 г. они достигли своей наибольшей единовременной численности — 500 тыс. чел. В результате мобилизационной кампании в Латвии к середине 1944 г. была достигнута пиковая численность латышских воинских формирований вермахта — 60 тыс. чел. В Литве в феврале — мае 1944 г. было мобилизовано до 30 тыс. добровольцев, часть которых, однако, вскоре дезертировала. К концу 1943 г. в эстонской «Омакайтсе» состояло 20 тыс. мужчин и 4,5 тыс. женщин. В январе — феврале 1944 г. была проведена мобилизация в «Омакайтсе» всех мужчин в возрасте от 17 до 60 лет, в результате чего было призвано от 38 до 40 тыс. чел. К августу 1944 г., когда в «Омакайтсе» состояло уже 73 190 чел., его 14 батальонов были брошены против Красной Армии⁵⁵⁷.

6 марта 1944 г. Р. Островский, глава «Белорусской центральной рады» — органа «самоуправления», созданного в декабре 1943 г., по указанию оккупационных органов отдал распоряжение о мобилизации лиц в возрасте от 18 до 56 лет в «Белорусскую краевую оборону» (БКО) для борьбы с партизанами. Мобилизация проводилась «добровольно-принудительными» методами, включая поварные

облавы. Однако попытка создания БКО спровоцировала массовый уход населения к советским партизанам. Удалось сформировать только 20 неполных батальонов БКО, которые были направлены на борьбу с партизанами. С целью усилить мотивацию белорусов к борьбе на стороне Германии 27 июня 1944 г. (за неделю до освобождения Минска Красной Армией) был созван «Второй всебелорусский конгресс», который заявил о союзе с Германией и борьбе против России⁵⁵⁸.

10 ноября 1943 г. гитлеровское руководство в лице Кейтеля и Розенберга издало обращение к казакам, в котором последним гарантировалось сохранение всех традиционных прав, самобытности, наделение землей. Так как к этому времени все казачьи земли были освобождены Красной Армией, гитлеровцы предложили казакам устроить их «казачью жизнь» на другой территории. В ответ командующий эмигрантским «Кубанским казачьим войском» В.Г. Науменко призвал казаков «поддержать доверие» гитлеровцев, встав на службу Германии. 31 марта 1944 г. при Министерстве «восточных территорий» было создано Главное управление казачьих войск во главе с П.Н. Красновым. Этот орган занимался в основном пропагандистской работой, а также формированием ряда институтов, включая банк и трибунал, для казачьего марионеточного «государства в изгнании», которое было создано на территории Северной Италии в районе города Толмеццо на основе «Казачьего стана» Т.Н. Доманова. В конце апреля 1945 г. «Казачий стан» отступил из Италии в Австрию, где в мае 1945 г. около города Лиенц сдался в плен британ-

ским войскам, которые, в свою очередь, передали военнослужащих и гражданское население «Казацкого стана» Красной Армии⁵⁵⁹.

После покушения на Гитлера, организованного офицерами вермахта 20 июля 1944 г., в рейхе резко усилилась роль СС, которые теперь рассматривались Гитлером в качестве противовеса потерявшим доверие военным. В июле 1944 г. в структуре Главного штаба войск СС был создан отдел по работе с «восточными формированиями». С 26 августа 1944 г. по приказу Гитлера все «инонациональные» воинские части были переданы в подчинение СС.

Еще в апреле 1943 г. Гиммлер распорядился создать на территории Генерал-губернаторства дивизию СС из числа украинцев, которая получила наименование «14-я дивизия войск СС "Галиция"». Создание дивизии было поддержано большинством политических кругов Галиции. Командующий УПА Р. Шухевич приказал украинским добровольцам записываться в дивизию с целью обеспечить украинской молодежи военную подготовку у гитлеровцев. По мнению ряда исследователей, поддержка украинскими националистами военного сотрудничества с СС парадоксальным образом была связана с их уверенностью в поражении гитлеровцев и переменой вектора на сотрудничество с англо-американцами. Националисты надеялись, что с помощью дивизии они смогут удержать продвижение советских войск на Украине до прибытия западных союзников. На создание дивизии было потрачено более 12 месяцев. Всего в дивизию записалось около 80 тыс. чел., из которых было отобрано 13 тыс. чел. Летом 1944 г. руководство СС решилось использовать дивизию на фронте в сраже-

нии под Бродами, в результате которого к 20 июля 1944 г. дивизия была разбита. 20% личного состава дивизии ушло к гитлеровцам в Карпаты, многие из оставшихся влились в УПА⁵⁶⁰.

В конце 1943 г. в составе войск СС началось создание дивизии «Новый Туркестан» в составе 4 туркестанских, 1 азербайджанского и 1 волжско-татарского батальонов. Эта дивизия была дислоцирована в Белоруссии, затем участвовала в подавлении Варшавского восстания. В конце октября 1944 г. дивизия была переброшена в Словакию, где 24—25 декабря 1944 г. ее солдаты подняли бунт, перебили офицеров и перешли к словацким партизанам. На Западном фронте «туркестанские» и «кавказские» части были разгромлены союзниками, а также частично разоружены самими гитлеровцами по причине их ненадежности. Летом 1944 г. в Лионе (Франция) поднял бунт армянский легион, в сентябре того же года туркменский батальон, дислоцировавшийся в Албании, перебил всех своих немецких офицеров и перешел на сторону Сопротивления. В апреле 1945 г. на острове Тексель в Голландии поднял восстание 822-й грузинский батальон. После разгрома во Франции большая часть «добровольцев» была отправлена на строительство укреплений. 30 тыс. «добровольцев» были захвачены в плен союзниками⁵⁶¹.

К октябрю 1944 г. в составе войск СС был создан «Казачий резерв» во главе с генералом А.Г. Шкуро, для пополнения которого была развернута мобилизация казаков, находившихся на территории рейха. Казачья дивизия Г. фон Паннвица в декабре 1944 г. перешла в подчинение СС и была развернута в 15-й казачий кавалерийский корпус, формиро-

вание которого было завершено в феврале 1945 г. (18 тыс. чел., включая более 5 тыс. немцев)⁵⁶².

До сентября 1944 г. гитлеровцами не предпринимались попытки создания централизованного русского воинского формирования. Однако продолжалась вербовка русских в противопартизанские и охранные отряды под следующими лозунгами: «Сыны ограбленных отцов, спасайте Родину!»; «Общими силами сбросим колхозное ярмо, уничтожим палачей нашего народа из НКВД и построим свободную, национально-трудовую и независимую Россию!»; «Свергнем могучей рукою сталинский гнет навсегда!»; «Долой колхозное рабство! Долой жидов и Сталина!»⁵⁶³.

Переломным моментом в этом аспекте стала состоявшаяся 16 сентября 1944 г. встреча Гиммлера и Власова, на которой первый дал официальное согласие на создание «русского правительства» и «русской армии» в составе двух дивизий, взамен чего выдвинул следующие условия: борьба с большевизмом, после победы над которым Россия будет восстановлена в границах до сентября 1939 г., отказ от Крыма, широкая автономия для казаков и национальных меньшинств⁵⁶⁴.

Согласно этой договоренности, 14 ноября 1944 г. в Праге, как в последней из не освобожденных Красной Армией славянских столиц, было провозглашено создание «Комитета освобождения народов России» (КОНР). Видимость того, что КОНР создавался как альтернативное советскому «правительство», была создана присутствием официальной делегации от правительства рейха в лице статс-секретаря Богемии и Моравии К. Франка и делегата МИД Германии Лоренца. Последний вы-

ступил с речью, в которой сказал о «восточных войсках» как о «полноправном союзнике» Германии. Создание КОНР приветствовал своей телеграммой Гиммлер.

В качестве программы действий КОНР был принят «Манифест», в котором были провозглашены следующие цели: «Свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года; прекращение войны и заключение почетного мира с Германией; создание новой свободной государственности без большевиков и эксплуататоров». Гитлеровская пропаганда широко распространяла информацию о создании КОНР и публиковала Манифест, указывая, что теперь «русский человек стал партнером немцев в политической области»⁵⁶⁵.

Руководящим органом КОНР стал возглавленный Власовым президиум. Сам комитет состоял из 50 членов и 12 кандидатов. В КОНР, кроме русских по национальности, входили также украинцы, белорусы и представители народов Кавказа и Средней Азии. Представителям национальных меньшинств, в частности украинцам, было предложено отложить решение вопроса о независимости до того момента, пока советская власть не будет свергнута. Украинцы составляли до 30—45% личного состава вооруженных сил КОНР, включая командира 1-й дивизии генерала С.К. Буняченко. В состав КОНР вошло «Объединение казаков в Германии» во главе с Е.И. Балабиным⁵⁶⁶.

Вопрос о формировании вооруженных сил КОНР был поднят как важнейший на первом же его заседании. Для командования вооруженными

силами были образованы «Штаб вооруженных сил КОНР» и «Главное управление казачьих войск», для прочей работы — 4 управления с подотделами. 28 января 1945 г. Гиммлер назначил Власова «верховным главнокомандующим» вооруженных сил КОНР. Кроме двух наспех созданных дивизий (1-я дивизия — в составе 10 тыс. чел., 2-я — 13 тыс. чел.), Власов получил в подчинение некоторые «русские» и «казачьи» формирования вермахта числом личного состава до 40 тыс. чел.⁵⁶⁷.

Большинство лидеров «национальных комитетов» отказалось вступить в КОНР, направив письмо Розенбергу с просьбой о помощи против подрыва их политических позиций. Такая позиция нашла поддержку Розенберга. 18 декабря 1944 г., во многом «в пику» КОНР, было проведено «Заседание представителей поработанных Россией народов». Было решено создать отдельные политические и военные формирования для нерусских народов, в т.ч. «Украинскую освободительную армию», «Кавказскую освободительную армию» и «Национальную армию Туркестана». Последние две «армии» остались только в виде проекта⁵⁶⁸.

Против вступления в КОНР выступила часть лидеров коллаборационистского казачества во главе с Красновым, который обосновывал несостоятельность объединения с КОНР тем, что казаки принесли присягу на верность Германии. Он критиковал Манифест КОНР, говоря, что там было мало сказано о православной вере и «нет ни слова о жидах»: «Неужели жидам оставят и дальше право распоряжаться Россией?». «Гитлеровские казаки» были морально и географически разобщены. Молодое поколение, далекое от Гражданской войны, разде-

ляло идеи КОНР, в то время как старшее поколение поддерживало Краснова. В конечном итоге большинство казаков-коллаборационистов предпочло вступление в вооруженные силы КОНР⁵⁶⁹.

Уже в момент создания КОНР его руководство понимало, что гитлеровцы близки к своему краху, и поэтому предприняло попытку вступить в контакт с посольствами США и Великобритании в Швейцарии через Международный Красный Крест, позиционируя себя как альтернативное большевистскому «правительство России». Однако эта попытка была безуспешной. Союзники СССР не пожелали на этом этапе иметь дело с органом, объявившим себя союзником общего врага — гитлеровской Германии.

13 апреля 1945 г. по приказу гитлеровского командования 1-я дивизия вооруженных сил КОНР была направлена на советско-германский фронт. Однако согласно решению, принятому КОНР на своем последнем заседании 27 марта 1945 г. о выводе вооруженных сил КОНР в Югославию, Власов отдал секретный приказ «беречь и во что бы то ни стало спасти личный состав дивизии», несмотря ни на какие указания гитлеровцев. На основании этого приказа 15 апреля 1945 г. командир 1-й дивизии КОНР генерал Буняченко, оказав неповиновение гитлеровцам, вывел дивизию с фронта на территорию Чехословакии, где, по некоторым данным, войска КОНР помогли чешским повстанцам в освобождении Праги от гитлеровцев⁵⁷⁰.

После капитуляции Германии вооруженные силы КОНР, как и другие «восточные формирования», сдались в плен войскам стран Антигитлеровской коалиции. Согласно решению Крымской

конференции, все граждане Советского Союза, находившиеся в распоряжении гитлеровцев во время войны, должны были быть возвращены в СССР после ее окончания. Поэтому в мае 1945 г. союзники передали советскому военному командованию большую часть «восточных солдат», оказавшихся в их плену. Власов был схвачен красноармейцами 12 мая 1945 г. в районе города Пильзен* при попытке пробраться к союзникам. После поимки Власов дал приказ всем солдатам вооруженных сил КОНР сдаться. По воспоминаниям очевидцев, «в каждую часть был направлен офицер, который зачитывал приказ и выводил колонны обезоруженных власовцев на дороги». Таким образом, 13—14 мая 1945 г. в районе Пильзена сдались до 20 тыс. чел.⁵⁷¹.

В августе 1946 г. ряд деятелей КОНР во главе с А.А. Власовым (всего 12 чел.) был приговорен Верховным судом СССР к смертной казни. Та же участь постигла в январе 1947 г. П.Н. Краснова, А.Г. Шкуро, С.-Г. Клыча, Т.Н. Доманова и Г. фон Паннвица. Бывшие офицеры Красной Армии, служившие в коллаборационистских формированиях, как правило, получали уголовное наказание на основании ст. 58 УК РСФСР. Наказание для рядовых военных коллаборационистов было достаточно мягким. В подавляющем большинстве они были отправлены на шестигодичное спецпоселение. На наш взгляд, причиной этого является понимание советским руководством жестоких условий в гитлеровских лагерях для военнопленных, которые вынуждали многих пленных искать спасения во вступлении в коллаборационистские формиро-

* Ныне — Пльзень, Чехия.

вания, а также принудительного характера вовлечения определенной части военнопленных в «легионы». Понимание этой ситуации было выражено советской пропагандой уже в годы войны. Одна из советских листовок, выпущенная в 1943 г. для солдат РОА, гласила: «Сперва вам создавали невыносимые условия в лагерях, истязали, морили голодом, выжимали последние соки на каторжных работах, а сейчас погнали в армию»⁵⁷².

В конце 1944 г. был создан украинский аналог КОНР — «Украинский национальный комитет» (УНК), главой которого был назначен генерал бывшей польской армии П. Шандрук, вице-президентами — глава «Украинского центрального комитета» Галиции В. Кубийович и бывший бургомистр Харькова во время оккупации А. Семененко. Таким образом, в составе УНК были представлены «старая эмиграция», Западная и Восточная Украина. УНК был официально признан руководством рейха в марте 1945 г. В воззвании УНК, изданном 17 марта 1945 г. в Веймаре, была провозглашена борьба за независи-

*Командующий Украинской
освободительной армией
генерал П. Шандрук*

мость Украины, причем без упоминания об альянсе с гитлеровцами⁵⁷³.

В начале 1945 г. было провозглашено создание под командованием генерала Шандрука «Украинской освободительной армии» (УВВ)* (обобщающий термин для украинских военных и охранных подразделений, разбросанных по всему фронту и тылу вермахта). Численность УВВ составляла около 180 тыс. чел. (не только этнических украинцев, но и других уроженцев этого региона). В состав УВВ вошли остатки 14-й дивизии СС «Галиция» (переименована в 1-ю украинскую дивизию «Галиция») и 2-я украинская дивизия, созданная на базе украинской противотанковой бригады, дислоцировавшейся около Берлина. Власов пытался склонить УВВ к вступлению в КОНР. Однако, несмотря на личную встречу с Шандруком, это сотрудничество не состоялось либо потому, что КОНР и Власов были для Шандрука продолжателями дела «старых русских империалистов», либо потому, что не удалось найти баланс между ними по поводу разделения сфер политического и военного влияния. УВВ была брошена на подавление восстания в Словакии, затем — в Австрию и Словению для борьбы с партизанами Тито и советскими войсками, где затем она сдалась в плен британским войскам⁵⁷⁴.

Заключительный период войны характеризовался усилением активности политических деятелей Западной Украины и республик Прибалтики. В июле или сентябре 1944 г. (по разным источникам) на последней большой конференции ОУН-Б был создан «Украинский верховный освободитель-

* От «Українське Визвольне Війско».

ный совет» (УГВР)*. Его номинальным президентом и руководителем президиума (аналог подпольного парламента) был избран К. Осьмак, бывший украинский эсер и кооператор, который в 1920—1930-е гг. находился на территории СССР и, таким образом, символизировал единство Восточной и Западной Украины. Руководителем Генерального секретариата УГВР был избран Р. Шухевич. Было создано три «министерства» — военных, иностранных и внутренних дел. Совет пытался наладить контакты с западными союзниками, в частности через Швейцарию с политическими кругами Великобритании⁵⁷⁵.

После отступления гитлеровцев с территории Украины в сентябре 1944 г. из концлагеря были освобождены оба лидера ОУН — С. Бандера и А. Мельник, которых гитлеровцы намеревались использовать в борьбе с Красной Армией. Оказавшись на свободе, Бандера организовывал диверсионные группы ОУН в тылу советских войск на Украине. После войны он обосновался в Мюнхене под именем Стефана Поппеля и продолжал руководить работой ОУН до своей гибели в 1959 г.⁵⁷⁶

Перед вступлением Красной Армии на территорию Западной Украины в 1944 г., в составе УПА насчитывалось 11 дивизий, объединенных в 3 корпуса. В период 1943—1944 гг. в УПА было несколько подразделений кавалерии, артиллерия, а по некоторым данным — даже танки и самолеты. В апреле 1944 г. отряды УПА действовали совместно с гитлеровцами на территории Станиславской области, «переходили линию фронта, пытались нарушить

* От «Українська Головна Визвольна Рада».

коммуникации частей Красной Армии». В конце 1944 г. гитлеровская пропаганда широко оперировала фактами деятельности УПА на советской территории, сообщая об антисоветском «восстании» на Украине. К 1944 г. произошли изменения в идеологической программе ОУН с целью убедить восточных украинцев, что «национализм — это единственный путь к достижению политической свободы и социального благосостояния». Поэтому программа ОУН стала включать также социальные и экономические цели⁵⁷⁷.

Завершающий этап войны характеризуется обострением украинско-польского вопроса на Западной Украине, чему способствовали в равной мере политика гитлеровцев и исторические противоречия между этими этническими группами. Хотя гитлеровцы доверяли полякам меньше, чем украинцам, они предпочитали вербовать в полицейские и иные органы на Западной Украине первых, так как среди них было больше людей со знанием немецкого языка и западноевропейских порядков. Этому способствовало также то, что с начала 1943 г. много украинцев из полиции ушло в УПА. С другой стороны, на Западной Украине и в Белоруссии действовали многочисленные польские партизанские отряды (АК и другие), некоторые из которых сотрудничали с советскими партизанами. В результате геноцида польского населения, осуществленного УПА, было уничтожено от 20 тыс. до 40 тыс. чел. В свою очередь, АК уничтожала украинское население. Взаимный геноцид достиг таких пределов, что глава УГКЦ митрополит А. Шептицкий и польские епископы Галиции вынуждены бы-

ли издавать пастырские письма, призывая к миру между украинцами и поляками⁵⁷⁸.

В республиках Прибалтики несоветское движение сопротивления было малоэффективным. Тем не менее в Риге были проведены в январе 1944 г. — литовско-латышская, в апреле 1944 г. — две всебалтийские конференции по сопротивлению. В Латвии был создан координирующий орган сопротивления под названием «Национальный совет», который 7 мая 1945 г., после капитуляции германских войск в Курляндии, сформировал «временное правительство» во главе с Р. Осисом⁵⁷⁹, деятельность которого развернуть не удалось.

В Литве в ноябре 1943 г. был создан «Верховный комитет освобождения Литвы» (ВЛИК). 13 июня 1944 г. «Комитет» издал обращение к народу «не оказывать вооруженное сопротивление Красной Армии и перейти к пассивному сопротивлению, противиться мобилизации, скрываться до окончания войны»⁵⁸⁰.

В Эстонии деятельность несоветского сопротивления была ослаблена арестами его деятелей в апреле 1943 г. В июне 1944 г. политическая деятельность сопротивления была возобновлена с созданием «Национального комитета Эстонской республики», целью деятельности которого было создание временного правительства в период между отступлением гитлеровцев и вступлением советских войск. 23 июня 1944 г. в Стокгольме был издан манифест «Комитета», который привлек внимание зарубежных корреспондентов и вызвал ярость германских оккупационных властей. Один из эстонских политических лидеров Ю. Улуотс ставил цель держать

фронт в Эстонии с помощью эстонских частей вермахта и СС вплоть до краха Германии, чтобы затем на мирной конференции добиться для Эстонии самостоятельности. Он подчеркивал, что «какой бы мы Эстонию будущего себе ни представляли, в любом случае ее неизбежной предпосылкой является недопущение в страну Красной Армии». 18 сентября 1944 г. за несколько дней до вступления Красной Армии в Таллин, Ю. Улуотс и его соратники предприняли попытку провозглашения независимости Эстонии. Было создано «правительство» во главе с О. Тийфом. В манифесте, переданном по радио за границу, эстонское «правительство» декларировало свой нейтралитет в «русско-германской войне» и требовало, чтобы все чужеземные войска покинули территорию Эстонии. Деятельность «правительства» была прекращена вступлением 22 сентября 1944 г. в Таллин Эстонского стрелкового корпуса РККА, после чего Ю. Улуотс бежал в Швецию⁵⁸¹.

Перед вступлением Красной Армии в республики Прибалтики на их территории уже была подготовлена база для дальнейшего антисоветского сопротивления. При этом в Латвии и Эстонии антисоветские подпольные группы были созданы гитлеровцами, а в Литве сопротивление возникло без их участия и было представлено такими организациями, как «Литовский национальный фронт», «Железный волк», «Литовская освободительная армия»⁵⁸².

Вышедшая из войны Финляндия в сентябре 1944 г. эвакуировала свои войска и администрацию с территории СССР. Однако перед эвакуацией финские оккупанты пытались склонить карелов и другие народы КФССР к уходу в Финляндию. Со-

ветские подпольщики из числа карел этого не допустили. С финскими оккупантами добровольно ушло и было угнано всего 1183 чел. (1,8% населения оккупированной территории КФССР), при этом значительную часть их составляли спецпоселенцы — кулаки, ранее выселенные в КФССР из Украины и Белоруссии⁵⁸³.

Определение общей численности коллаборационистов из числа представителей народов СССР — один из самых важных вопросов. Решение этого вопроса даст возможность судить о том, как рассматривать коллаборационизм, в том числе деятельность КОНР и других организаций, — как реальную альтернативу большевизму, вовлекшую в себя значительные массы населения СССР, или как пропагандистский миф и политический блеф? Трудность решения этого вопроса обусловлена отсутствием точных германских данных о количестве лиц, добровольно поступивших на службу в вермахт, а также тем, что в германских документах учет «добровольцев» был сильно запутан, так как командиры вермахта на местах нередко скрывали число «добровольцев» от своего руководства в Берлине⁵⁸⁴.

Данные о количестве военнослужащих — представителей народов СССР — в боевых частях вермахта стали появляться в советских донесениях уже во время войны. В частности, в них указывалось, что «общая численность воинских частей, сформированных немцами из военнопленных и жителей оккупированных областей», на 10 января 1943 г. достигла 97 тыс. чел., к марту 1943 г. — не менее 125 тыс. чел.⁵⁸⁵, к декабрю 1943 г. — свыше 150 тыс. чел.⁵⁸⁶. Оценка общей численности вооруженных формирований вермахта из представите-

лей народов СССР у разных исследователей отличаются существенно*: 77 тыс. чел.⁵⁸⁷, 80 тыс. чел.⁵⁸⁸, 750—800 тыс. чел.⁵⁸⁹, 1 млн чел.⁵⁹⁰, ок. 1,2 млн чел.⁵⁹¹, не более 1,5 млн чел.⁵⁹². Различия в оценках, возможно, объясняются как недостатком источников, так и разными подходами к тому, что нужно понимать под военными формированиями из советских граждан, — в частности, включать ли в их число полицию, «хиви» и пр. По нашему мнению, за основу можно принять данные, полученные Б. Мюллер-Гиллебрандом на основании источников вермахта, — 500 тыс. чел.⁵⁹³.

До сих пор остается неустановленной численность гражданских коллаборационистов (бургомистры, старосты) и полицейских⁵⁹⁴. Оценочно, к маю 1943 г. во вспомогательной полиции состояло 70 тыс. чел., в полицейских командах («шума») — 300 тыс. чел.⁵⁹⁵. Согласно советским данным, в 1946—1948 гг. на спецпоселении находилось 148 079 «власовцев, легионеров и полицейских»⁵⁹⁶. Национальный состав коллаборационистов был разнообразным. Состав «власовцев», находившихся на спецпоселении в марте 1949 г. (всего 112 882 чел.), был таким: русские — 48%, украинцы — 18,5%, белорусы — 4,8%, грузины — 3,3%, армяне — 3,3%, узбеки — 3%, азербайджанцы — 2,6%, казахи — 2,6%, немцы — 2,5%, татары — 2,2%, чувашаи — 0,7%, кабардинцы — 0,6%, молдаване — 0,6%, и др.⁵⁹⁷.

Несомненно, не следует говорить об «антисталинской альтернативе» и уж тем более об «антисталинской революции» в СССР, как это утверждают

* Национальный состав коллаборационистов: см. Приложение, таблица 11.

некоторые авторы⁵⁹⁸. Число коллаборационистов, даже если принять за основу максимальную из имеющихся оценок (1,5 млн военных коллаборационистов⁵⁹⁹ и 0,37 млн полицейских⁶⁰⁰) составляло 6% от числа военнослужащих Красной Армии (31 млн чел. за период войны)⁶⁰¹.

В качестве общих причин политического и военного коллаборационизма народов СССР можно выделить следующие:

1. Социально-политические условия в СССР (коллективизация, раскулачивание, расказачивание, воинствующий атеизм, репрессии), которые породили у определенной массы населения СССР стремление бороться с коммунистическим режимом. Например, донской казак И. Кононов, который, не понимая реального содержания нацистской политики по отношению к России, решил, что его полк сможет стать ядром антисоветской русской армии, после чего к нему присоединятся «миллионы его страдающих от большевизма соотечественников»⁶⁰².

2. Психологические причины, в т.ч. страх перед гитлеровцами, стремление защитить и спасти свои семьи, выжить в условиях оккупации. Особенно это касается основной массы лиц, вовлеченных в военный коллаборационизм (военнопленных), которые вступали в такие формирования под давлением тяжелых обстоятельств. Невыносимые условия пребывания в лагерях военнопленных, строгая изоляция от внешнего мира, активная пропагандистская работа гитлеровцев существенно влияли на подавление духа и достоинства людей, вызывая чувство безысходности. В результате многие воен-

но пленные психологически ломались, соглашались на сотрудничество⁶⁰³, при этом не будучи в реальности противниками советского строя.

3. Честолюбивые и карьеристские мотивы.

4. Националистические и сепаратистские мотивы, что способствовало особой остроте коллаборационизма в национальных регионах.

В целом предпринятая политическими коллаборационистами, в частности «Русским комитетом» и КОНР, попытка разыграть карту «антисталинского протеста» и организовать массовое движение под знаменем антисталинизма не имела серьезных шансов на успех⁶⁰⁴, так как подавляющему большинству населения СССР уже в начале войны стали ясны истинные цели гитлеровцев⁶⁰⁵. Хотя среди коллаборационистов, наряду с низкими предателями, были и люди заблуждающиеся, и люди искренне одержимые идеей противостояния сталинскому режиму, оценку деяний коллаборационистов необходимо производить с точки зрения того, что «нет ничего страшнее и преступнее братоубийства — тем более в союзе с фашистами, — которое не оправдать никакими идеями»⁶⁰⁶.

Специфика советского коллаборационизма состояла в том, что в СССР была оккупирована только часть территории⁶⁰⁷, поэтому коллаборационисты из числа представителей народов СССР напрямую противопоставляли себя основной массе сограждан, которая не находилась под оккупацией и в своей массе оставалась лояльной своей стране и ее правительству. Следует согласиться с мнением, что участие в войне на стороне Германии сотен тысяч граждан Советского Союза, который вел с гитлеровцами борьбу не на жизнь, а на смерть, яви-

лось неким парадоксом, противоречием здравому смыслу (кроме, пожалуй, Прибалтики)⁶⁰⁸.

Роль антисоветской эмиграции в коллаборационизме была заметной только в некоторых «национальных комитетах» и среди антисоветского казачества. В РОА и вооруженных силах КОНР эмигранты были на вторых ролях. Белая эмиграция раскололась в своем отношении к военному сотрудничеству с гитлеровцами. Ряд деятелей эмиграции добровольно пошли на такое сотрудничество. В то же время руководство Национально-трудового союза нового поколения (НТСНП) официально запретило членам своей партии записываться в любые структуры, создаваемые гитлеровцами⁶⁰⁹.

Подводя итоги, отметим, что национальная политика гитлеровцев, которую они проводили на оккупированной территории СССР, потерпела крах задолго до окончания войны. Несмотря на лживые лозунги «освобождения» народов СССР от «еврейско-большевистского ига», игру на национальных чувствах и иные формы пропаганды, гитлеровцам не удалось привлечь на свою сторону сколько-нибудь значительную часть советского населения. Поведение оккупантов, которые средь бела дня грабили мирных граждан, безнаказанно насиловали женщин и девушек, вызвало рост ненависти к ним⁶¹⁰. Этому же способствовали массовые убийства гитлеровцами военнопленных и карательные операции, при проведении которых гитлеровцы уничтожали мирное население под предлогом борьбы против партизан.

В целом гитлеровцы не оправдали надежд, которые вначале возлагала на них недовольная советской властью часть населения. Уже вскоре после

начала войны гитлеровцы потеряли доверие анти-советски настроенных кругов, которым стало понятно, что истинные намерения псевдоосвободителей исключали «возможность реализации каких-либо национальных устремлений», ведь Германия напала на СССР вовсе не для того, чтобы «сменить там неудобное правительство». Тем не менее гитлеровцы не собирались менять свою политику и цели, поэтому вплоть до второй половины 1944 г., когда уже было слишком поздно что-то менять, в гитлеровской пропаганде преобладали «безальтернативные антисоветские лозунги»⁶¹¹.

В конце войны Гитлер попытался обелить рейх, указав в своем завещании на то, что войну «жаждали и спровоцировали именно те государственные деятели других стран, которые либо сами были еврейского происхождения, либо действовали в интересах евреев». Однако это лишь лживая попытка оправдать преступления, совершенные гитлеровцами в отношении народов СССР. На территории СССР в годы войны погибли 2733 млн евреев (1112 млн «восточников» и 1621 млн «западников»). Всего же оккупанты убили и замучили в концлагерях 6,8 млн мирных граждан СССР. На работу в Германию было вывезено 5,27 млн чел., из которых 2,16 млн чел. погибли. В плену у гитлеровцев оказалось 5,74 млн военнослужащих Красной Армии, из которых 3,9 млн чел. погибли, что составляет 68% попавших в плен (для сравнения — во время Первой мировой войны в плену погибло 2,9% военнопленных солдат и офицеров Русской армии)⁶¹². Причиной массовой гибели советских военнопленных стали жесточайшие и не-

человеческие условия содержания, издевательства и убийства.

Примеров бесчеловечного, изуверского отношения гитлеровских оккупантов к советскому мирному населению и военнопленным — бесчисленное множество. Они представлены в общеизвестных источниках, среди которых материалы ЧГК, документы Нюрнбергского процесса, воспоминания людей, переживших оккупацию. Причиной и основанием для такого отношения к советскому населению со стороны гитлеровцев была расистская основа гитлеровской политики, направленная на геноцид народов СССР. Эта же политика проявилась в уничтожении городов, сел, культурных и образовательных учреждений, национального достояния народов СССР: гитлеровцы разрушили 1710 городов и более 70 тыс. деревень, уничтожили 82 тыс. школ, 334 вуза, 39 тыс. медучреждений, 427 музеев⁶¹³.

Оккупационный режим не был одинаковым во всех регионах, захваченных вермахтом в годы войны. Условия оккупации на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике значительно отличались от тех, что поддерживались гитлеровскими властями в центральных областях России. Соответственно, различной была и реакция местного населения на порядки, установленные захватчиками. В данном аспекте актуальным вопросом являются последствия гитлеровской оккупации на территории республик Прибалтики, в связи с тем, что в этих странах в настоящее время проведен пересмотр истории Второй мировой войны, особенно деятельности коллаборационистов из числа

местного населения. По современным данным, во время гитлеровской оккупации в Литве погибли 370 тыс. чел. из числа мирного населения, в Латвии — 314 тыс. чел., Эстонии — от 61 до 125 тыс. чел. (в этой республике — включая узников концлагерей)⁶¹⁴. Участие местных коллаборационистов в преступлениях гитлеровцев не отрицают даже прибалтийские исследователи, стоящие на явно антироссийских позициях, однако приводя оправдания: мол, это происходило потому, что прибалты «идентифицировали "советское" с "еврейским"», так как в местных компартиях было «непропорционально большое число евреев»⁶¹⁵. Попытки реабилитировать коллаборационистов, которые запятнали себя участием в карательных акциях гитлеровцев, являются неприемлемыми.

Итак, во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. советская национальная политика проявила маневренность, гибкость и способность к манипулированию национально-патриотическими чувствами.

В первый период войны (июнь 1941 г. — ноябрь 1942 г.), осознавая, во-первых, что классовый подход не сможет быть действенным в мобилизации населения СССР на защиту страны, во-вторых, что русский народ принял на себя основную тяжесть войны, советское руководство приняло решение использовать русский национальный фактор для морально-политической мобилизации населения, а также противодействия гитлеровской пропаганде «освобождения от еврейско-большевистского ига». Во второй период войны (ноябрь 1942 г. — январь 1944 г.), когда сохранялись как угроза стране, так и превалирующее участие русского народа в усилиях по отражению агрессии как на фронте, так и в тылу, советское руководство максимизировало упор на русский национальный фактор.

В заключительный период войны (январь 1944 г. — май 1945 г.) советское руководство осознало, что

после коренного перелома в войне и большей «интернационализации» армии педалирование национальных и патриотических чувств русского народа потеряло актуальность. Мало того, дальнейшая пропаганда идей русского великодержавия могла спровоцировать всплеск национализма среди народов СССР. Поэтому политика была перестроена на позиционирование Советского государства как «великой державы» всех народов, его населяющих, хотя и «во главе» с русским народом.

Национальные отношения в тылу СССР на всех этапах войны характеризовались превалированием позитивных начал. Советские люди в подавляющем большинстве выражали решимость принять активное участие в борьбе с фашистским агрессором. Несмотря на тяготы и жестокость, война некоторым образом оздоровила моральный климат в стране и породила надежды на лучшее будущее. В то же время произошло резкое усиление националистических и сепаратистских настроений, повстанческого движения на отдельных территориях СССР. Различные аспекты этого движения и борьбы советских властей с ним оказывают существенное влияние на современную внешнюю и внутреннюю политику всех государств, возникших после распада СССР. Особенно большое значение они приобрели в Прибалтике (Эстония, Латвия, Литва) и на Украине, где являются одним из дестабилизирующих факторов в национальных отношениях.

Период войны характеризовался ростом бытового и чиновничьего антисемитизма. Однако для констатации о якобы проводившейся в годы войны в СССР политике «государственного антисемитиз-

ма» (то есть введении официальных дискриминационных мер в отношении еврейского народа) оснований не имеется.

С самого начала войны важнейшей задачей советской пропаганды стало усиление ненависти к вражеской немецкой нации. Хотя ненависть к той или иной нации не свойственна менталитету нашего народа, в годы войны такие чувства ярко проявились по отношению к немцам, особенно после ознакомления с ужасами оккупации и поведением германской армии и властей по отношению к советскому населению и военнопленным. Слово «немец» получило ругательный, негативный оттенок, причем как в тылу, так и на оккупированной территории.

В конце войны произошло общее охлаждение пыла антигерманской пропаганды. Советское руководство понимало, что, во-первых, нагнетание ненависти и мстительности по отношению к вражеской нации становилось нецелесообразным, поскольку могло повести к усилению сопротивления наступающим советским войскам. Во-вторых, необходимо было обеспечить взвешенный и гуманный подход к немецкой нации с целью более гладкого вхождения восточной части Германии в советскую сферу влияния. В то же время произошло некоторое изменение в отношении населения тыла СССР к немецкому народу. Из-за особенностей национальной психологии нередко было проявление чувства жалости к поверженному врагу, которое вытесняло угнездившуюся ненависть.

Политика Советского государства по отношению к религиозным институтам была направлена на извлечение максимальной выгоды для режима,

проявлявшейся как в усилиях по мобилизации населения на отпор нашествию на первом этапе, так и в использовании конфессий в качестве серьезного внешнеполитического инструмента на заключительном этапе войны. Религиозная политика советского руководства в полной мере использовала религиозное возрождение на оккупированной территории и усилившуюся во время войны религиозность масс в тылу СССР.

Во внешнеполитическом отношении национальная политика СССР наиболее ярко проявилась в создании Всеславянского и Еврейского антифашистских комитетов, цель которых заключалась в мобилизации на помощь СССР общественного мнения и экономических возможностей славянских и еврейских общин всех стран мира. Деятельность этих комитетов оказалась весьма эффективной. Однако выход руководства ЕАК за рамки предоставленной ему компетенции послужил причиной роста недоверия советского руководства к деятельности комитета и, в итоге, обусловил трагический конец его руководства в 1952 г.

Депортации народов СССР были вызваны рядом обстоятельств. Они преследовали цели наказания за «пособничество» врагу во время оккупации (народы Северного Кавказа и Крыма) и подавления повстанческого движения в ряде регионов страны (народы Северного Кавказа, семьи «оуновцев»). В то же время они были своеобразной профилактикой — предостережением от «соблазна предательства» (немцы, финны, турки-месхетинцы, курды, хемшилы). Депортации преследовали также и военно-стратегические цели — снижение опасности

возникновения «пятой колонны» на приграничных территориях в случае вооруженных столкновений с соседними государствами. Депортации народов имеют долговременные негативные последствия, влияющие на национальные отношения на постсоветском пространстве, породив осетино-ингушский конфликт, крымско-татарскую, турко-месхетинскую и другие острые проблемы.

Национальная политика гитлеровцев на оккупированной территории СССР была направлена на извлечение максимальных экономических и политических дивидендов из «вынужденного сосуществования» с советским населением в военное время. Гитлеровская пропаганда базировалась на лозунге «освобождения народов СССР» и не раскрывала свои планы аннексии территории и геноцида населения СССР. Такая политика в самом начале войны смогла ввести в заблуждение часть населения на оккупированной территории, недовольного советским режимом. Гитлеровцы смогли привлечь на свою сторону немало коллаборационистов. Однако уже вскоре после начала войны гитлеровская политика вызвала отторжение со стороны значительной массы населения оккупированных территорий, которая безоговорочно связывала свои надежды с возвращением Красной Армии и восстановлением советской власти. Усилия ряда деятелей рейха, которые предлагали прекратить самоубийственную для Германии оккупационную политику, не имели успеха из-за противодействия со стороны ортодоксальных нацистов.

Религиозная политика гитлеровцев была крайне противоречивой — стремясь расколоть Православ-

ную церковь и, в долгосрочной перспективе, уничтожить Христианство, они на первых порах, с целью искоренения коммунистической идеологии, способствовали возрождению религии на оккупированной территории СССР. Однако уже на втором этапе войны религиозная политика гитлеровцев стала утрачивать первоначальный эффект, и на оккупированной территории произошло усиление влияния Московского патриархата.

До провала блицкрига гитлеровское руководство категорически отвергало возможность военного сотрудничества с народами СССР, однако затем было вынуждено пойти на этот шаг как с военно-стратегическими, так и с политическими целями (необходимость заручиться поддержкой хотя бы части советского населения, а также склонить к вступлению в войну Турцию и Болгарию). Командование частей вермахта на местах с начала войны было настроено на военное сотрудничество с народами СССР и пыталось развивать его различными мерами. На первом этапе войны в военном коллаборационизме превалировал фактор добровольности. Однако на втором этапе гитлеровцы были вынуждены перейти к принудительной мобилизации населения оккупированной территории СССР и военнопленных. Эффективность этого шага оказалась невысокой: вооруженные формирования из представителей народов СССР показали низкую боеспособность, склонность к дезертирству и переходу на сторону партизан и Красной Армии. С военной точки зрения роль гитлеровских вооруженных формирований из числа представителей народов СССР была несущественной. Их вклад не

мог способствовать укреплению позиций гитлеровских оккупационных властей или обеспечению вермахту перевеса в боях с Красной Армией.

Коллаборационизм (переход представителей различных народов СССР на сторону врага) в основном мотивировался несогласием с советской политикой коллективизации, репрессиями, вызывался он также причинами психологического свойства (страх, стремление защитить и спасти свои семьи, выжить в условиях оккупации), честолюбивыми и карьеристскими мотивами. В национальных регионах коллаборационизм в основном питался национально-сепаратистскими устремлениями. Специфика советского коллаборационизма состояла в том, что коллаборационисты напрямую противопоставляли себя большинству сограждан, которые не находились под оккупацией и в своей массе исповедовали другие убеждения.

В целом следует говорить о провале национальной и религиозной политики гитлеровцев, наступившем на втором этапе войны. Гитлеровцы упустили все предоставившиеся им на начальном этапе войны возможности по привлечению на свою сторону народов СССР. Попытка наверстать упущенное на заключительном этапе войны — сделанная в конце 1944 г. ставка на антисоветское русское «квазиправительство» (КОНР) и его вооруженные силы, а также аналогичные украинские структуры, — не имела шансов на успех. Очевидно, что национальная политика гитлеровцев потерпела крах задолго до окончания войны.

О роли национальной политики в достижении Победы можно заключить следующее. В свое вре-

мя утверждалось, что «правильная политика» партии в национальном вопросе облегчала победу красных сил в Гражданской войне «по крайней мере, на 50%»⁶¹⁶. В Великой Отечественной войне ее вклад в победу, по оценкам некоторых авторов, был едва ли не стопроцентным⁶¹⁷. Полагаем, что измерить вклад национальной политики и национальных чувств в Победу в процентах невозможно. Но то, что национальный фактор и в целом правильная национальная политика в СССР во многом определили Победу советского народа в Великой Отечественной войне, представляется несомненным.

Приложения

**СООТНОШЕНИЕ ДОЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ В НАСЕЛЕНИИ
СССР, ОБЩЕМ ЧИСЛЕ ПОТЕРЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ЧИСЛЕ
НАГРАЖДЕННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ***

Национальность	Доля в населении, %	Доля в общем числе потерь, %	Соотношение долей (столбец 3 к 2)	Доля в общем числе награж- денных, %**	Соотношение долей (столбец 5 к 2)
1	2	3	4	5	6
Все население	100,00	100,00	1	100,00	1
Русские	51,80	66,40	1,28	66,49	1,28
Украинцы	17,60	15,89	0,90	18,43	1,05
Белорусы	3,60	2,92	0,81	3,35	0,93
Узбеки	2,54	1,36	0,54	0,86	0,34
Татары	2,19	2,17	0,99	1,88	0,86
Казахи	1,83	1,45	0,79	1,04	0,57
Евреи	2,54***	1,64	0,65	1,73	0,68
Азербайджанцы	1,17	0,67	0,57	0,39	0,33
Грузины	1,12	0,92	0,82	0,53	0,47
Армяне	1,12	0,97	0,87	0,72	0,64
Литовцы, латыши, эстонцы	2,49	0,51	0,20	0,25	0,10
Молдаване	1,12	0,62	0,55	0,06****	0,10
Мордовцы	0,66	0,73	1,11	0,62	0,94
Чуваши	0,66	0,73	1,11	0,58	0,88
Таджики	0,71	0,26	0,37	0,15	0,21
Киргизы	0,49	0,31	0,63	0,17	0,35
Башкиры	0,43	0,37	0,86	0,32	0,74

* Посчитано по: Россия и СССР в войнах XX века. С. 238; Население СССР в XX веке: Исторические очерки. — М., 2001. Т. 2. С. 15. Данные на начало Великой Отечественной войны.

** Матюшкин Н. Советская Армия — армия дружбы народов. — М., 1952. С. 39.

*** Шварц С.М. Антисемитизм в Советском Союзе. — Нью-Йорк, 1952. С. 234.

**** Блокнот агитатора Красной Армии. 1945. № 3. С. 28. Данные на 1 января 1945 г.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ СОВЕТСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ — МОБИЛИЗОВАННЫХ И ВОЗВРАТИВШИХСЯ ИЗ ПЛЕНА

Национальность	Призвано	Доля в составе воинов стрелковых дивизий по данным на:					Возвратившиеся из плена
		1.1.1943	1.4.1943	1.7.1943	1.1.1944	1.7.1944	
1	2	3	4	5	6	7	8
Все население	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00
Русские	65,39	64,60	65,62	63,84	58,32	51,78	48,02
Украинцы	17,70	11,80	12,37	11,62	22,27	33,93	28,24
Белорусы	3,21	1,90	1,68	1,35	2,66	2,04	7,53
Литовцы	-	-	-	-	-	-	0,20
Латыши	-	-	-	-	-	-	0,24
Эстонцы	-	-	-	-	-	-	0,18
Молдаване	-	-	-	-	-	-	0,35
Грузины	-	1,82	1,48	1,17	1,52	0,50	1,74
Армяне	-	1,75	1,77	1,40	1,36	0,81	1,47
Азербайджанцы	-	1,75	1,40	1,57	1,48	0,81	1,52
Казахи	1,13	3,05	2,22	2,77	1,57	1,12	1,69
Узбеки	1,10	2,42	2,62	2,44	2,02	1,25	2,06
Туркмены	-	0,30	0,33	0,84	0,40	0,23	0,26
Таджики	-	0,25	0,33	0,87	0,46	0,32	0,29
Киргизы	-	-	-	-	-	-	0,29
Карелы	-	-	-	-	-	-	0,14
Татары	1,7	-	-	-	-	-	2,24
Башкиры	-	-	-	-	-	-	0,31
Калмыки	-	-	-	-	-	-	0,28
Евреи	1,44	1,50	1,77	1,35	1,28	1,14	0,32

Столбец 2. Национальный состав мобилизованных на выполнение ратного долга перед Отечеством. Источник: Солженицын А.И. Двести лет вместе. — М., 2002. Ч. II. С. 363.

Столбцы 3—7. Данные на 1.1.1943—1.1.1944 отражают состав воинов более 200 стрелковых дивизий, насчитывавших более 1 млн чел., на 1.7.1944 — 100 стрелковых дивизий. Составлено по: Артемьев А.П.

Из истории боевого содружества народов СССР в Великой Отечественной войне // Братское сотрудничество советских республик в хозяйственном и культурном строительстве. — М., 1971. С. 85, 87. Те же данные: Артемьев А.П. Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. — М., 1975. С. 58, 59. Данные на 1.1.1943 и 1.1.1944: Жилин П., Артемьев А. Боевое содружество народов СССР в ВОВ // Коммунист. 1972. № 13. С. 80.

Столбец 8. Национальный состав советских военнослужащих, возвратившихся из плена (по данным на 03.10.45). Источник: Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. — М., 1993. С. 340.

По не представленным в таблице народам — данных не выявлено.

Таблица 3

**ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ ПОДВЕРГАВШИХСЯ ВРЕМЕННОЙ
ОКУПАЦИИ И ОСВОБОЖДЕННЫХ РАЙОНОВ***

	Территория		Численность населения на начало 1939 г.**	
	тыс. кв. км	в % ко всей территории СССР	тыс. чел.	в % ко всей численности населения
СССР в границах к началу войны	22124	100	190678	100
Подвергалось оккупации за время войны	1926	8,7	84852	44,5
Было временно оккупировано с 22 июня 1941 г. по декабрь 1941 г.	1543	7,0	74531	39,1
Освобождено с 7 декабря 1941 г. по февраль 1942 г.	— 131	— 0,6	— 4880	— 2,6
Оставалось во временной оккупации на март 1942 г.	1412	6,4	69651	36,5
Временно оккупировано с июля 1942 г. по ноябрь 1942 г.	383	1,7	10321	5,4

	Территория		Численность населения на начало 1939 г.**	
	тыс. кв. км	в % ко всей территории СССР	тыс. чел.	в % ко всей численности населения
Было во временной оккупации на ноябрь 1942 г.	1795	8,1	79972	41,9
Освобождено с 19 ноября 1942 г. по март 1943 г.	— 494	— 2,2	— 15484	— 8,1
Оставалось во временной оккупации на март 1943 г.	1301	5,9	64488	33,8
Освобождено с 12 июля 1943 г. по 1 октября 1943 г.	— 284	— 1,3	— 18785	— 9,8
Оставалось во временной оккупации на 1 октября 1943 г.	1017	4,6	45703	24,0
Освобождено с 1 октября 1943 г. по 1 января 1944 г.	— 111	— 0,5	— 6774	— 3,6
Оставалось во временной оккупации на 1 января 1944 г.	906	4,1	38929	20,4
Освобождено с 1 января 1944 г. по 22 июня 1944 г.	— 329	— 1,5	— 18950	— 9,9
Оставалось во временной оккупации на 22 июня 1944 г.	577	2,6	19979	10,5
Освобождено с 22 июня 1944 г. по 2 августа 1944 г.	— 350	— 1,6	— 14845	— 7,8
Оставалось во временной оккупации на 2 августа 1944 г.	227	1,0	5134	2,7
Освобождено после августа 1944 г.	— 227	— 1,0	5134	— 2,7

* Источник: К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Стат. сборник / МГСК СНГ. — М., 2005. С. 28.

** Оценка по территории, включающей западные области Украинской ССР и Белорусской ССР, Молдавскую ССР, Литовскую ССР, Латвийскую ССР и Эстонскую ССР.

**БАНДПОВСТАНЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В СССР,
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1941 г. — 1943 г.***

Категория бандпроявлений	Июль — декабрь 1941 г.	1942 г.	1943 г.
Нападения на офицерский, сержантский и рядовой состав Красной Армии и НКВД	11	104	178
Нападения на совпартработников	7	15	165
Нападения и ограбления государст- венных и колхозных учреждений	13	178	1005

* Справка о количестве зарегистрированных и раскрытых бандпроявлений по Союзу ССР за время с 1 июля 1941 г. по 1 января 1944 г. // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 43. Л. 1; стиль источника сохранен.

Таблица 5

**БАНДПОВСТАНЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (В СТОЛБЦЕ I — НАПАДЕНИЯ
НА ОФИЦЕРСКИЙ, СЕРЖАНТСКИЙ И РЯДОВОЙ СОСТАВ
КРАСНОЙ АРМИИ И НКВД, В СТОЛБЦЕ II — НАПАДЕНИЯ
НА СОВПАРТРАБОТНИКОВ, В СТОЛБЦЕ III — НАПАДЕНИЯ
И ОГРАБЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
И КОЛХОЗНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ)***

Регион	1942 г.			1943 г.		
	I	II	III	I	II	III
Дагестанская АССР	29	5	65	13	5	94
Кабардино-Балкарская АССР	0	0	4	8	17	53
	I	II	III	I	II	III
Калмыцкая АССР	-	-	-	6	1	9
Ставропольский край	2	1	5	11	5	144
Чечено-Ингушская АССР	46	0	43	24	10	66

* Справка о количестве зарегистрированных и раскрытых бандпроявлений по Союзу ССР за время с 1 июля 1941 г. по 1 января 1944 г. // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 43. Л. 13, 16, 19, 47, 60.

**КОЛИЧЕСТВО ЛИКВИДИРОВАННЫХ БАНДГРУПП
И УЧАСТНИКОВ В НИХ, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1941 г. — 1942 г.
(ПО РЕГИОНАМ В ГРАНИЦАХ НА 31 ДЕКАБРЯ 1944 г.)***

Регион	2-я пол. 1941 г.		1942 г.		1943 г.	
	кол-во банд	чел.	кол-во банд	чел.	кол-во банд	чел.
Азербайджанская ССР	29	107	163	748	162	1069
Армянская ССР	3	37	53	370	44	221
Астраханская обл.	-	-	-	-	23	1134
Грозненская обл.	12	100	30	1337	114	1453
Грузинская ССР	20	100	74	417	118	726
Дагестанская АССР	10	224	86	2083	82	807
Кабардинская АССР	2	50	10	68	33	2398
Северо-Осетинская АССР	3	12	9	69	26	231
Ставропольский край	8	38	16	94	134	2905
УССР (восточные области)	1	7	17	116	77	363

* Справка о количестве зарегистрированных и раскрытых бандпроявлений по Союзу ССР за время с 1 июля 1941 г. по 1 января 1944 г. // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.

Таблица 7

**КОЛИЧЕСТВО ЛИКВИДИРОВАННЫХ ГИТЛЕРОВСКИХ АГЕНТОВ
(«ПАРАШЮТИСТОВ») В 1942–1943 гг., В ГРАНИЦАХ РЕГИОНОВ
НА 31 ДЕКАБРЯ 1944 г.***

Регион	1942 г.	1943 г.
Азербайджанская ССР	26	5
Грозненская обл.	9	22
Грузинская ССР	58	25
Дагестанская АССР	24	6
Северо-Осетинская АССР	10	8

* Справка о количестве ликвидированных парашютистов за три с половиной года Великой Отечественной войны // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 274. Л. 6.

**БАНДПОВСТАНЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В УССР, БССР,
МОЛДАВСКОЙ ССР И ПРИБАЛТИКЕ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1945 г.**

**(I — НАПАДЕНИЯ НА ОФИЦЕРСКИЙ, СЕРЖАНТСКИЙ
И РЯДОВОЙ СОСТАВ КРАСНОЙ АРМИИ И НКВД,
II — НАПАДЕНИЯ НА СОВПАРТРАБОТНИКОВ,
III — НАПАДЕНИЯ И ОГРАБЛЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ И КОЛХОЗНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ)**

Регион	1944 г.*			1-я половина 1945 г.**		
	I	II	III	I	II	III
УССР — восточные области	669			2576		
УССР — западные области	2903					
	I	II	III	I	II	III
БССР	0	222	77	515		
Молдавская ССР	0	6	0	-		
Литовская ССР	90	233	148	1455		
Латвийская ССР	5	9	4	449		
Эстонская ССР	6	7	0	153		

* Справка о количестве зарегистрированных и раскрытых бандпроявлений по Союзу ССР за 1944 г. // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 274. Л. 11.

** Отчет ГУББ за 1941 — 1945 гг. // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 543. Л. 19.

Таблица 9

**КОЛИЧЕСТВО ЛИКВИДИРОВАННЫХ
БАНДПОВСТАНЧЕСКИХ ГРУПП И УЧАСТНИКОВ В НИХ,
1944 г. — 1-я ПОЛОВИНА 1945 г.**

Регион	1944 г.*		1-я половина 1945 г.**	
	банды	чел.	банды	чел.
Азербайджанская ССР	33	261	34	206
Армянская ССР	5	20		
Грузинская ССР	42	422		

Грозненская обл.	41	1642	10	230
Дагестанская АССР	31	350		
Кабардинская АССР	11	846		
Северо-Осетинская АССР	12	72		
Ставропольский край	46	506		
Астраханская обл.	3	15	1106	117268
УССР — западные области	10	124396		
УССР — восточные области	293	3288	214	5297
Белорусская ССР	275	4473		
Молдавская ССР	13	61	-	-
Литовская ССР	134	6053	-	17128
Латвийская ССР	25	364	88	1598
ЭССР	13	486	107	1216

* Справка о количестве зарегистрированных и раскрытых бандпроявлений по Союзу ССР за время с 1 июля 1941 г. по 1 января 1944 г. // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.

** ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 543. Л. 15. (Здесь и ниже — Отчет ГУББ за 1941–1945 гг.)

Таблица 10

**КОЛИЧЕСТВО ЛИКВИДИРОВАННЫХ ГИТЛЕРОВСКИХ АГЕНТОВ
(«ПАРАШЮТИСТОВ») В 1944–1945 гг.**

Регион	1944 г.*	1-я пол. 1945 г.**
Азербайджанская ССР	-	-
Грозненская обл.	12	-
Грузинская ССР	4	1
Дагестанская АССР	1	-
Кабардинская АССР	69	-
Северо-Осетинская АССР	6	1
Ставропольский край	2	1
Астраханская обл.	46	-

* Справка о количестве ликвидированных парашютистов за три с половиной года Великой Отечественной войны // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 274. Л. 6.

** Отчет ГУББ за 1941–1945 гг. // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 543. Л. 15.

**ЧИСЛЕННОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОТДЕЛЬНЫХ НАРОДОВ СССР
В ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЯХ ГИТЛЕРОВСКОЙ
ГЕРМАНИИ (В ТЫС. ЧЕЛ.)***

Русские	300
Казаки	16,5
Украинцы	250
Белорусы	70
Литовцы	от 36,8 до 50
Латыши	от 104 до 150
Эстонцы	от 10 до 90
Казахи	70
Представители народов Средней Азии	70
Азербайджанцы	от 36,5 до 40
Представители народов Северного Кавказа	от 15 до 30
Грузины	от 19 до 25
Армяне	от 7 до 20
Татары	12,5
Крымские татары	от 10 до 15–20
Калмыки	от 5 до 7

* Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Указ. соч. С. 68; Решин Л. Указ. соч. С. 72; Семиряга М.И. Судьбы советских военнопленных. С. 22–23; Misuinas R.J., Taagepera R. Op. cit. P. 59; Казаки представлены как субэтнос русского народа.

- ¹ От войны к миру: СССР и Финляндия 1939—1944 гг. СПб.: 2006. С. 180.
- ² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 35. Л. 10об, 12, 20—28.
- ³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1335. Л. 3а—3в.
- ⁴ Русские шли волна за волной: Беседа американского профессора Урбана с бывшим послом в СССР А. Гарриманом. // Родина. 1991. № 6-6. С. 49.
- ⁵ Горинов М.М. Будни осажденной столицы: жизнь и настроения москвичей (1941—42 гг.) // Отечественная история. 1996. № 3. С. 21.
- ⁶ Письмо И.М. Данишевского по поводу статьи В. Пескова «Отечество». // Политический дневник. Амстердам, 1972. С. 64—65; Лерт Б. На том стою. Публикации самиздата. М., 1991. С. 251.
- ⁷ Филоненко С.И., Филоненко М.И. Психологическая война на Дону: Мифы фашистской пропаганды. 1942—1943. Воронеж, 2006. С. 47.
- ⁸ Население СССР в XX веке: Исторические очерки. В 3 тт. М., 2001. Т. 2. С. 15; Шуктомов П.И. Боевое содружество народов СССР в Великой Отечественной войне. — М., 1970. С. 11; Он же. Дружба, скрепленная в боях. — М., 1972. С. 44; Он же. Плечом к плечу. — М., 1974. С. 61.
- ⁹ Например, с эстонцами (см.: Вишневский Вс. Что видел и знает старый Таллин // Вишневский Вс. Собрание сочинений в 5 т. — М., 1969. Т. 5. С. 153, 160).
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 106. Л. 72.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 104. Л. 112—113.
- ¹² Корнеев М. СССР — оплот дружбы между народами // Под знаменем марксизма. 1941. № 9—10. С. 39.

- 13 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 138. Л. 89, 46.
- 14 Косик В. Україна і Німеччина у другій світовій війни. — Париж; Нью-Йорк; Львів, 1993. С. 143, 145.
- 15 Дюков А. Миф о геноциде: Репрессии Советских властей в Эстонии (1940–1953). — М., 2007. С. 81.
- 16 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 154. Л. 14.
- 17 Артемьев А.П. Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. — М., 1975. С. 57–58; Жулин П., Артемьев А. Боевое содружество народов СССР в Великой Отечественной войне // Коммунист. 1972. № 13. С. 80.
- 18 Доклад Л.З. Мехлиса, 19 сентября 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 14. Л. 26–27.
- 19 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 216. Л. 165.
- 20 Агитатор и пропагандист Красной Армии. 1943. № 23. С. 45.
- 21 Новиков Н. Адмирал Ф.Ф. Ушаков // Правда. 1944. 7 марта.
- 22 Военный комиссар // Большевик. 1941. № 13. С. 5.
- 23 Блокнот агитатора и пропагандиста Военно-Морского Флота. 1943. № 5. С. 9.
- 24 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 242. Л. 11.
- 25 Наказ народа: Письма народов СССР к бойцам-фронтовикам. — М., 1943. С. 3.
- 26 Волин Б. Великая советская держава. — М., 1943. С. 36–37.
- 27 Директива ГлавПУР ВМФ, 5 декабря 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 85. Л. 95.
- 28 Доклад А.С. Щербакова на сборе агитаторов, работающих среди бойцов нерусской национальности, 7 августа 1943 г. // РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 965. Л. 4; Докладная записка ПУР Южного фронта, 8 мая 1942 г.; Донесение НКВД, 12 апреля 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 85. Л. 60, 64–65.
- 29 РГАСПИ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 19. Л. 65.
- 30 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 104. Л. 200.
- 31 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 190. Л. 25–27.
- 32 Толстой А.Н. Четверть века советской литературы // Новый мир. 1942. № 11–12. С. 208–210.
- 33 Эренбург И. Душа России // Красная звезда. 1943. 11 ноября.
- 34 Левин Е.С. Краткий курс истории «Русфильма» // Искусство кино. 1994. № 9. С. 131.

- 35 Власть и художественная интеллигенция. С. 486—487, 499—501.
- 36 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 212. Л. 153—154; Там же. Д. 211. Л. 67—68.
- 37 Фирсов Ф.И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 34.
- 38 Быков Ф.С. Крах // Наш современник. 1996. № 6. С. 209; Ватлин А. Смерть Коминтерна // Родина. 1991. № 6—7. С. 84.
- 39 Исраэлян В.Л. Советский Союз и страны Антигитлеровской коалиции в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. — М., 1972. С. 25.
- 40 Перевод статьи «Песни для нового мира» из журнала «Тайм» от 3 января 1944 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 235. Л. 60—61.
- 41 Горкин А. В.И. Ленин и дружба народов СССР // Правда. 1944. 21 января.
- 42 РГАСПИ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 16. Л. 12.
- 43 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 138. Л. 36.
- 44 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 136. Л. 82; Там же. Д. 137. Л. 6.
- 45 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 146. Л. 1; Там же. Д. 136. Л. 26—31; Там же. Д. 154. Л. 134, 167.
- 46 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 146. Л. 2; Там же. Д. 136. Л. 26—31, 144—150; Там же. Д. 154. Л. 221, 165.
- 47 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 136. Л. 133—136.
- 48 Ямпольский В.П. «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937—1945 гг. — М., 2008. С. 195.
- 49 Фадеев А. О советском патриотизме и национальной гордости народов СССР. С. 5.
- 50 Шедько Н. Моральный фактор в современной войне // Большевик. 1943. № 15—16. С. 20.
- 51 Артемьев А.П. Указ. соч. С. 58—59; Жилин П., Артемьев А. Указ. соч. С. 80.
- 52 Латышев А. «Суворов»: на взгляд полководца // Искусство кино. 1990. № 5. С. 6.
- 53 Тарле Е.В. Кутузов // Правда. 1944. 15 марта.
- 54 Лебедев В. Великий русский народ — выдающаяся нация и руководящая сила Советского Союза // Пропагандист. 1945. № 16. С. 7.

- 55 Докладная записка УПиА «О настроениях великодержавного шовинизма среди части историков», 18 мая 1944 г. // ВИ. 1991. № 1. С. 202–204.
- 56 Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) летом 1944 года // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 60.
- 57 Письмо А.М. Панкратовой на имя А.А. Жданова, 2 марта 1944 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 224. Л. 1.
- 58 Письмо А.М. Панкратовой на имя И.В. Сталина, А.А. Жданова, Г.М. Маленкова и А.С. Щербакова, 12 мая 1944 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 224. Л. 75об.
- 59 Докладная записка секретаря ЦК КП(б) Узбекистана У.Ю. Юсупова на имя А.С. Щербакова, 23 мая 1944 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 226. Л. 1–2.
- 60 Докладная записка Г.Ф. Александрова на имя А.С. Щербакова, 31 марта 1944 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 221. Л. 71–72.
- 61 *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1996. С. 84.
- 62 Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 51.
- 63 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 340. Л. 66–67.
- 64 *Субоцкий Л.* Заметки о теме и герое // Литературная газета. 1945. 22 апреля. С. 3.
- 65 *Пастернак Е.Б.* Борис Пастернак. Биография. — М., 1997. С. 593.
- 66 Докладная записка УПиА на имя Г.М. Маленкова, 6 марта 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 352. Л. 118–119.
- 67 Об идеологической работе парторганизаций // Партийное строительство. 1944. № 15–16. С. 4–8.
- 68 *Панкратова А.* Великий русский народ и его роль в истории. — М., 1946. С. 7.
- 69 *Майстренко И.* Национальная политика КПСС в ее историческом развитии. — Мюнхен, 1978. С. 147.
- 70 *Чуковский К.* Дневник 1930–1969. — М., 1994. С. 214.
- 71 Великая Русь // Правда. 1944. 11 ноября.
- 72 Отечество героев // Правда. 1945. 13 апреля.
- 73 РГАСПИ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 24. Л. 11.
- 74 *Трайнин И.* Проблема суверенитета в советской федерации // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. 1945. № 3. С. 16.

- 75 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 242. Л. 11.
- 76 Курсанов Н.А. Национальные формирования Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Отечественная история. 1995. № 4. С. 124.
- 77 Simon G. Nationalism and Policy Toward the Nationalities of the Soviet Union. From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society. Boulder — San Francisco — Oxford, 1991. P. 190.
- 78 Донесение Генштаба РККА, 29 июня 1944 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 322. Л. 39.
- 79 Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б) — ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. — М., 1999. С. 499.
- 80 Сталин И.В. Об антиленинских ошибках и националистических извращениях киноповести Довженко «Украина в огне». Публикация и вступительная статья А. Латышева // Искусство кино. 1990. № 4. С. 91.
- 81 Власть и художественная интеллигенция. С. 525.
- 82 Справка УПиА на имя Г.М. Маленкова «О татарском эпосе "Идегей"», 7 октября 1943 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 290. Л. 1, 4, 6, 7–8.
- 83 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 432. Л. 167–168.
- 84 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 199. Л. 28.
- 85 Калинин М.И. Единая боевая семья. С. 14.
- 86 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 311. Л. 27.
- 87 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 212. Л. 175–176.
- 88 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 637. Л. 14.
- 89 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 242. Л. 2, 4.
- 90 Доклад Л.З. Мехлиса, 18 сентября 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 25. Л. 406–5.
- 91 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 235. Л. 200.
- 92 Синявский А. Русский национализм // Синтаксис. 1989. № 26. С. 96.
- 93 Зубкова Е.Ю. Общество и реформы 1945–1964 гг. — М., 1993. С. 23.
- 94 Лившин А.Я., Орлов И.Б. Пропаганда и политическая социализация // Отечественная история. 2008. № 1. С. 104.
- 95 Пресловутый «план Даллеса»: фальшивка или нет? // Экономическая и философская газета. 2008. № 1, 2–3, 4–5, 6.
- 96 Костырченко Г. В плену у «красного фараона». С. 22–23.
- 97 Люкс Л. Еврейский вопрос в политике Сталина // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 45.

- 98 Русский фольклор Великой Отечественной войны. С. 295–296.
- 99 Барбер Дж. Роль патриотизма в Великой Отечественной войне // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 449.
- 100 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 181. Л. 5; Русский фольклор Великой Отечественной войны. — М.; Л., 1964. С. 295–296; Власть и художественная интеллигенция. С. 490–491; Барбер Дж. Роль патриотизма в Великой Отечественной войне // Россия в XX веке: Историки мира спорят. — М., 1994. С. 449.
- 101 Кузнецов А. Бабий яр: Роман-документ. — М., 1991. С. 213–215.
- 102 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 181. Л. 51.
- 103 Выписка из докладной записки УНКВД Воронежской области от 25 января 1943 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 173. Л. 25.
- 104 Письмо П.Н. Краснова, 13 декабря 1943 г. // ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 18. Л. 7.
- 105 Вопросы от населения, Ульяновская область, 21 июня 1943 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 247. Л. 29.
- 106 Власть и художественная интеллигенция. С. 490.
- 107 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 136. Л. 61; Там же. Оп. 88. Д. 247. Л. 29.
- 108 Власть и художественная интеллигенция. С. 495.
- 109 Денхов М. Заметки к биографии // Независимая газета. 1997. 7 августа. С. 3.
- 110 Власть и художественная интеллигенция. С. 489.
- 111 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 181. Л. 2, 4.
- 112 Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов. — М., 2000. С. 186, 162.
- 113 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 351. Л. 46, 49, 51; Там же. Оп. 125. Д. 242. Л. 5; Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. — М. 2003. С. 435–437.
- 114 Иванов В.Е. Национальные воинские части в СССР: опыт строительства и применения. Екатеринбург, 1996. С. 98–99.
- 115 Юрков Д.В. Жизнь казачества в 20–30-е годы XX века и его участие в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // Россия: цивилизация, патриотизм, культура. — М., 2003. С. 451.

- ¹¹⁶ Земсков В.Н. Проблема советских перемещенных лиц // Россия в XX веке: Война 1941–1945 годов: современные подходы. — М., 2005. С. 514–515.
- ¹¹⁷ Горяева Т.М. «Мы предчувствовали полыханье...»: Образ противника в советской пропаганде в годы Великой Отечественной войны // Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941–1945): Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 21–22 апр. 2005 г. — М., 2007. С. 111.
- ¹¹⁸ Armstrong J. Op. cit. Englewood, 1990. P. 53–54.
- ¹¹⁹ ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 452. Л. 8, 11, 71–72; Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 531. Л. 4; Misuinas R.J., Taagepera R. The Baltic States. Years of Dependence, 1940–1990. Berkeley; Los Angeles, 1993. P. 46–48.
- ¹²⁰ O'Connor K. The History of the Baltic States. Westport-London, 2003. P. 119.
- ¹²¹ Пасат В.И. Потери Республики Молдова в годы Второй мировой войны // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. — СПб., 1995. С. 120.
- ¹²² Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов. С. 113–114.
- ¹²³ Зима В.Ф. Указ. соч. С. 169–170.
- ¹²⁴ Письмо ст. лейт. Михальченко, 27 июня 1941 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 30. Л. 1–2; Докладная записка по Вологодской области, 3 июля 1941 г. // Там же. Ф. 17. Оп. 88. Д. 39. Л. 7; Беседа А.А. Жданова с секретарем Ленинградского ГК ВЛКСМ Ивановым, 25 января 1942 г. // Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 936. Л. 11.
- ¹²⁵ ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 15, 37.
- ¹²⁶ Семиряга М.И. Коллаборационизм. С. 525.
- ¹²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 85. Л. 56.
- ¹²⁸ Зима В.Ф. Указ. соч. С. 119.
- ¹²⁹ Курсанов Н.А. Указ. соч. С. 117.
- ¹³⁰ Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная Армия. С. 158–160.
- ¹³¹ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 965. Л. 11; Там же. Ф. 17. Оп. 121. Д. 292. Л. 1–2; Там же. Оп. 125. Д. 104. Л. 200об; Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 391. Л. 25–26; Там же. Д. 619. Л. 5, 24.
- ¹³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 85. Л. 58, 66–67; Там же. Д. 104. Л. 200об.
- ¹³³ Misuinas R.J., Taagepera R. Op. cit. P. 73.

- ¹³⁴ Посчитано по: Россия и СССР в войнах XX века. С. 238; Население СССР в XX веке: Исторические очерки. — М., 2001. Т. 2. С. 15; *Матюшкин Н.* Советская Армия — армия дружбы народов. — М., 1952. С. 39; *Шварц С.М.* Антисемитизм в Советском Союзе. — Нью-Йорк, 1952. С. 234.
- ¹³⁵ Данные на 1 января 1945 г. — Блокнот агитатора Красной Армии. 1945. № 3. С. 28.
- ¹³⁶ *Погнырятов Н.В.* Национальные воинские формирования народов Советского Союза в СССР и в фашистской Германии в годы Второй мировой войны. — Пермь, 2006. С. 228.
- ¹³⁷ *Полян П.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. — М., 2001. С. 103–104.
- ¹³⁸ *Лаар М., Валк Х., Вахтре Л.* Очерки истории эстонского народа. Таллин, 1992. С. 172.
- ¹³⁹ *Куманев Г.А.* Эвакуация населения СССР: достигнутые результаты и потери // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. — СПб., 1995. С. 139, 141–143.
- ¹⁴⁰ Докладная записка о положении эвакуанов, октябрь 1941 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 120. Л. 38.
- ¹⁴¹ Докладная записка ЦК КП(б)Э, 1 июня 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 104. Л. 109.
- ¹⁴² Докладная записка о положении эвакуанов, март 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 132. Л. 14об.
- ¹⁴³ *Куманев Г.А.* Эвакуация населения СССР: достигнутые результаты и потери. С. 139, 141–143.
- ¹⁴⁴ *Баликоев Т.М., Мегоев Е.О.* Национальная политика Советского государства на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). — Владикавказ, 2001. С. 125.
- ¹⁴⁵ *Куманев Г.А.* Война и эвакуация. 1941–1942 годы // ННИ. 2006. № 6. С. 25.
- ¹⁴⁶ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 367. Л. 136; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 41. Л. 2; *Потемкина М.Н.* Единство тыла: миф или реальность? (Водораздел «наши-чужие» в Великой Отечественной войне) // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: Материалы междунар. науч. конф. — СПб., 2001. С. 259.
- ¹⁴⁷ Докладная записка о положении эвакуанов, октябрь 1941 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 120. Л. 64.
- ¹⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 104. Л. 100.

- 149 *Молотков А.Е.* Поправка к программе // Экономическая и философская газета. 2008. 9 октября. № 38.
- 150 Фильм о народном герое // Безбожник. 1938. № 12. С. 12.
- 151 *Логинов А.В.* Власть и вера: Государство и религиозные институты в истории и современности. — М., 2005. С. 327.
- 152 *Евстратов А.* Патриотизм и религия // Безбожник. 1941. № 6. С. 2—3. Журнал подписан к печати 11 июня 1941 г.
- 153 *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. — М., 2005. С. 243, 244.
- 154 *Джилас М.* Указ. соч. С. 40.
- 155 *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943—1948 гг. — М., 2001. С. 45.
- 156 *Масавцев Э.* Ночной прием в Кремле. Встреча двух семинаристов // Независимая газета. 1993. 10 сентября. С. 5.
- 157 *Fletcher W.C.* A Study in Survival: The Church in Russia, 1927—1943. NY, 1965. P. 101—102.
- 158 *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. — М., 1995. С. 184.
- 159 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 104. Л. 124.
- 160 *Логинов А.В.* Указ. соч. С. 321.
- 161 *Fletcher W.C.* The Russian Orthodox Church Underground, 1917—1970. London, 1971. P. 159—162.
- 162 *Kolarz W.* Religion in the Soviet Union. London, 1962. P. 427.
- 163 *Аюпов Р.Г.* Мечеть и церковь в Башкортостане в годы Великой Отечественной войны (по архивным документам НКВД) // Наше Отечество: Страницы истории. — М., 2006. Вып. 3. С. 30.
- 164 *Kolarz W.* Op. cit. P. 457.
- 165 *Алов А.А., Владимиров Н.Г.* Иудаизм в России. — М., 1997. С. 73; *Kolarz W.* Op. cit. P. 388.
- 166 *Поповский М.* Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. — М., 2001. С. 360.
- 167 *Поповский М.* Указ. соч. С. 360; *Шкаровский М.В.* Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. — М., 2007. С. 479.
- 168 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 93. Л. 17.
- 169 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 136. Л. 49.
- 170 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 188. Л. 13; Там же. Д. 181. Л. 12—12об.
- 171 *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943—1948 гг. С. 106—107, 111.

- ¹⁷² Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 106—107.
- ¹⁷³ Fletcher W.C. A Study in Survival. P. 111; Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 137.
- ¹⁷⁴ Fletcher W.C. A Study in Survival. P. 112; Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 120.
- ¹⁷⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 3. Л. 2—4.
- ¹⁷⁶ См.: Курляндский И.А. О мнимом повороте Сталина к православно́й церкви // Вопросы истории. 2008. № 9.
- ¹⁷⁷ Kolarz W. Op. cit. P. 55; Чумаченко Т.А. Государство, православно́я церковь и верующие, 1941—1961. — М., 1999. С. 24.
- ¹⁷⁸ Curtis J.S. The Russian Church and the Soviet State, 1917—1950. Boston, 1953. P. 293; Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 130, 135.
- ¹⁷⁹ Fletcher W.C. A Study in Survival. P. 109.
- ¹⁸⁰ Якунин В.Н. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны // Московский журнал. 1995. № 9. С. 31.
- ¹⁸¹ Kolarz W. Religion in the Soviet Union. Lnd, 1962. P. 104.
- ¹⁸² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 3. Л. 8; Журнал Московской Патриархии. 1944. № 3. С. 6—8.
- ¹⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 188. Л. 4, 19—21; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 4. Л. 9; Чумаченко Т.А. Указ. соч. С. 47.
- ¹⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 188. Л. 1, 3; Там же. Д. 261. Л. 41.
- ¹⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 188. Л. 37.
- ¹⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 188. Л. 1, 18, 46.
- ¹⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 188. Л. 38, 22—34, 38.
- ¹⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 188. Л. 43.
- ¹⁸⁹ Русская Православная Церковь в советское время (1917—1991): Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. — М., 1995. Кн. 2. С. 327.
- ¹⁹⁰ Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. — М., 1995. С. 193.
- ¹⁹¹ Якунин В.Н. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны // Московский журнал. 1995. № 10. № 9. С. 31—32.
- ¹⁹² Чумаченко Т.А. Указ. соч. С. 69.
- ¹⁹³ Лысенко А.Е. Религия и церковь на Украине накануне и в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 52.
- ¹⁹⁴ Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 187; Кашеваров А.Н. Государство и Церковь: Из истории взаимоотношений Со-

- ветской власти и Русской православной церкви, 1917–1945 гг. — СПб., 1995. С. 123.
- ¹⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 956. Л. 1–1об, 2–2об.
- ¹⁹⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 3. Л. 59, 63–64; Известия. 1944. 21 мая; Известия. 1944. 24 октября; Правда. 1945. 5 февраля; Правда. 1945. 17 февраля; Журнал Московской Патриархии. 1945. № 5. С. 25–26.
- ¹⁹⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 32. Л. 1–3.
- ¹⁹⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 3. Л. 35–37, 40.
- ¹⁹⁹ *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943–1964 гг. — СПб., 1995. С. 29–30; Curtis J.S. Op. cit. P. 299–300.
- ²⁰⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 9. Л. 1–3; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 235. Л. 204–205.
- ²⁰¹ Журнал Московской Патриархии. 1945. № 4. С. 7–8, 21; Там же. 1945. № 5. С. 46.
- ²⁰² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 221. Л. 7; Там же. Д. 242. Л. 63, 66; Там же. Д. 313. Л. 3–4, 16.
- ²⁰³ *Якунин В.* Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны // Московский журнал. 1995. № 9. С. 32.
- ²⁰⁴ *Чумаченко Т.А.* Указ. соч. С. 96.
- ²⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 242. Л. 68–69.
- ²⁰⁶ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 305–306.
- ²⁰⁷ *Fletcher W.C.* The Russian Orthodox Church Underground. P. 172.
- ²⁰⁸ *Чумаченко Т.А.* Указ. соч. С. 51.
- ²⁰⁹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 3. Л. 60.
- ²¹⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 13. Л. 166–167.
- ²¹¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 13. Л. 153–155, 166–167, 169.
- ²¹² *Kolarz W.* Op. cit. P. 162.
- ²¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 261. Л. 9–12, 24–26.
- ²¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 261. Л. 27–33.
- ²¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 313. Л. 2; Там же. Д. 261. Л. 1–8, 1923.
- ²¹⁶ *Лысенко А.Е.* Указ. соч. С. 52.
- ²¹⁷ *Kolarz W.* Op. cit. P. 49.
- ²¹⁸ *Поповский М.* Указ. соч. С. 391; *Kolarz W.* Op. cit. P. 55–56.
- ²¹⁹ *Аюпов Р.Г.* Указ. соч. С. 29; *Логинов А.В.* Указ. соч. С. 330; *Kolarz W.* Op. cit. P. 425.

- 220 Антифашистский комитет еврейский // Краткая еврейская энциклопедия. — Иерусалим, 1976. Т. 1. С. 156.
- 221 Костырченко Г. В плену у «красного фараона». С. 29.
- 222 Антифашистский комитет еврейский. С. 256.
- 223 Эйнштейн Р. Советские евреи во Второй мировой войне // Евреи в Советской России. — Иерусалим, 1975. С. 26.
- 224 Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета. — М., 1994. С. 154; *Суголатов П.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. — М., 1996. С. 339–340.
- 225 *Реглих Ш.* Евреи при советском режиме в годы Второй мировой войны. Еврейский антифашистский комитет // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 509–510; *Полторанин М.* Как Крым чуть не стал Израилем / Записал С. Осипов // Аргументы и факты. 2008. 15 октября. № 42. С. 15.
- 226 ГАРФ. Ф. 8114. Оп. 1. Д. 904. Л. 7–8.
- 227 Еврейский антифашистский комитет в СССР: 1941–1948 гг. Документированная история. — М., 1996. С. 363; Люкс Л. Указ. соч. С. 43; *Vaksberg A.* Op. cit. P. 129; *Реглих Ш.* Указ. соч. С. 509.
- 228 Советская повседневность и массовое сознание. С. 419.
- 229 Еврейский антифашистский комитет: Документированная история. С. 136–139; *Суголатов П.* Указ. соч. С. 341; *Костырченко Г.* В плену у «красного фараона». С. 50; *Vaksberg A.* Op. cit. P. 126; *Царевская Т.В.* Крымская альтернатива Биробиджану и Палестине // Отечественная история. 1999. № 2. С. 123.
- 230 *Васильев А.* Россия на Ближнем и Среднем Востоке. — М., 1993. С. 315.
- 231 *Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Указ. соч. С. 70.
- 232 *Суголатов П.* Указ. соч. С. 342.
- 233 Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953. С. 48–49.
- 234 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 246. Л. 193–194; ГАРФ. Ф. 8114. Оп. 1. Д. 916. Л. 13; Еврейский антифашистский комитет: Документированная история. С. 247–248; *Костырченко Г.* В плену у «красного фараона». С. 69.
- 235 ГАРФ. Ф. 8114. Оп. 1. Д. 916. Л. 29.

- 236 Докладная записка Оргинструкторского отдела в ЦК ВКП(б), 7 октября 1941 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 119. Л. 63.
- 237 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 119. Л. 24, 63; Там же. Д. 132. Л. 52; Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 850. Л. 45; Мининберг Л.Л. Советские евреи в науке и промышленности СССР в период Второй мировой войны (1941–1945): Очерки. М., 1995. С. 389; Советские евреи: мифы и действительность. — М., 1972. С. 21; Шварц С.М. Указ. соч. С. 187; Горинов М.М. Указ. соч. С. 19, 17.
- 238 Шварц С.М. Указ. соч. С. 190.
- 239 Государственный антисемитизм в СССР. С. 32–33.
- 240 Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953. — М., 2005. С. 32–33; Померанц Г.С. Записки гадкого утенка. — М., 2003. С. 156.
- 241 Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953. С. 27.
- 242 Докладная записка УПиА от 15 июля 1943 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 216. Л. 101–104.
- 243 Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953. С. 30.
- 244 Костырченко Г. В плену у «красного фараона»: Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. — М., 1994. С. 161; Блюм А.В. Еврейский вопрос под советской цензурой. 1917–1991. — СПб., 1996. С. 66.
- 245 Фадеев А.А. Письмо В.В. Вишневскому (март – май 1943 г.) // Его же. Собрание сочинений в 5 тт. — М., 1961. С. 348.
- 246 Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953. С. 35.
- 247 Костырченко Г. В плену у «красного фараона». С. 17.
- 248 Гроссман В. Украина // Красная звезда. 1943. 12 октября.
- 249 Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Воспоминания в 3 тт. — М., 1990. Т. 2. С. 441.
- 250 Копелев Л. О правде и терпимости. — Нью-Йорк, 1982. С. 14.
- 251 Медведев Р. Они окружали Сталина // Юность. 1989. № 9. С. 73.
- 252 Письмо И. Данишевского по поводу статьи В. Пескова «Отечество». С. 73.
- 253 Медведев Р. Они окружали Сталина // Юность. 1989. № 9. С. 73; Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Еврейский вопрос: Хроника 40-х гг. // Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 1. С. 65.

- 254 Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938—1953. С. 44.
- 255 Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т. 2. С. 441.
- 256 Власть и художественная интеллигенция. С. 489.
- 257 Vaksberg A. Stalin Against the Jews. NY, 1995. P. 142—143.
- 258 Шварц С.М. Указ соч. С. 186.
- 259 Абрамович А. В решающей войне. Участие и роль евреев СССР в войне против нацизма. — СПб., 1999. С. 8.
- 260 Костырченко Г. В плену у «красного фараона». С. 76.
- 261 Розенталь И. «Жидомасонский заговор»: Из истории восприятия мифа // Россия XXI. 2001. № 2. С. 146; Г. Костырченко в предисловии к сборнику документов «Государственный антисемитизм в СССР». С. 7—8; Шварц С.М. Указ. соч. С. 197.
- 262 Государственный антисемитизм в СССР. С. 45, 40—41.
- 263 Пинкус Б. Евреи Советского Союза: История национального меньшинства // Зарубежная литература о национальных отношениях в СССР. Реферативный сборник. — М., 1991. С. 144.
- 264 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 138. Л. 91.
- 265 ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 5; Петрова Н.К. Антифашистские комитеты в СССР. — М., 1999. С. 127.
- 266 Руколь Б.М. Идея общности славян в материалах Всеславянского комитета в Москве // Славянский вопрос: Вехи истории. — М., 1997. С. 205.
- 267 ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; К братьям угнетенным славянам // Литературная газета. 1941. 13 августа. С. 1.
- 268 ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 28. Л. 35—36.
- 269 ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 72. Л. 1; Марьина В.В. Славянская идея в годы Второй мировой войны // Славянский вопрос: Вехи истории. — М., 1997. С. 175—176.
- 270 Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. — М., 1947. С. 184.
- 271 Малышев В.А. «Пройдет десяток лет и эти встречи уже не восстановишь в памяти»: Дневник наркома // Источник. 1997. № 5. С. 128.
- 272 Малышев В.А. «Пройдет десяток лет и эти встречи уже не восстановишь в памяти»: Дневник наркома // Источник. 1997. № 5. С. 128; Джилас М. Указ. соч. С. 84; Марьина В.В. Указ. соч. С. 174.
- 273 ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 4. Л. 1—2, 4, 9—10, 15—16.

- 274 ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
- 275 *Марьина В.В.* Указ. соч. С. 174.
- 276 *Невежин В.* «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30–40-х годах. — М., 2007. С. 315.
- 277 *Баранов В.И.* Писатели и война // Война и общество, 1941–1945. — М., 2004. Кн. 2. С. 137; *Горяева Т.М.* Указ. соч. С. 107.
- 278 *Костырченко Г.В.* Советская цензура в 1941–1952 годах // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 91.
- 279 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 154. Л. 137, 221.
- 280 *Пономарев А.Н.* Александр Щербаков: страницы биографии. М., 2004. С. 217.
- 281 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 93. Л. 334–335.
- 282 Русский фольклор Великой Отечественной войны. С. 297; *Синявская Е.С.* Психология солдата // Война и общество. — М., 2004. Кн. 2. С. 216–217.
- 283 Партизанские пословицы и поговорки. — Курск, 1958. С. 44–45.
- 284 *Козлов Н.Д.* С волей к победе: Пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. — СПб., 2002. С. 76.
- 285 Русский фольклор Великой Отечественной войны. С. 140.
- 286 *Hosking G.* Rulers and Victims. The Russians in the Soviet Union. Cambridge, Ma — London, 2006. P. 193.
- 287 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 143. Л. 47–47об.
- 288 *Рычков С.М., Куликов Ю.Н.* Образ врага в сознании советских людей в годы Великой Отечественной войны // Наши и «чужие» в российском историческом сознании. СПб, 2001. С. 252.
- 289 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 230; *Горяева Т.М.* Указ. соч. С. 112.
- 290 Русский фольклор Великой Отечественной войны. С. 141.
- 291 Материалы о положении с бандитизмом за 3,5 года войны // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 8–10.
- 292 Справка о количестве зарегистрированных и раскрытых бандпроявлений по Союзу ССР за время с 1 июля 1941 г. по 1 января 1944 г. // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 43. Л. 13, 60.
- 293 Кавказские орлы. С. 15.
- 294 Материалы о положении с бандитизмом за 3,5 года войны // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 15.

- 295 Там же. Л. 67.
- 296 Кавказские орлы. С. 12–13.
- 297 Спецсообщение зам. прокурора ЧИАССР по спецделам, 31 октября 1941 г. // ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 532. Л. 34.
- 298 Кавказские орлы. С. 9.
- 299 Материалы о положении с бандитизмом за 3,5 года войны // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 16.
- 300 Спецсообщение зам. прокурора ЧИАССР по спецделам, 19 января 1942 г. // ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 530. Л. 28.
- 301 Материалы о положении с бандитизмом за 3,5 года войны // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 37–38.
- 302 Удары в спину Красной Армии // ВИЖ. 1997. № 1. С. 62.
- 303 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 30. Л. 33, 59.
- 304 Материалы о положении с бандитизмом за 3,5 года войны // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 23.
- 305 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 30. Л. 58.
- 306 Материалы о положении с бандитизмом за 3,5 года войны // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 46.
- 307 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 30. Л. 19, 23.
- 308 Материалы о положении с бандитизмом за 3,5 года войны // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 25, 26, 28, 47, 50.
- 309 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 30. Л. 8, 11, 12, 39, 40, 66, 80.
- 310 Материалы о положении с бандитизмом за 3,5 года войны // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 51.
- 311 Докладная записка Южного ШПД, 26 октября 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1048. Л. 3; Докладная записка ПУР Закавказского фронта, 4 декабря 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 104. Л. 201об.
- 312 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 38, 40.
- 313 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 30. Л. 220об.
- 314 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 67–68.
- 315 Галицкий В.П. «...Для активной подрывной деятельности в тылу у Красной Армии» // ВИЖ. 2001. № 1. С. 18.
- 316 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 30. Л. 220, 234об.
- 317 Материалы ГУББ о положении с бандитизмом за 3,5 года войны // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 62.
- 318 Материалы агентурно-оперативной работы среди выселенных чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 170. Л. 3.
- 319 Материалы ГУББ о положении с бандитизмом за 3,5 года войны // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 41.

- 320 Материалы ГУББ о положении с бандитизмом за 3,5 года войны // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 54–55.
- 321 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 391. Л. 24.
- 322 Материалы ГУББ о положении с бандитизмом за 3,5 года войны // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 57–58.
- 323 Отчет о бандповстанческой активности на территории Азербайджанской ССР // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 469. Л. 72–73.
- 324 Отчет о бандповстанческой активности на территории Азербайджанской ССР // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 469. Л. 74.
- 325 Материалы ГУББ о положении с бандитизмом за 3,5 года войны // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 38.
- 326 Кавказские орлы. С. 16–17.
- 327 Справка о количестве наших потерь при проведении операций за три с половиной года Великой Отечественной войны // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 274. Л. 9, 12.
- 328 Зубкова Е.Н. Прибалтика и Кремль. С. 224.
- 329 Джилас М. Лицо тотаритаризма. М., 1992. С. 41.
- 330 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 235. Л. 96–98.
- 331 *Armstrong J.* Op. cit. P. 136.
- 332 *Помогаев В.В.* Украинский национализм после Второй мировой войны. Маски и лицо. Тамбов, 2000. С. 7.
- 333 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 68. Л. 59; Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 1791. Л. 125 Д. 1884. Л. 39–41; Там же. Д. 1884. Л. 39–41.; *Яковлева Е.В.* Польша против СССР. 1939–1950 гг. — М., 2007. С. 186.
- 334 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 26.
- 335 ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 2350. Л. 56–57.
- 336 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 235. Л. 143об, 144об; Там же. Ф. 598. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–3.
- 337 *Лаар М., Валк Х., Вахтре Л.* Указ. соч. С. 182.
- 338 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 307. Л. 17–18, 20; *Пасат В.* Депортации из Молдавии // Свободная мысль. 1993. № 3. С. 57.
- 339 ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 1791. Л. 14–15, 54.
- 340 ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 2351. Л. 6.
- 341 ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 1791. Л. 9, 47–48, 63–66, 88, 120, 122; Там же. Д. 2350. Л. 15–23; Там же. Д. 2351. Л. 9, 12–13.
- 342 ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 1791. Л. 88, 96; Там же. Д. 2351. Л. 5; Там же. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 117. Л. 49; Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 67. Л. 71; *Помогаев В.В.* Указ. соч. С. 7

- 343 ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 1791. Л. 96; Там же. Д. 2351. Л. 5.
- 344 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 543. Л. 15.
- 345 *Misuinas R.J., Taagepera R.* Op. cit. P. 83.
- 346 *Misuinas R.J., Taagepera R.* Op. cit. P. 70.
- 347 РГАСПИ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 2. Л. 6; Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 155. Л. 34; ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 117. Л. 47–48.
- 348 ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 2351. Л. 82; РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 3. Л. 50; *Misuinas R.J., Taagepera R.* Op. cit. P. 72; *Лаар М., Валк Х., Вахтре А.* Указ. соч. С. 179–181.
- 349 *O'Connor K.* Op. cit. P. 122; *Земсков В.Н.* Указ. соч. С. 514–515, 524.
- 350 *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953. — М., 2008. С. 255; *Колпакиди А.И., Прохоров Д.П.* КГБ: Спецоперации советской разведки. — М., 2000. С. 258.
- 351 *Верт Н.* История Советского государства. — М., 1995. С. 35–36.
- 352 Органы государственной безопасности СССР во время Великой Отечественной войны. Т. 2. Кн. 1. — М., 2000. С. 447–448.
- 353 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 20.
- 354 *Бугай Н.Ф.* Депортации народов // Война и общество, 1941–1945. — М., 2004. Кн. 2. С. 310–311.
- 355 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 45, 49; *Бугай Н.Ф.* Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию». — М., 1995. С. 33.
- 356 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 19. Л. 49; Там же. Д. 61. Л. 138–140.
- 357 *Кара-Мурза С.Г.* «Совок» вспоминает. — М., 2002. С. 36.
- 358 *Вашкау Н.Э., Алексеева Е.А.* Российские немцы в «Трудармии» // Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма. С. 57.
- 359 *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. — М., 2000. С. 389.
- 360 *Фольксдойче и «фольксфинны»* // Демоскоп Weekly. 2001. № 15–16 (9–22 апреля).
- 361 *Некрич А.* Наказанные народы. — Нью-Йорк, 1978. С. 87.
- 362 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 65; *Полян П.* Не по своей воле... С. 118.
- 363 *Максимов К.Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. — М., 2007. С. 351, 325.

- ³⁶⁴ Максимов К.Н. Указ. соч. С. 315; Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные добровольческие формирования по разные стороны фронта // ОИ. 2001. № 6. С. 68; Семиряга М.И. Судьбы советских военнопленных // ВИ. 1995. № 4. С. 22–23.
- ³⁶⁵ Максимов К.Н. Указ. соч. С. 228.
- ³⁶⁶ Посчитано по: Справка о количестве зарегистрированных и раскрытых бандпроявлений по Союзу ССР за время с 1 июля 1941 г. по 1 января 1944 г. // ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 43. Л. 47, 60.
- ³⁶⁷ Вылцан М.А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 33.
- ³⁶⁸ Сталин И.В. Собрание сочинений. — М., 1947. Т. 5. С. 277–278.
- ³⁶⁹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 169. Л. 82.
- ³⁷⁰ Бердунских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. — Киров, 2003. С. 59.
- ³⁷¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 1; Полян П. Не по своей воле... С. 120–121.
- ³⁷² Советская повседневность и массовое сознание. С. 420–421.
- ³⁷³ Некрич А. Наказанные народы. С. 87.
- ³⁷⁴ Dunlop J.B. Russia Confronts Chechnya: Roots of a Separatist Conflict. Cambridge, 1998. P. 73.
- ³⁷⁵ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 4. Л. 19–21; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 322. Л. 71; Dunlop J.B. Op. cit. 71, 74.
- ³⁷⁶ Полян П. Не по своей воле... С. 125.
- ³⁷⁷ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 121; Там же. Д. 66. Л. 123, 132.
- ³⁷⁸ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 258а – 258б, 320–321; РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 12. Л. 88об.
- ³⁷⁹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 275; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1051. Л. 52–53.
- ³⁸⁰ Нагинский П. Русские в Крыму // Красный Крым. 1944. 9 декабря. С. 4.
- ³⁸¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 305–306.
- ³⁸² ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–3.
- ³⁸³ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 573. Л. 286.
- ³⁸⁴ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 573. Л. 291.

- 385 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 183. Л. 1; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 300. Л. 40.
- 386 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 170. Л. 43—44; Там же. Д. 169. Л. 1об.
- 387 Кавказские орлы: Обзор материалов о банддвижении на территории бывшей ЧИАССР. — Алма-Ата, 1945; М., 1993.
- 388 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 183. Л. 288; Д. 183. Л. 2об.
- 389 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 292. Л. 1—2; РГАСПИ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 2. Л. 20; ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 170. Л. 11—12; О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева XX съезду КПСС 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 152.
- 390 Заседания Верховного Совета РСФСР. 20—25 июня 1946 г. 7 сессия. — М., 1946. С. 361.
- 391 *Верт Н.* История Советского государства. С. 22; *Полян П.* Не по своей воле... С. 103; *Бергунских В.А.* Спецпоселенцы. С. 21; *Некрич А.* Наказанные народы. С. 92; Война и ислам на Северном Кавказе. — М., 2000. С. 28; *Вылцан М.А.* Депортация народов в годы Великой Отечественной войны. С. 28; *Пыхалов И.В.* За что Сталин выселял народы. Сталинские депортации — преступный произвол или справедливое возмездие? — М., 2008. С. 1.
- 392 *Майстренко И.* Указ. соч. С. 148; *Алиева С.* Так это было. — М., 1993. Т. 3. С. 344. (Отметим неточность: Сталин не относил советский народ к разряду наций); *Шутова Т.* Так это было: Где же переправа? // Литературная Россия. 1993. 23 июля. С. 10.
- 393 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 183. Л. 3об; Д. 184. Л. 228.
- 394 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 99. Л. 19/41; СССР и Турция. 1917—1979. — М., 1981. С. 170—174; *Галиакбарова Н.М.* Советско-турецкие отношения в 1939—1941 гг. — Екатеринбург, 2006. С. 184, 189, 196; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. В 2 тт. Т. 2. — Грозный, 1972. С. 238.
- 395 *Безутольный А.Ю.* Ни войны, ни мира: Положение на советско-турецкой границе и меры советского руководства по предотвращению турецкой угрозы в первый период Великой Отечественной войны // Военно-исторический архив. 2003. № 5. С. 56, 58, 64—65; СССР и Турция. С. 176—177, 182.
- 396 *Otto Pohl J.* Ethnic Cleansing in the USSR, 1937—1949. Westport — London, 1999. P. 4.

- 397 Бердинских В.А. Указ. соч. С. 21.
- 398 Полян П. Не по своей воле... С. 104.
- 399 Пыхалов И.В. Великая оболганная война-2. Нам не за что каяться! — М., 2008. С. 56, 57, 65, 73, 74, 76; Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация от начала до Великой Победы. — М., 2004. С. 609.
- 400 Stein G.H. The Waffen-SS: Hitler's Elite Guard at War 1939–1945. Cornell University Press, 1966. P. 143–144.
- 401 Хавкин Б.Л. Рейхсфюрер СС Гиммлер. С. 195–196.
- 402 В Прибалтике ждали фюрера... С. 41.
- 403 Безыменский Л.А. Указ. соч. С. 253.
- 404 Мюллер Н. Указ соч. С. 258.
- 405 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 119. Л. 22–23.
- 406 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 251. Л. 14.
- 407 Ямпольский В.П. «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 гг. — М., 2008. С. 114.
- 408 Филоненко С.И., Филоненко М.И. Психологическая война на Дону: Мифы фашистской пропаганды. 1942–1943. — Воронеж, 2006. С. 73.
- 409 Филоненко С.И., Филоненко М.И. Указ соч. С. 37, 192, 201.
- 410 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 167. Л. 25; Филоненко С.И., Филоненко М.И. Указ. соч. С. 7, 37, 192, 201; Der Unter-mensch. Berlin, Nordland-Verlag GmbH, 1942.
- 411 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 167. Л. 17–18, 31, 33; Там же. Д. 172. Л. 13; Там же. Д. 96. Л. 168–169.
- 412 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 96. Л. 19–20; Там же. Д. 136. Л. 75; Там же. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 190.
- 413 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 167. Л. 9; Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 450. Л. 7; Козлов Н.Д. Указ. соч. С. 93.
- 414 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 167. Л. 10; Там же. Д. 136. Л. 5–11; Там же. Д. 181. Л. 50; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 104. Л. 119, 134.
- 415 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 100. Л. 101.
- 416 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 136. Л. 75; Там же. Д. 100. Л. 8–97; Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 744. Л. 91.
- 417 О कोरोков А.В. Особый фронт: немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. — М., 2007. С. 11.

- 418 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 96об; ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 4. Л. 8, 153 – 153об; Там же. Д. 30. Л. 3.
- 419 РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 44. Л. 134; *Трушнович Я.А.* Русские в Югославии и Германии в 1941–1945 гг. // *Новый часовой.* 1994. № 2. С. 167; *Колесник А.Н.* РОА — власовская армия: Судебное дело генерала А.А. Власова. — Харьков, 1990. С. 14; *Littlejohn D.* Op. cit. P. 298–299.
- 420 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 94. Л. 33; Там же. Ф. 625. Оп. 1. Д. 44. Л. 134; *Колесник А.Н.* Указ. соч. С. 14; *Колпакиди А.И., Прохоров Д.П.* Указ. соч. С. 332–333.
- 421 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 721. Л. 35; *Колпакиди А.И., Прохоров Д.П.* Указ. соч. С. 334–336, 338–339; *Трушнович Я.А.* Указ. соч. С. 147, 167; *Колесник А.Н.* Указ. соч. С. 14; *Глаубе Г.* Загадочная смерть бригадефюрера Каминского // *Эхо войны.* 2007. № 1. С. 31–32.
- 422 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 292. Л. 11; Там же. Оп. 125. Д. 167. Л. 12–13; *От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг.: Сб. статей.* — СПб., 2006. С. 179, 285, 303.
- 423 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 92. Л. 78; Там же. Д. 167. Л. 14; Там же. Оп. 121. Д. 292. Л. 54–55; *От войны к миру.* С. 306 – 307.
- 424 РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 44. Л. 599; *Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков.* — М., 1946. С. 173; *Reitlinger G.* The House Built on Sand. P. 160; *Косик В.* Указ. соч. С. 113–115, 117–118; *Armstrong J.* Op. cit. P. 77–79.
- 425 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 167. Л. 17–18.
- 426 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 117. Л. 43; РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1027. Л. 128; Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 14об; *Armstrong J.* Op. cit. P. 71–72; *ОУН на службе у фашизма // Военно-исторический журнал.* 1991. № 5. С. 54.
- 427 *Armstrong J.* Op. cit. P. 205–206.
- 428 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 284. Л. 16, 18, 22; РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 618. Л. 19; *Бекирова Г.* Крым и крымские татары в XIX–XX веках: Сб. статей. — М., 2005. С. 49–50.
- 429 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 284. Л. 4–7, 10–11; Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 388–389.
- 430 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 9; Там же. Д. 167. Л. 20–21; Там же. Ф. 625. Оп. 1. Д. 44. Л. 324–325.
- 431 *Яковлева Е.В.* Польша против СССР. С. 137.

- 432 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 8; Там же. Д. 167. Л. 15; Там же. Д. 136. Л. 5—11; Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 3. Л. 16—17.
- 433 В Прибалтике ждали фюрера... И фюрер пришел! (Публ. и комм. В.П. Ямпольского) // Военно-исторический журнал. 2001. № 6. С. 41.
- 434 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 8; *Pick F.W.* The Baltic Nations: Estonia, Latvia and Lithuania. Lnd, [1945]. P. 139—140; *Misuiinas R.J., Taagepera R.* Op. cit. P. 46—48.
- 435 *Лаар М., Валк Х., Вахтре Л.* Указ. соч. С. 170; *Misuiinas R.J., Taagepera R.* Op. cit. P. 48—49.
- 436 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 8; *O'Connor K.* The History of the Baltic States. Westport-Lnd, 2003. P. 119—120; *Misuiinas R.J., Taagepera R.* Op. cit. P. 49—50, 52.
- 437 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 8—9; *Kasekamp A.* The Ideological Roots of Estonian Collaboration During the Nazi Occupation // The Baltic Countries Under Occupation. Soviet and Nazi Rule, 1939—1991. Stockholm, 2003. P. 87.
- 438 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 9; В Прибалтике ждали фюрера... С. 40.
- 439 *Bassler G.P.* The Collaborationist Agenda in Latvia 1941—1943 // The Baltic Countries Under Occupation. Soviet and Nazi Rule, 1939—1991. Stockholm, 2003. P. 79.
- 440 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 742. Л. 47; ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 452. Л. 80; В Прибалтике ждали фюрера... С. 40.
- 441 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 167. Л. 20; Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 619. Л. 9; *Князьков А.С.* Оккупационный режим. Партизанское движение // Война и общество, 1941—1945. — М., 2004. Кн. 2. С. 273.
- 442 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 95; *Reitlinger G.* The House Built on Sand. The Conflicts of German Policy in Russia, 1939—1945. NY, 1960. P. 313; *Littlejohn D.* The Patriotic Traitors: A History of Collaboration in Germany-occupied Europe. Lnd, 1972. P. 306.
- 443 Правда. 1941. 13 декабря.
- 444 Правда. 1941. 13 декабря; *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Против Сталина и Гитлера. Франкфурт-на-Майне, 1975. С. 111—114.
- 445 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 165. Л. 46—47; *Ангреева Е.* Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. Лондон, 1990. С. 136.
- 446 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 165. Л. 44.

- 447 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 165. Л. 43, 76–79. 124; Там же. Д. 136. Л. 62; Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 721. Л. 34; *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. С. 218; *Байдалаков В.М.* Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена... Воспоминания председателя НТС 1930–1960 гг. М., 2002. С. 38; *Трушнович Я.А.* Указ. соч. С. 156.
- 448 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 165. Л. 76–79; ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 9. Л. 113, 206об; *Лукин М.Ф.* Мы не сдаемся, товарищ генерал! // *Огонек*. 1964. № 47. С. 28.
- 449 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 165. Л. 125–127.
- 450 *Ямпольский В.П.* «...Уничтожить Россию весной 1941 г.». С. 195, 197.
- 451 *Misuiinas R.J., Taagerpera R.* Op. cit. P. 67–68; *Лаар М., Валк Х., Вахтре А.* Указ. соч. С. 171–172.
- 452 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 618. Л. 47; *Романько О.В.* Мусульманские легионы Третьего рейха: мусульманские добровольческие формирования в германских вооруженных силах (1939–1945). Симферополь, 2000. С. 63.
- 453 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 251. Л. 67; Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1048. Л. 39.
- 454 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 136. Л. 73–74.
- 455 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 165. Л. 3, 36.
- 456 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 136. Л. 144, 162.
- 457 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 136. Л. 5; Там же. Д. 146. Л. 52, 80.
- 458 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1048. Л. 3; Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 173. Л. 52–53; *Longworth Ph.* The Cossacks. New York — Chicago — San Francisco, 1970. P. 331–332.
- 459 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 165. Л. 38–39; ГАРФ. Ф. 5759. Оп. 1. Д. 47. Л. 32; *Крикунов П.* Казаки. Между Гитлером и Сталиным: крестовый поход против большевизма. — М., 2006. С. 7; *Мюллер Н.* Указ. соч. С. 104; *Longworth Ph.* The Cossacks. P. 332.
- 460 *П.Н. Краснов:* «Вождь, который спасет Россию, может появиться только в самой России» // *ВИЖ*. 2001. № 4. С. 70–71.
- 461 *Верт А.* Россия в войне 1941–1945 гг. — М., 1967. С. 417; *Longworth Ph.* Op. cit. P. 332–333.
- 462 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 94. Л. 54–56; Там же. Д. 167. Л. 32; *Курсанов Н.А., Дробязко С.И.* Великая Отечествен-

- ная война 1941–1945 гг.: национальные добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 70.
- 463 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1048. Л. 4; Когда план «Барбаросса» потерпел крах // Военно-исторический журнал. 1994. № 9. С. 4; *Романько О.В.* Указ. соч. С. 61–62; *Бугай Н.Ф.* Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». С. 165.
- 464 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 61–62; Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 170. Л. 3.
- 465 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 163; *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). — М., 1998. С. 163–164.
- 466 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 15, 25, 54–56; *Бугай Н.Ф.* Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». С. 68.
- 467 *Верт А.* Указ. соч. С. 419; Война и ислам на Северном Кавказе. — М., 2000. С. 28.
- 468 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 251. Л. 67.
- 469 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 136. Л. 5–11; *Bassler G.P.* Op. cit. P. 79; *Misunas R.J., Taagepera R.* Op. cit. P. 53–54.
- 470 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 117. Л. 44; Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 1884. Л. 40; ОУН на службе у фашизма. С. 49, 54; *Колпакиди А.И., Прохоров Д.П.* Указ. соч. С. 249–250.
- 471 *Косик В.* Указ. соч. С. 408–409; *Armstrong J.* Op. cit. P. 115–116.
- 472 РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 44. Л. 494, 477; Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1032. Л. 73; Там же. Ф. 625. Оп. 1. Д. 44. Л. 633; *Колпакиди А.И., Прохоров Д.П.* Указ. соч. С. 252–253, 258; *Косик В.* Указ. соч. С. 383.
- 473 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1032. Л. 75; ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 117. Л. 49; *Перковский А.Л.* Источники по национальному составу населения Украины в 1939–1944 гг. // Людские потери СССР в период Второй мировой войны: Сб. ст.: [Материалы конф., 14–15 марта 1995 г.]. — СПб., 1995. С. 55; *Яковлева Е.В.* Польша против СССР. С. 217.
- 474 *Літопис УПА.* Т. 1. С. 46–47, 88–89, 99–102, 121–126, 153–154, 205; *Manning A.* 20th Century Ukraine. NY, 1951. P. 148; *Колпакиди А.И., Прохоров Д.П.* Указ. соч. С. 252.
- 475 *Misunas R.J., Taagepera R.* Op. cit. P. 55–56, 65–66; *O'Connor K.* Op. cit. P. 121.

- 476 Эстония. Кровавый след нацизма: 1941—1944 годы: сборник архивных документов о преступлениях эстонских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. — М., 2006. С. 6.
- 477 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 619. Л. 11.
- 478 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1048. Л. 2.
- 479 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 605. Л. 43.
- 480 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 619. Л. 11; Там же. Д. 1048. Л. 2; Там же. Д. 605. Л. 43; *Козлов Н.Д.* Указ. соч. С. 138.
- 481 РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 562—563; Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 167. Л. 11; Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 619. Л. 11; *Шкаровский М.В.* Крест и свастика. С. 465.
- 482 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 167. Л. 10; Что было бы с Россией?.. Из застольных разговоров Гитлера в Ставке германского Верховного Главнокомандования // *Знамя*. 1993. № 2. С. 148; *Шкаровский М.В.* Политика Третьего рейха по отношению к Русской православной церкви в свете архивных материалов. С. 182—184.
- 483 *Шкаровский М.В.* Крест и свастика. С. 465.
- 484 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 167. Л. 11; Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 744. Л. 96; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 36. Л. 4; *Лысенко А.Е.* Указ. соч. С. 46, 49; *Fletcher W.C.* The Russian Orthodox Church Underground. P. 164.
- 485 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 36. Л. 5; *Armstrong J.* Op. cit. P. 154—155, 157.
- 486 *Лысенко А.Е.* Указ. соч. С. 48; *Armstrong J.* Op. cit. P. 157.
- 487 ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 36. Л. 6, 15—17; Там же. Ф. 5759. Оп. 1. Д. 113. Л. 189.
- 488 РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 615; *Fletcher W.C.* A Study in Survival. P. 101—102.
- 489 РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 615—616; Ф. 17. Оп. 125. Д. 92. Л. 130; Ф. 69. Оп. 1. Д. 728. Л. 51.
- 490 *Лысенко А.Е.* Указ. соч. С. 44, 49; *Armstrong J.* Op. cit. P. 57—58.
- 491 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 618. Л. 19; *Романько О.В.* Указ. соч. С. 46; *Reitlinger G.* The SS: Alibi of a Nation. Melbourne-Lnd-Toronto, 1957. P. 199.
- 492 *Armstrong J.* Op. cit. P. 153.
- 493 РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 44. Л. 277; *Шкаровский М.В.* Крест и свастика. С. 472.
- 494 РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 578.
- 495 *Васильева О.Ю.* Указ. соч. С. 90; *Якунин В.Н.* Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны

- // Московский журнал. 1995. № 9. С. 33; Шкаровский М.В. Крест и свастика. С. 478.
- ⁴⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 545; Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 136. Л. 49; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 36. Л. 15–17; Шкаровский М.В. Крест и свастика. С. 479.
- ⁴⁹⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 36. Л. 2–3; Шкаровский М.В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской православной церкви в свете архивных материалов. С. 215, 313; Лысенко А.Е. Указ. соч. С. 46–47; *Armstrong J.* Op. cit. P. 130–131, 159.
- ⁴⁹⁸ *Armstrong J.* Op. cit. P. 130–131.
- ⁴⁹⁹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 36. Л. 4–6; *Armstrong J.* Op. cit. P. 157–158.
- ⁵⁰⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 36. Л. 15–17; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 136. Л. 175.
- ⁵⁰¹ Шкаровский М.В. Крест и свастика. С. 479, 481.
- ⁵⁰² РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 622; Шкаровский М.В. Крест и свастика. С. 475–476.
- ⁵⁰³ РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 539, 547; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 36. Л. 15–17; Там же. Д. 4. Л. 12–14; Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 99, 101; *Fletcher W.C.* A Study in Survival. P. 115.
- ⁵⁰⁴ *Armstrong J.* Op. cit. P. 159; Васильева О.Ю. Указ. соч. С. 102.
- ⁵⁰⁵ Шкаровский М.В. Крест и свастика. С. 472, 477.
- ⁵⁰⁶ Подпрятков Н.В. Национальные воинские формирования народов Советского Союза в СССР и в фашистской Германии в годы Второй мировой войны. — Пермь, 2006. С. 226–227, 232.
- ⁵⁰⁷ Кудряшов С. Предатели, «освободители» или жертвы войны? // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 87; Мюллер Н. Указ. соч. С. 154.
- ⁵⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 167. Л. 21; Там же. Ф. 625. Оп. 1. Д. 46. Л. 787; *Kleist P.* The European Tragedy. Isle of Man, 1965. P. 101.
- ⁵⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 13; Мюллер Н. Указ. соч. С. 154, 255; Крысин М.Ю. Кого в Прибалтике провозглашают героями // Военно-исторический журнал. 2001. № 5. С. 72.
- ⁵¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 96. Л. 21; Там же. Д. 172. Л. 13; Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 450. Л. 4; Там же. Ф. 17. Оп. 88. Д. 135. Л. 7; Там же. Оп. 125. Д. 167. Л. 15, 33.

- 511 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 13; Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 619. Л. 21; РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 44. Л. 278; *Littlejohn D.* Op. cit. P. 297, 302; *Мюллер Н.* Указ. соч. С. 258.
- 512 *Трушинович Я.А.* Указ. соч. С. 152; *Байдалаков В.М.* Указ. соч. С. 28, 26.
- 513 ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 6. Л. 5, 64; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 98. Л. 120–122; *Трушинович Я.А.* Указ. соч. С. 156.
- 514 *Reitlinger G.* The House Built on Sand. P. 312; *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. С. 59.
- 515 *Романько О.В.* Указ. соч. С. 5; *Решин Л.Е.* «Казаки со свастикой» // *Родина.* 1993. № 2. С. 23; *Littlejohn D.* Op. cit. P. 301.
- 516 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 742. Л. 2–3; *Дембицкий Н.П.* Судьбы плененных // *Война и общество, 1941–1945 гг.* — М., 2004. Кн. 2. С. 248.
- 517 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 467. Л. 31об; Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 96. Л. 152.
- 518 *Littlejohn D.* Op. cit. P. 299.
- 519 *Dallin A., Mavrogordato R.S. Rodionov: A Case Study in Wartime Redefection* // *American Slavic and East European Review.* XVIII (1959). P. 27; *Littlejohn D.* Op. cit. P. 299.
- 520 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 15; Там же. Д. 165. Л. 1; *Мюллер Н.* Указ. соч. С. 272–273.
- 521 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 15; *Littlejohn D.* Op. cit. P. 298; *Кугряшов С.* Указ. соч. С. 87.
- 522 РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 44. Л. 59; Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 9; *Прозектор Д.М.* Агрессия и катастрофа: Высшее военное руководство Германии во Второй мировой войне. М., 1972. С. 228; *Семиряга М.И.* Судьбы советских военнопленных // *Вопросы истории.* 1995. № 4. С. 23; *Chirovsky N.L.* An Introduction to Ukrainian History. Vol. III. Nineteenth and Twentieth Century Ukraine. NY, 1986. P. 258; *Косик В.* Указ. соч. С. 150–155; *Armstrong J.* Op. cit. P. 51.
- 523 *Яковлева Е.В.* Польша против СССР. С. 209–210.
- 524 *Крысин М.Ю.* Кого в Прибалтике провозглашают героями. С. 72–73.
- 525 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 14об.
- 526 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 14об; Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 742. Л. 45–46; *Семиряга М.И.* Судьбы советских военнопленных. С. 23.
- 527 *Крысин М.Ю.* Кого в Прибалтике провозглашают героями. С. 74–75.

- 528 «Германии не нужны азиаты...» // Военно-исторический журнал. 1997. № 5. С. 36.
- 529 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 94. Л. 29–30; ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 284. Л. 20; *Романько О.В.* Указ. соч. С. 58; Крымско-татарские формирования // Военно-исторический журнал. 1991. № 3. С. 94.
- 530 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 85. Л. 57, Л. 61–62; Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 618. Л. 26, 46; Там же. Ф. 625. Оп. 1. Д. 12. Л. 88об; ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 284. Л. 18; *Романько О.В.* Указ. соч. С. 59.
- 531 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 94. Л. 48; Там же. Д. 172. Л. 13; *Романько О.В.* Указ соч. С. 40–43, 47; *Кудряшов С.* Указ. соч. С. 87.
- 532 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 165. Л. 14–15.
- 533 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 165. Л. 5–8, 17–20, 71; Там же. Д. 94. Л. 48.
- 534 *Reitlinger G.* The House Built on Sand. P. 292.
- 535 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 165. Л. 71–72; *Крикунов В.П.* Под угрозой расстрела или по доброй воле? // Военно-исторический журнал. 1994. № 6. С. 41; Туркестанские legionеры // Военно-исторический журнал. 1995. № 5. С. 40–42; *Романько О.В.* Указ. соч. С. 46.
- 536 *Толмачева А.В.* Боевой и численный состав и потери вооруженных сил противоборствующих сторон на советско-германском фронте в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. — Красноярск, 2006. С. 105; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933–1945 гг. — М., 2002. С. 389, 390, 419.
- 537 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 98. Л. 125; Там же. Д. 172. Л. 15; *Романько О.В.* Указ. соч. С. 61.
- 538 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 136. Л. 76; Там же. Д. 165. Л. 48; *Курсанов Н.А., Дробязко С.И.* Указ. соч. С. 70; *Дембицкий Н.П.* Указ. соч. С. 249; *Мюллер Н.* Указ. соч. С. 378; *Романько О.В.* Указ. соч. С. 65.
- 539 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 165. Л. 65–66, 70.
- 540 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 605. Л. 43; Там же. Д. 742. Л. 46; Там же. Д. 721. Л. 37; Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 136. Л. 5; *O'Connor K.* Op. cit. P. 121; *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль. С. 213; *Misuiinas R.J., Taagepera R.* Op. cit. P. 57 – 58.
- 541 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 15; Там же. Д. 136. Л. 69–70; Там же. Д. 146. Л. 77.

- 542 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 15; Там же. Д. 165. Л. 48—49; Там же. Д. 136. Л. 69—70, 162—177; Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 742. Л. 46; *Семиряга М.И.* Судьбы советских военнопленных. С. 23.
- 543 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 742. Л. 46; *Misuiinas R.J., Taagera R.* Op. cit. P. 58.
- 544 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 136. Л. 76.
- 545 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 15об; *Байдалаков В.М.* Указ. соч. С. 38; *Толмачева А.В.* Указ. соч. С. 77, 87.
- 546 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 56; *Романько О.В.* Указ. соч. С. 48; *Иванов В.Е.* Указ. соч. С. 54.
- 547 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 165. Л. 65—66; *Курсанов Н.А., Дробязко С.И.* Указ. соч. С. 69; *Крысин М.Ю.* Кого в Прибалтике провозглашают героями. С. 75; Эстония. Кровавый след нацизма. С. 6.
- 548 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1045. Л. 51; Там же. Д. 1048. Л. 4; ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 274; *Longworth Ph.* Op. cit. P. 331, 333.
- 549 *Гречко А.А.* Указ. соч. С. 243; *П.Н. Краснов:* «Вождь, который спасет Россию, может появиться только в самой России» / Публ. и предисл. Е.Г. Кривошеевой // ВИЖ. 2001. № 4. С. 70—71; *Решин Л.* Указ. соч. С. 71; Неотвратимое возмездие. По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. — М.: Воениздат, 1984. С. 107.
- 550 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 19. Л. 39; Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 16; Там же. Ф. 625. Оп. 1. Д. 46. Л. 820; Там же. Д. 44. Л. 287.
- 551 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 165. Л. 12—13, 32—34; Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1045. Л. 51.
- 552 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 165. Л. 32—34, 71—75; *Дембицкий Н.П.* Указ. соч. С. 250; *Катусев А.Ф., Оглоков В.Г.* Движение, которого не было, или История власовского предательства // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 22.
- 553 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 721. Л. 39; Там же. Д. 1048. Л. 12; Там же. Д. 450. Л. 62; Там же. Д. 448. Л. 39; Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 251. Л. 7; Д. 172. Л. 16; Там же. Оп. 88. Д. 135. Л. 28.
- 554 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 721. Л. 39; Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1048. Л. 66; ГАРФ. Ф. 5861. Оп. 1. Д. 45. Л. 7; *Калинин П.*

- Участие советских воинов в партизанском движении Белоруссии // Военно-исторический журнал. 1962. № 10. С. 35–36; *Littlejohn D.* Op. cit. P. 300.
- 555 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 165. Л. 71–75; Там же. Ф. 625. Оп. 1. Д. 12. Л. 88об; Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 721. Л. 40; *Романько О.В.* Указ. соч. С. 49, 60.
- 556 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 721. Л. 35; *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. С. 281–282; *Кудряшов С.* Указ. соч. С. 87.
- 557 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 452. Л. 17–19; *Мюллер Н.* Указ. соч. С. 267; *Мюллер-Гилебранг Б.* Указ. соч. С. 389, 390, 419; *Misuiinas R.J., Taagepera R.* Op. cit. P. 59; *O'Connor K.* Op. cit. P. 121; *Лаар М., Валк Х., Вахтре Л.* Указ. соч. С. 173.
- 558 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 721. Л. 38; Там же. Ф. 625. Оп. 1. Д. 44. Л. 359; ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 271; *Vakar N.P.* Belorussia. The Making of a Nation. Cambridge, 1956. P. 202–204.
- 559 ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 10. Л. 292–293; Там же. Ф. 5759. Оп. 1. Д. 113. Л. 192об; *Решин Л.* Указ. соч. С. 71, 77; *Longworth Ph.* Op. cit. P. 335–337.
- 560 РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 44. Л. 620–621; *Armstrong J.* Op. cit. P. 127–130; *Косик В.* Указ. соч. С. 435.
- 561 *Романько О.В.* Указ. соч. С. 67–68; *Littlejohn D.* Op. cit. P. 365; *Reitlinger G.* The House Built on Sand. P. 350.
- 562 ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 18. Л. 13–13об; *Решин Л.* Указ. соч. С. 72, 75.
- 563 ГАРФ. Ф. 5861. Оп. 1. Д. 45. Л. 1, 7, 16.
- 564 *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. С. 333; *Коренюк Н.* Трудно жить с мифами: Генерал Власов и Русская освободительная армия // Огонек. 1990. № 46. С. 31.
- 565 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 235. Л. 159, 160–171, 183.
- 566 ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 14. Л. 352–353; *Трушнович Я.А.* Указ. соч. С. 165; *Андреева Е.* Указ. соч. С. 89; *Armstrong J.* Op. cit. P. 139–141.
- 567 Материалы и документы ОДНР. Под ред. М.В. Шатова. — Нью-Йорк, 1966. Т. 1. С. 44; *Трушнович Я.А.* Указ. соч. С. 165.
- 568 *Armstrong J.* Op. cit. P. 139; *Дробязко С.И.* Под знаменами врага: антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил, 1941–1945. — М., 2004. С. 312; *Романько О.В.* Указ. соч. С. 66.
- 569 *Решин Л.* Указ. соч. С. 72–73; *Longworth Ph.* Op. cit. P. 336.

- 570 Коренюк Н. Указ. соч. С. 31; Трушнович Я.А. Указ. соч. С. 165; Штрик-Штрикфельдт В.К. Указ. соч. С. 378; Littlejohn D. Op. cit. P. 330; Андреева Е. Указ. соч. С. 110; Steenberg S. Vlasov. NY, 1970. P. 200–201.
- 571 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 310. Л. 16; Штрик-Штрикфельдт В.К. Указ. соч. С. 395; Фоминых И. Как был пойман предатель Власов // Известия. 1962. 7 октября. С. 2.
- 572 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 143. Л. 48–48об.
- 573 Armstrong J. Op. cit. P. 143.
- 574 Неотвратимое возмездие. С. 108–109; Littlejohn D. Op. cit. P. 329; Chirovsky N.L. Op. cit. P. 143; Armstrong J. Op. cit. P. 143.
- 575 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 117. Л. 32–33, 46–46об; Колпакиги А.И., Прохоров Д.П. Указ. соч. С. 259.
- 576 РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 44. Л. 599; Колпакиги А.И., Прохоров Д.П. Указ. соч. С. 278–279.
- 577 ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 1791. Л. 71–73; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 235. Л. 199, 177; Колпакиги А.И., Прохоров Д.П. Указ. соч. С. 255–256; Armstrong J. Op. cit. P. 123.
- 578 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 855. Л. 63; Armstrong J. Op. cit. P. 111–112; Яковлева Е.В. Указ. соч. С. 216; Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». С. 205.
- 579 O'Connor K. Op. cit. P. 121; Misuinas R.J., Taagepera R. Op. cit. P. 68.
- 580 Крысин М.Ю. Прибалтийский фашизм. История и современность. — М., 2007. С. 462–463, 466.
- 581 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 452. Л. 21–22; Misuinas R.J., Taagepera R. Op. cit. P. 68–69; Лаар М., Валк Х., Вахтре Л. Указ. соч. С. 173, 175–176.
- 582 ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 445. Л. 164–165; Крысин М.Ю. Прибалтийский фашизм. С. 443, 459, 458; 460–463, 466.
- 583 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 292. Л. 29–30, 64.
- 584 Толмачева А.В. Указ. соч. С. 103, 106.
- 585 Мероприятия германских властей на временно оккупированной территории СССР. ГРУ Красной Армии. М., 1943 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 172. Л. 15об.
- 586 РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 44. Л. 215.
- 587 Решин Л.Е. Указ. соч. С. 24.
- 588 Толстой-Милославский Н. Указ. соч. С. 320.

- 589 Семиряга М.И. Судьбы советских военнопленных. С. 22; Наринский М.М. Указ. соч. С. 293; Кудряшов С. Указ. соч. С. 90–91.
- 590 Штрик-Штрикфельдт В.К. Указ. соч. С. 61; Трушнович Я.А. Указ. соч. С. 155; Андреева Е. Указ. соч. С. 20.
- 591 Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Указ. соч. С. 68.
- 592 Толмачева А.В. Указ. соч. С. 106.
- 593 Мюллер-Гиллебранг Б. Указ. соч. С. 389, 390, 419.
- 594 Толмачева А.В. Указ. соч. С. 106.
- 595 Дембицкий Н.П. Указ. соч. С. 250.
- 596 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 573. Л. 287.
- 597 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 489. Л. 39, 43; % посчитаны мной.
- 598 Андреева Е. Указ. соч. С. 11; Штрик-Штрикфельдт В.К. Указ. соч. С. 38.
- 599 Толмачева А.В. Указ. соч. С. 106.
- 600 Дембицкий Н.П. Указ. соч. С. 250.
- 601 Соколов А.К. Методологические основы исчисления потерь населения СССР в годы Великой Отечественной войны // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. СПб, 1995. С. 19, 23.
- 602 Толстой-Милославский Н. Жертвы Ялты. — М., 1996. С. 39.
- 603 Дембицкий Н.П. Судьбы пленных. С. 245.
- 604 Голдин В.И. Роковой выбор: Русское военное зарубежье в годы Великой Отечественной войны. С. 406.
- 605 Кудряшов С. Указ. соч. С. 98.
- 606 Колесник А.Н. Указ. соч. С. 79.
- 607 Другая война. С. 324.
- 608 Толмачева А.В. Указ. соч. С. 104.
- 609 Байдалаков В.М. Указ. соч. С. 28.
- 610 Зима В.Ф. Указ. соч. С. 171, 193.
- 611 Криворотов В.И. Некоторые мысли к русской возрожденческой идее. Ст. и письма. — Мадрид, 1975. С. 161; Наринский М.М. Указ. соч. С. 294; Кудряшов С. Указ. соч. С. 97; Горелкин В.А. Указ. соч. С. 153.
- 612 Шаститко П.М. Обреченные догмы. — М., 2002. С. 201; Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 5. С. 152; Соколов А.К. Методологические основы исчисления потерь населения СССР в годы Великой Отечественной войны // Людские потери СССР в период Второй мировой войны: Сб. ст.: [Материалы конф., 14–15 марта 1995 г.]. —

СПб., 1995. С. 22; Россия и СССР в войнах XX в. С. 231; *Первышин В.Г.* Людские потери в Великой Отечественной войне // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 116; *Reitlinger G.* The House Built on Sand. P. 98.

⁶¹³ Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. — М., 1946. С. 429, 444–447.

⁶¹⁴ Другая война. 1939–1945. — М., 1996. С. 323; *Крысин М.Ю.* Прибалтийский фашизм. С. 106–107.

⁶¹⁵ *Лаар М., Валк Х., Вахтре Л.* Указ. соч. С. 171; *Misuiinas R.J., Taagepera R.* Op. cit. P. 61–63.

⁶¹⁶ *Зиновьев Г.Е.* Ленин и национальный вопрос. Вступительная статья в кн.: Ленин В.И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». — Л., 1925. С. 7.

⁶¹⁷ См.: *Криворотов В.И.* Указ. соч. С. 161; *Солоневич И.Л.* Народная монархия. — М., 1991. С. 200.

- ААЦ — Армянская Апостольская церковь (также, Армяно-Григорианская церковь)
- АК — Armia Krajowa, «Армия крайова»
- АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
- АССРНП — Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Поволжья
- БАПЦ — Белорусская Автокефальная православная церковь
- БКО — Белорусская краевая оборона
- БНС — Белорусская Народная самооборона
- БССР — Белорусская Советская Социалистическая Республика
- ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая партия (больше-виков)
- ВМФ — Военно-морской флот
- ВС КОНР — Вооруженные силы Комитета освобождения на-родов России
- ВС СССР — Верховный Совет СССР
- ВСЕХ — Всесоюзный совет евангельских христиан
- ВСЕХБ — Всесоюзный совет евангельских христиан и бап-тистов
- ГКО — Государственный Комитет Оборона СССР
- ГлавПУР — Главное политическое управление РККА
- Госкино — Государственный комитет кинематографии СССР
- ГПЦ — Грузинская Православная церковь
- ГУББ — Главное управление по борьбе с бандитизмом НКВД СССР
- ГУЛаг — Главное управление лагерей НКВД СССР
- ГУФ НКО — Главное управление формирования и комплекта-ции войск НКО СССР
- ДУМ — Духовное управление мусульман

ЕАК — Еврейский антифашистский комитет
 ИККИ — Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала
 КБАССР — Кабардино-Балкарская Автономная Советская Социалистическая Республика
 КОНР — Комитет освобождения народов России
 КП(б) — Коммунистическая партия (большевиков)
 КП(б)Б — Коммунистическая партия (большевиков) Белоруссии
 КП(б)У — Коммунистическая партия (большевиков) Украины
 КП(б)Э — Коммунистическая партия (большевиков) Эстонии
 Ленсовет — Ленинградский городской совет депутатов трудящихся
 МГК — Московский городской комитет ВКП(б)
 МССР — Молдавская Советская Социалистическая Республика
 НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР
 НКВД — Народный комиссариат иностранных дел СССР
 НКО — Народный комиссариат обороны СССР
 ННИ — «Новая и новейшая история»
 НОАЮ — Народно-освободительная армия Югославии
 НСДАП — NSDAP, National-Sozialistische Deutsche Arbeiterpartei, Национал-социалистическая рабочая партия Германии
 НСПКБ — Национал-социалистическая партия кавказских братьев
 ОДНР — Освободительное движение народов России
 ОКВ — OKW, Oberkommando der Wehrmacht, Верховное главнокомандование Германской армии
 ОКХ — OKH, Oberkommando des Heeres, Верховное командование сухопутных частей Германской армии
 ОУН — Организация украинских националистов
 ОУН-Б — Организация украинских националистов (С. Бандеры)
 ОУН-М — Организация украинских националистов (А. Мельника)
 ПВО — Противовоздушная оборона
 РК — Рейхскомиссариат
 РКВМФ — Рабоче-Крестьянский Военно-Морской Флот
 РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия
 РКП(б) — Российская Коммунистическая партия (большевиков)
 РННА — Русская национальная народная армия

РО — Районный отдел
РОА — Русская освободительная армия
РОНА — Русская освободительная народная армия
РПЦ — Русская православная церковь
РПЦЗ — Русская православная церковь за границей
РСПЦ — Русская старообрядческая православная церковь
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РСХА — RSHA, Reichssicherheitshauptamt, Главное управление имперской безопасности рейха
СКВО — Северо-Кавказский военный округ
СНК — Совет Народных Комиссаров СССР
СОАССР — Северо-Осетинская Автономная Советская Социалистическая Республика
СС — SS, Schutzstaffel, «Охранный отряд» НСДАП
ССР — Советская Социалистическая Республика
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ТНР — Тувинская Народная Республика
УАПЦ — Украинская автокефальная православная церковь
УГКЦ — Украинская греко-католическая церковь
УВВ — Українське Визвольне Військо, Украинская освободительная армия
УНС — Украинская народная самооборона
УНРА — Украинская народно-Революционная Армия
УПА — Украинская повстанческая армия
УПиА — Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)
УПЦ — Украинская автономная православная церковь
УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика
ФХО — FHO, Fremde Heere Ost, Отдел «Иноземные войска Востока» Верховного главнокомандования Германской армии
ЦК — Центральный Комитет
ЦШПД — Центральный штаб партизанского движения
ЧГК — Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников на оккупированной территории СССР
ЧГНСПО — Чечено-горская национал-социалистическая подпольная организация
ЧИАССР — Чечено-Ингушская Автономная Советская Социалистическая Республика
ШПД — Штаб партизанского движения
ЭССР — Эстонская Советская Социалистическая Республика

I. Архивы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

II. Опубликованные документы

В тылу врага. Листовки партийных организаций и партизан периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — М.: Госполитиздат, 1962.

Важнейшие законы и постановления Советского государства во время Великой Отечественной войны. — М.: Воениздат, 1946.

Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б) — ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Под общ. ред. А.Н. Яковлева; Сост: А.Н. Артизов, О.В. Наумов. — М.: Материк, 1999.

Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 1. — М.: Госполитиздат, 1944.

Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги: сборник документов и материалов / [сост. В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков]. — М.: РОССПЭН, 2007.

Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги: Россия / Сост.: В.Б. Жиромская. СПб: БЛИЦ, 1999.

Відновлення Української держави в 1941 році: Нові документи і матеріали. Київ: УВС, 2001.

Героическое прошлое русского народа. Сокращенные и переработанные стенограммы лекций, прочитанных на сборе фронтовых агитаторов. — М.: Воениздат, 1943.

- Героическое прошлое русского народа в художественной литературе. — М.; Л.: Издат. Акад. наук СССР, 1941.
- Главные политические органы Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне, 1941—1945 гг. Док. и материалы. — М.: Терра, 1996.
- Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938—1953. / Под общ. ред А.Н. Яковлева; Сост. Г.В. Костырченко. — М.: МФД Материк, 2005.
- Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941—1948 гг.: Документированная история. — М.: Международные отношения, 1996.
- Идеологическая работа КПСС на фронте (1941—1945 гг.). — М.: Воениздат, 1960.
- Иосиф Сталин — Лаврентию Берию: «Их надо депортировать». — М.: Дружба народов, 1992.
- История российских немцев в документах (1763—1992 гг.). — М.: РАУ-Корпорация, 1993.
- К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Статистический сборник. — М.: МГСК СНГ, 2005.
- Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). Т. 7. 1938—1945. — М.: Политиздат, 1985.
- КПСС о Вооруженных силах Советского Союза: Документы 1917—1968. — М.: Воениздат, 1969.
- Материалы и документы ОДНР. Под ред. М.В. Шатова. В 2-х тт. — Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1966.
- Москва военная. 1941—1945: Мемуары и архивные документы. — М.: Изд. Мосгорархив, 1995.
- Мы не простим! Слово ненависти к гитлеровским убийцам. — М.: Советский писатель, 1941.
- Наказ народа: Письма народов СССР к бойцам-фронтовикам. — М., 1943.
- Неотвратимое возмездие: По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. — М.: Воениздат, 1984.
- Неправедный суд. Последний сталинский расстрел: Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета. — М.: Наука, 1994.
- Нюрнбергский процесс. В 8 тт. — М.: Юр. лит., 1996.
- Панкратова А.М. Великий русский народ и его роль в истории. — М.: Моск. рабочий, 1946.

- Панкратова А.М. Великое прошлое советского народа. — М., 1948.
- Петровский Н. Воссоединение украинского народа в едином украинском советском государстве. — М.: Госполитиздат, 1944.
- Правда о религии в России. — М.: Моск. патриархия, 1942.
- Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны. Выпуск IV: История СССР. — Ташкент, 1942.
- Пузин А. О некоторых задачах печати в годы Великой Отечественной войны. — М.: Госполитиздат, 1942.
- Розплата: Документи і матеріали судового процесу над групою бандитів ОУН. — Львів: Обл. вид., 1970.
- Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. В 2 кн. — М.: Пропилеи, 1995.
- Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война: Сборник церковных документов. — М.: Моск. Патриархия, 1943.
- Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. — М.: ОГИЗ-ГИПЛ, 1946.
- Советская повседневность и массовое сознание, 1939–1945 / Сост. А.Я. Лившиц, И.Б. Орлов. — М.: РОССПЭН, 2003.
- Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / Авт.-сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. — М.: РОССПЭН, 2007.
- Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февр. 1945 г.). — М.: Политиздат, 1984.
- Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. — М.: Госполитиздат, 1947.
- Сталинские депортации. 1928–1953. / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева. — М.: МФД Материк, 2005.
- Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // ВИ. 1996. № 2. С. 47–86; № 3. С. 82–112; № 4. С. 65–93; № 5–6. С. 77–106; № 7. С. 70–87; № 9. С. 47–77.

Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919—1952 годы. Художественно-документальный сборник. В 3 тт. — М.: НПО «Инсан», 1993.

Эстония. Кровавый след нацизма: 1941—1944 годы: сборник архивных документов о преступлениях эстонских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. — М.: Европа, 2006.

III. Периодическая печать СССР 1941—1945 гг.

Газеты: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, Красная звезда, Литература и искусство, Литературная газета, Правда и др.

Журналы: Агитатор, Агитатор и пропагандист Военно-Морского Флота, Агитатор и пропагандист Красной Армии, Большевик, Журнал Московской Патриархии, Партийное строительство, Под знаменем марксизма, Пропагандист, Спутник агитатора, и др.

IV. Мемуары и письма

Алдан А.Г. Армия обреченных. — Нью-Йорк: Изд-во «Архив РОА», 1969.

Байдалаков В.М. Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена... Воспоминания председателя НТС 1930—1960 гг. — М.: Б.и., 2002.

Киселев А., *прот.* Облик генерала А.А. Власова. (Записки военного священника). — Нью-Йорк: Изд-во «Путь к жизни», 1980.

П.Н. Краснов: «Вождь, который спасет Россию, может появиться только в самой России.» (Публ. и предисл. Е.Г. Кривошеевой) // ВИЖ. 2001. № 4. С. 70—79.

Письма А.М. Панкратовой // ВИ. 1988. № 11. С. 54—79.

Русские шли волна за волной: Беседа американского профессора Урбана с бывшим послом в СССР А. Гарриманом (1979 г.) // Родина. 1991. № 6—7. С. 49.

Русский корпус на Балканах во время II Великой войны. Воспоминания соратников и документы. Сборник второй / Под ред. Н.Н. Протопопова, И.Б. Иванова. — СПб.: Изд. СПбГУ, 1999.

- Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. — М.: Книга, 1990.
- Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. — М.: Гея, 1996.
- Трушнович Я.А. Русские в Югославии и Германии в 1941–1945 гг. // Новый часовой. 1994. № 2. С. 140–172.
- Фадеев А.А. Письмо В.В. Вишневскому <март–май 1943 г.> // Его же. Собрание сочинений в 5 тт. — М.: Гослитиздат. 1961. Т. 5. С. 347–348.
- Фоминых И. Как был пойман предатель Власов // Известия, 1962. 7 октября. С. 2.
- Чуковский К. Дневник 1930–1969. — М.: Совр. писатель, 1994.
- Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1975.
- Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Воспоминания в 3 тт. — М.: Советский писатель, 1990.
- Dulles, Allen Welsh. Germany's Underground. — NY: The Macmillan Company, 1947.
- Kleist, Peter. The European Tragedy. — Isle of Man: Times Press, 1965.

V. Литература

- Абрамович А. В решающей войне. Участие и роль евреев СССР в войне против нацизма. — СПб: ДЕАН, 1999.
- Андреева Е. Генерал Власов и Русское освободительное движение. — Лондон: Overseas Publishing Interchange, 1990.
- Антипартизанская война в 1941–1945 гг. / Под общ. ред. А.Е. Тараса. — М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005.
- Артемьев А.П. Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. — М.: Мысль, 1975.
- Аюпов Р.Г. Мечеть и церковь в Башкортостане в годы Великой Отечественной войны (по архивным документам НКВД) // Наше Отечество: Страницы истории. — М., 2006. Вып. 3. С. 28–35.
- Баликоев Т.М., Мегоев Е.О. Национальная политика Советского государства на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). — Владикавказ: С.-О. гос. ун-т, 2001.

- Баранов В.И. Писатели и война // Война и общество, 1941—1945: В 2 кн. / Под ред. Г. Н. Севастьянова. — М.: Наука, 2004. Кн. 2. С. 129—160.
- Барбер Дж. Роль патриотизма в Великой Отечественной войне // Россия в XX веке: Историки мира спорят. — М.: РАН, Ин-т Рос. ист., 1994. С. 447—452.
- Барсенков А., Вговин А. Русские интересы в межнациональных отношениях // Этнополис. 1993. № 1. С. 108—113.
- Барсенков А.С., Вговин А.И., Корецкий В.А. Русский народ: Историческая судьба в XX веке. — М.: Изд-во МГУ, 1993.
- Барсенков А.С., Вговин А.И., Корецкий В.А. Историческая судьба русской нации в XX веке (Русский вопрос в национальной политике) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1993. № 5. С. 57—65.
- Барсенков А.С., Вговин А.И., Корецкий В.А. Русский вопрос в национальной политике. XX век. — М.: Моск. рабочий, 1993.
- Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Еврейский вопрос: Хроника 40-х гг. // Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 1. С. 63—75.
- Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная Армия. 1918—1945 годы. — М.: Вече, 2007.
- Безугольный А.Ю. Ни войны, ни мира: Положение на советско-турецкой границе и меры советского руководства по предотвращению турецкой угрозы в первый период Великой Отечественной войны // Военно-исторический архив. 2003. № 5. — С. 53—76.
- Безыменский Л.А. Особая папка «Барбаросса». — М.: АПН, 1972.
- Бекирова Г. Крым и крымские татары в XIX—XX веках: Сб. статей. — М.: Б.и., 2005.
- Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. — Киров: Б.и., 2003.
- Блюм А.В. Еврейский вопрос под советской цензурой. 1917—1991. — СПб: Петерб. еврейский университет, 1996.
- Бочкарев А. Критика чистого чувства: Национал-социалистическая перестройка большевистской России периода германской военной оккупации (1941—1944 гг.). — Ставрополь: Юж.-рус. коммер.-изд. товарищество, 1996.
- Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию». — М.: АИРО-XX, 1995.

- Бугай Н.Ф. О депортации народов из Прибалтики в 40—50-е годы // Молодая гвардия. 1993. № 4. С. 213—223.
- Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в 1927—1943 годах // ВИ. 1994. № 4. С. 35—46.
- Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943—1948 гг. — М.: РАН, Ин-т рос. истории, 2001.
- Ватлин А. Смерть Коминтерна // Родина, 1991. № 6—7. С. 84.
- Вговин А.И. Национальный вопрос и национальная политика в СССР в годы Великой Отечественной войны: мифы и реалии // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2003. № 5. С. 24—54.
- Вговин А.И. Российская нация: Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея. — М.: Клуб «Реалисты», 1996.
- Вговин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. 2-е изд., испр. — Кунгур: Кунгурский печатный двор ПГФ, 2007.
- Вербицкий Г.Г. Остарбайтеры. История россиян, насильственно вывезенных на работы в Германию во время Второй мировой войны. 3-е изд., испр. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
- Верт А. Россия в войне 1941—1945 гг. — М.: Прогресс, 1967.
- Война и ислам на Северном Кавказе XIX—XX вв. — М.: РАН, 2000.
- Война и общество, 1941—1945: В 2 кн. / Под ред. Г.Н. Севастьянова. — М.: Наука, 2004.
- Война. Народ. Победа: Материалы международной научной конференции, Москва, 15—16 марта 2005 года. — М.: Наука, 2008.
- Вылцан М.А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 26—44.
- Гилязов И.А. Коллаборационистское движение среди тюрко-мусульманских военнопленных и эмигрантов в годы Второй мировой войны. Дисс. д-ра ист. наук. — Казань, 2000.
- Голдин В.И. Роковой выбор: Русское военное зарубежье в годы Великой Отечественной войны. — Архангельск—Мурманск: СОЛТИ, 2005.

- Горелкин В.А. Пропагандистская деятельность нацистской Германии среди военнослужащих Красной Армии и населения временно оккупированных территорий СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945. Дисс. канд. ист. наук. — Волгоград, 2003.
- Горинов М.М. Будни осажденной столицы: жизнь и настроения москвичей (1941–1942 гг.) // ОИ. 1996. № 3. С. 3–28.
- Горьков Ю.А. Государственный Комитет обороны постановляет (1941–1945): Цифры, док. — М.: ОЛМА-Пресс, 2002.
- Горяева Т.М. «Мы предчувствовали полыханье...»: Образ противника в советской пропаганде в годы Великой Отечественной войны // Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941–1945): Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 21–22 апр. 2005 г. / Отв. ред. А. А. Чернобаев. — М.: Academia, 2007. С. 107–113.
- Грибков И. Хозяин брянских лесов. Бронислав Каминский, Русская освободительная народная армия и Локотское окружное самоуправление. — М.: Московский писатель, 2008.
- Гурвич И.С. К вопросу о влиянии Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на ход этнических процессов в СССР // Советская этнография. 1976. № 1. С. 39–48.
- Дашичев В.И. Стратегия Гитлера: путь к катастрофе. — М.: Наука, 2005. В 4 тт.
- Дробязко С.И. Под знаменами врага: антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил, 1941–1945. — М.: Эксмо, 2004.
- Дюков А. Миф о геноциде: Репрессии советских властей в Эстонии (1940–1953). — М.: Яковлев, 2007.
- Жиромская В.Б., Араловец Н.А. Демографические последствия Великой Отечественной войны // Россия в XX веке: Война 1941–1945 годов: современные подходы. — М.: Наука, 2005. С. 533–549.
- Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов. — М.: ИРИ РАН, 2000. — 277 с.
- Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль, 1940–1953. — М.: РОССПЭН, 2008.
- Иванов В.Е. Национальные воинские части в СССР: опыт строительства и применения. — Екатеринбург: Выс. шк. МВД Рос. Фед., 1996.

- Идеологическая работа КПСС в действующей армии. 1941—1945 гг. — М.: Воениздат, 1985.
- История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. В 6 тт. — М.: Воениздат, 1960—1965.
- История КПСС. В 6 тт. — М.: Политиздат, 1970. Т. 5.
- Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. — СПб.: Дмитрий Булганин, 1996.
- Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация от начала до Великой Победы. — М.: Эксмо, 2004.
- Кашеваров А.Н. Государство и Церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской православной церкви, 1917—1945 гг. — СПб.: СПбГТУ, 1995.
- Курсанов Н.А. Национальные формирования Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. // ОИ. 1995. № 4. С. 116—126.
- Курсанов Н.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: национальные добровольческие формирования по разные стороны фронта // ОИ. 2001. № 6. С. 60—75.
- Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941—1944. — М.: Транзиткнига, 2004.
- Козлов Н.Д. С волей к победе: Пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. — СПб.: Ленингр. гос. обл. ун-т, 2002.
- Колесник А.Н. РОА — власовская армия: Судебное дело генерала А.А. Власова. — Харьков: Простор, 1990.
- Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. КГБ: Спецоперации советской разведки. — М.: Олимп, 2000.
- Косик В. Україна і Німеччина у другій світовій війні. — Париж — Нью-Йорк — Львів, 1993.
- Костырченко Г.В. В плену у «красного фараона»: Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. — М.: Междунар. отношения, 1994.
- Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. — М.: Международные отношения, 2001.
- Кочеткова Т.Ю. Вопросы создания ООН и современная дипломатия // ОИ. 1995. № 1. С. 28—48.
- Крикунов П. Казаки. Между Гитлером и Сталиным: крестовый поход против большевизма. — М.: Яуза; Эксмо, 2006.

- Кринько Е.Ф. Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // ВИ. 2004. № 11. С. 153–164.
- Крысин М.Ю. Кого в Прибалтике провозглашают героями // ВИЖ, 2001. № 5. С. 70–75.
- Крысин М.Ю. Прибалтийский фашизм. История и современность. — М.: Вече, 2007.
- Крысин М.Ю. Латышский легион СС: Вчера и сегодня. — М.: Вече, 2006.
- Кудряшов С. Предатели, «освободители» или жертвы войны? Советский коллаборационизм (1941–1942) // Свободная мысль, 1993. № 14. С. 84–98.
- Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР, 1941–1942 гг. // ННИ, 2006. № 6. С. 7–27.
- Курляндский И.А. О мнимом повороте Сталина к православной церкви // ВИ, 2008. № 9.
- Лаар М., Валк Х., Вахтре Л. Очерки истории эстонского народа. — Таллин: Купар, 1992.
- Лившин А.Я., Орлов И.Б. Пропаганда и политическая социализация // ОИ, 2008. № 1. С. 99–105.
- Логинов А.В. Власть и вера: Государство и религиозные институты в истории и современности. — М.: Изд-во БРЭ, 2005.
- Лысенко А.Е. Религия и церковь на Украине накануне и в годы Второй мировой войны // ВИ, 1998. № 4. С. 42–57.
- Майстренко И. Национальная политика КПСС в ее историческом развитии. — Мюнхен, 1978.
- Марьина В.В. Славянская идея в годы Второй мировой войны // Славянский вопрос: Вехи истории. Светлой памяти В.А. Дьякова посвящается. — М.: ИСБ, 1997. С. 169–181.
- Материалы к истории АН СССР за советские годы. 1917–1947. — М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950.
- Медведев Ж. От Советского Союза к Советской России: Сталин как русский националист // Независимая газета, 1997. 18 декабря. С. 8.
- Между Россией и Сталиным. Российская эмиграция и Вторая мировая война / Ред. кол.: С. В. Карпенко (отв. ред.) и др. — М.: РГГУ, 2004.
- Мюллер Н. Вермахт и оккупация, 1941–1944 гг. — М.: Воениздат, 1974.
- Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933–1945 гг. — М.: Изографус: ЭКСМО, 2002.

- Население СССР в XX веке: Исторические очерки. В 3 тт. — М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2.
- Невежин В. «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30–40-х годах. — М.: Яуза; Эксмо, 2007.
- Некрич А. Наказанные народы. — Нью-Йорк: Хроника, 1978.
- Окороков А.В. Особый фронт: немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. — М.: Русский путь, 2007.
- Пасат В. Депортации из Молдавии // Свободная мысль, 1993. № 3. С. 52–61.
- Петренко А.И. Прибалтика против фашизма: Советские прибалтийские дивизии в Великой Отечественной войне. — М.: Европа, 2005.
- Петрова Н.К. Антифашистские комитеты в СССР. 1941–1945 гг. — М.: РАН, Ин-т рос. истории, 1999.
- Подпрятков Н.В. Национальные воинские формирования народов Советского Союза в СССР и в фашистской Германии в годы Второй мировой войны. — Пермь: ПГУ, 2006.
- Поляков Ю. Почему мы победили? О массовом сознании в годы войны // Свободная мысль, 1994. № 11. С. 62–76.
- Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. — М.: ОГИ-Мемориал, 2001.
- Помогаев В.В. Украинский национализм после Второй мировой войны. Маски и лицо. — Тамбов, 2000.
- Попович Н. Советская политика по укреплению русского патриотизма и самосознания (1935–1945 гг.) // Россия в XX веке: Историки мира спорят. — М.: Наука, 1994. С. 468–471.
- Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. — М.: Республика, 1995.
- Потемкина М.Н. Единство тыла: миф или реальность? (Водораздел «наши-чужие» в Великой Отечественной войне // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: Материалы междунар. науч. конф. — СПб.: Нестор, 2001. С. 259–260.
- Прозектор Д.М. Агрессия и катастрофа: Высшее военное руководство Германии во Второй мировой войне. — М.: Наука, 1972.
- Пушкарев Л.Н. Словесные источники для изучения ментальности советского народа в годы Великой Отечественной войны // ВИ, 2001. № 4. С. 127–134.

- Пфедфер К.Г. Немцы и другие народы во Второй мировой войне // Итоги Второй мировой войны. — М.: Изд. иностр. лит-ры, 1957. С. 492—515.
- Решин Л.Е. Wlassow-Aktion // ВИЖ, 1992. № 3. С. 22—25.
- Решин Л.Е. «Казачи» со свастики // Родина, 1993. № 2. С. 70—79.
- Романько О.В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941—1945. — М.: Вече, 2008.
- Романько О.В. Мусульманские легионы Третьего рейха: мусульманские добровольческие формирования в германских вооруженных силах (1939—1945). — Симферополь: Таврия-Плюс, 2000.
- Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Стат. исслед. / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
- Руколь Б.М. Идея общности славян в материалах Всеславянского комитета в Москве // Славянский вопрос: Вехи истории. Светлой памяти В.А. Дьякова посвящается. — М.: ИСБ, 1997. С. 204—210.
- Русский фольклор Великой Отечественной войны. — М.— Л.: Наука, 1964.
- Рычков С.М., Куликов Ю.Н. Образ врага в сознании советских людей в годы Великой Отечественной войны // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: Материалы междунар. науч. конф. — СПб.: Нестор, 2001. С. 249—252.
- Семиряга М.И. Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. — М.: РОССПЭН, 2000.
- Сенявская Е.С. Психология солдата // Война и общество, 1941—1945: В 2 кн. / Под ред. Г.Н. Севастьянова. — М.: Наука, 2004. Кн. 2. С. 215—231.
- Сомов В.А. Образ врага в сознании гражданского населения в годы Великой Отечественной войны // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: Материалы междунар. науч. конф. — СПб.: Нестор, 2001. С. 265—266.
- Сперанский А.В. Церковь и власть в годы Великой Отечественной войны: Возрождение религиозных традиций // Уральский исторический вестник, 2005. № 10/11. С. 144—160.
- Толстой-Милославский Н. Жертвы Ялты. — М.: Рус. путь, 1996.

- Филоненко С.И., Филоненко М.И. Психологическая война на Дону: Мифы фашистской пропаганды. 1942–1943. — Воронеж: Кварта, 2006.
- Фирсов Ф.И. Сталин и Коминтерн // ВИ, 1989. № 8. С. 3–23; № 9. С. 3–19.
- Хоскинг Дж. Российское национальное самосознание в XX веке // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. — М.: Наука, 1999. С. 55–63.
- Царевская Т.В. Крымская альтернатива Биробиджану и Палестине // ОИ, 1999. № 2. С. 121–125.
- Цыпин В. История Русской православной церкви 1917–90 гг. — М.: Хроника, 1994.
- Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь и верующие, 1941–1961. — М.: АИРО-XX, 1999.
- Шварц С.М. Антисемитизм в Советском Союзе. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.
- Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. — М.: Вече, 2007.
- Шкаровский М.В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской православной церкви в свете архивных материалов: Сб. док. — М.: Изд-во Крутиц. Патриаршего Подворья, 2003.
- Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943–1964 гг.: От «перемирия» к новой войне. — СПб.: ДЕАН+АДИА-М, 1995. — С. 216.
- Шуктомов П.И. Боевое содружество народов СССР в Великой Отечественной войне. — М.: Знание, 1970.
- Юрков Д.В. Жизнь казачества в 20–30-е годы XX века и его участие в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // Россия: цивилизация, патриотизм, культура. — М.: Изд. РУДН, 2003. С. 447–451.
- Якунин В.Н. Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — Тольятти: Изд-во ТГАС, 2004.
- Ямковой А.А. Вклад Украины в разгром нацистской Германии // Вторая мировая война и преодоление тоталитаризма. — М.: Памятники ист. мысли, 1997. С. 26–30.
- Ямпольский В.П. «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 гг. — М.: Кучково поле, 2008.

- Alexiev, Alexander R. and Wimbush, S. Enders, ed.* Ethnic Minorities in the Red Army: Asset or Liability? — Boulder and London: Westview Press, 1988.
- Armstrong, John A.* Ukrainian Nationalism. — Englewood: Ukrainian Academic Press, 1990. — 271 p.
- Bassler, Gerhard P.* The Collaborationist Agenda in Latvia 1941–1943 // The Baltic Countries Under Occupation. Soviet and Nazi Rule, 1939–1991. — Stockholm: Stockholm University, 2003. P. 77–84.
- Carrère d'Encausse, Hélène.* The Nationality Question in the Soviet Union and Russia. — Oslo: Scandinavian University Press, 1995. — 74 p.
- Curtis, John Shelton.* The Russian Church and the Soviet State, 1917–1950. — Boston: Little, Brown and Co., 1953. — 387 p.
- Dohnanyi, Ernst von.* Combating Soviet Guerillas. // Modern Guerilla Warfare. Combating Communist Guerilla Movements, 1941–1961. — NY: The Free Press of Glencoe, 1962. P. 100–111.
- Fletcher, William C.* A Study in Survival: The Church in Russia, 1927–1943. — NY: The Macmillan Co., 1965. — 168 p.
- Fletcher, William C.* The Russian Orthodox Church Underground, 1917–1970. — Lnd: Oxford University Press, 1971. — 314 p.
- Hosking, Geoffrey.* Rulers and Victims. The Russians in the Soviet Union. — Cambridge, Ma; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2006. — 484 p.
- Kasekamp, Andres.* The Ideological Roots of Estonian Collaboration During the Nazi Occupation // The Baltic Countries Under Occupation. Soviet and Nazi Rule, 1939–1991. — Stockholm: Stockholm University, 2003. P. 85–95.
- Kolarz, Walter.* Religion in the Soviet Union. — Lnd: McMillan & Co. Ltd, 1962. — 518 p.
- Littlejohn, David.* The Patriotic Traitors: A History of Collaboration in Germany-occupied Europe. — Lnd: Heinemann, 1972. — 391 p.
- Longworth, Philip.* The Cossacks. — New York — Chicago — San Francisco: Holt, Rinehart and Winston, 1970. — 409 p.
- Lyons, Eugene.* Our Secret Allies: The Peoples of Russia. — NY; Boston, 1953. — 376 p.
- Misuinas, Romuald J. and Taagepera, Rein.* The Baltic States. Years of Dependence, 1940–1990. — Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1993. — 400 p.

- O'Connor, Kevin.* The History of the Baltic States. — Westport — London: Greenwood Press 2003. — 220 p.
- Pohl, Dieter.* Russians, Ukrainians, and German Occupation Policy, 1941–1943 // Culture, Nation and Identity. The Ukrainian-Russian Encounter, 1600–1945. — Edmonton — Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2003. P. 277–297.
- Reitlinger, Gerald.* The House Built on Sand. The Conflicts of German Policy in Russia, 1939–1945. — NY: The Viking Press, 1960. — 459 p.
- Simon, Gerhard.* Nationalism and Policy Toward the Nationalities of the Soviet Union. From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society. — Boulder—San Francisco—Oxford: Westview Press, 1991. — 483 p.
- Thornwald, Jürgen.* The Illusion: Soviet Soldiers in Hitler's Armies. — NY—Lnd: A Helen and Kurt Wolff Book, 1975. — 342 p.
- Vakar, Nicholas P.* Belorussia. The Making of a Nation. — Cambridge: Harvard University Press, 1956. — 297 p.
- Vaksberg, Arkady.* Stalin Against the Jews. — NY: Liberty Publishing, 1995. — 415 p.

Предисловие.....	5
Глава I. ВОЙНА И «РУССКИЙ ФАКТОР».....	9
Глава II. НАРОД И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА	74
Глава III. ВЛАСТЬ И РЕЛИГИЯ	97
Глава IV. ВЛАСТЬ И «ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС»	148
Глава V. ИНОСТРАННЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.....	167
Глава VI. БОРЬБА С АНТИСОВЕТСКИМ ПОВСТАНЧЕСТВОМ.....	185
Глава VII. ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ.....	210
Глава VIII. ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА.....	233
Заключение	343
Приложения	351
Примечания.....	362
Список принятых сокращений	396
Библиография	399

Научно-популярное издание

РУССКИЙ ВЗГЛЯД

Синицын Федор Леонидович

**ЗА РУССКИЙ НАРОД! НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

Издано в авторской редакции

Ответственный редактор *Л. Незвинская*

Художественный редактор *П. Волков*

Технический редактор *В. Кулагина*

Компьютерная верстка *Л. Кузьминова*

Корректор *Н. Хотинский*

ООО «Издательство «Яуза»

109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5

Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 11.03.2010.

Формат 84x108 1/32 Гарнитура «Балтика».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 3000 экз. Зак. № 21966.

Отпечатано по технологии CtP

в ОАО «Печатный двор» им. А.М. Горького

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15

ISBN 978-5-699-41314-0

9 785699 413140 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.

International@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении,

обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.

Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.

Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

В начале Второй Мировой войны в Советском Союзе произошла настоящая идеологическая революция – на смену воинствующему интернационализму и государственной русофобии пришел новый советский патриотизм. В «либеральных» кругах до сих пор бытуют упрощенные представления об этом процессе – дескать, после нападения Гитлера на СССР и ошеломляющего разгрома Красной Армии Сталин понял, что народ не желает воевать за призрак Интернационала, и по необходимости сделал ставку на русский патриотизм, доходящий до национализма, а кульминацией этой новой политики стал знаменитый тост **«За русский народ!»**. На самом деле, все было далеко не так просто и однозначно – например, знаменитый фильм «Александр Невский» с его незабываемым гимном **«Вставайте, люди русские!»** впервые вышел на экраны еще в 1938 году, а первый призыв к **«здоровому, правильно понятому национализму»** прозвучал из уст Сталина в мае 41-го.

Эта книга – ПЕРВОЕ комплексное исследование национальной политики советского руководства в годы Великой Отечественной войны: не только «русского вопроса», но и еврейского, немецкого, всеславянского, взаимоотношений с Церковью, проблемы «репрессированных народов» и т.п.

За русский народ!

Федор СИНИЦЫН

Национальный вопрос в Великой Отечественной войне

РУССКАЯ
ВЗГЛЯД
СНИИ

